

Республиканское государственное бюджетное учреждение
дополнительного профессионального образования «Карачаево-Черкесский
республиканский институт повышения квалификации работников образования»

На правах рукописи

Эбзеев Ахмат Аскербиевич

**Современный неинституированный политический процесс:
северокавказская проекция
(на примере Карачаево-Черкесской Республики)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и
технологии

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
Шебзухова Фатима Айсовна,
доктор философских наук, профессор

Черкесск – 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования неинституированного политического процесса	23
1.1. Неинституированный политический процесс: сущность, особенности ...	23
1.2. Конфликтологическое измерение неинституированных политических процессов	45
1.3. Регионально-локальное измерение неинституированных политических процессов	74
Глава 2. Элита, социальное недовольство и политическая лояльность в контексте неинституированного политического процесса	107
2.1. Роль элиты в неинституированном политическом процессе	107
2.2. Политические факторы социального недовольства как особенность неинституированного политического процесса	148
2.3. Политическая лояльность в рамках неинституированного политического процесса	188
Глава 3. Политическая дезинтеграция и интеграция как векторы неинституированного политического процесса	211
3.1. Дезинтеграционный вектор неинституированного политического процесса	211
3.2. Интеграционный вектор неинституированного политического процесса	233
3.3. Фактор центра в дезинтеграционных и интеграционных трендах неинституированного политического процесса	254
Заключение	278
Список литературы	290
Приложения	327

Введение

Актуальность данного исследования определяется прежде всего назревшей необходимостью глубокого научного осмысления неинституционализированных практик, используемых различными политическими акторами. Такие практики получили довольно широкое распространение, особенно в некоторых российских регионах. Многонациональное общество, разделенное этническими границами, все больше способствует возникновению и созданию скрытых, обособленных органов управления, что усугубляет ситуацию и ведет к заметному падению уровня жизни, а также снижению экономической и культурной активности. Не оправдались ожидания, что децентрализация власти сама по себе приведет к расцвету демократии и экономическому росту. Скорее она привела к созданию клановой системы правления, при которой личные интересы зачастую преобладают над государственными. Слабость политических институтов порождает ощущение безысходности, которое только укрепляет дестабилизирующие тенденции. Все это требует дальнейшей разработки и концептуализации такого понятия, как неинституированный политический процесс. К настоящему времени регионалистический дискурс занял видное место не только в научных, но и в политических кругах. Еще более десяти лет назад президент В. В. Путин отметил, что нужны целенаправленные исследования по определению самого понятия макрорегиона, определение его границ, обусловленных территориальными, природными, инфраструктурными, демографическими и этнокультурологическими особенностями, с тем, чтобы

определить наиболее эффективные пути развития регионов для обеспечения интересов граждан, проживающих на этих территориях, а может быть, даже поправить и оптимизировать границы федеральных округов¹. Проблемы безопасности на региональном уровне сегодня не менее актуальны, чем проблемы государственной или национальной безопасности. Исходя из этого, наиболее актуальной научной задачей стало всестороннее осмысление факторов, определяющих кризисные процессы, а также осмысление и анализ положительного и отрицательного опыта развития российских регионов.

С точки зрения целей настоящего исследования наибольший интерес представляет регион Северного Кавказа, где во всем многообразии ярко проявляются неинституированные политические практики. Сращивание институтов власти и этнических элит, имеющее в регионе продолжительную историю, начавшуюся еще в имперской России и латентно развивавшуюся при социалистическом строе, оказывает значительное влияние на политический процесс. Этнические элиты играют ключевую роль в возникновении и разрешении политических конфликтов, стабилизации и дестабилизации политической обстановки в регионе. Здесь «клан», «фамилия», «род», «фамильный аул» (территория) не превратились в архаичные понятия, продолжая оказывать влияние на формирование современных властных структур, распределение ресурсов и конфигурацию финансовой системы. В выборных кампаниях – это теневые, но при этом главные регуляторы в отборе и поддержке претендентов. Они же являются и движущими силами политической интеграции, реинтеграции и дезинтеграции в полиэтничном регионе. В связи с этим изучение этнической элиты как основного актора политического процесса приобретает особую актуальность.

Экстраполируя процесс глобализации на свои маленькие территории, элиты дают начало процессу роста напряженности межэтнических отношений,

¹ В. Путин считает нужным разработать концепцию «макрорегионов РФ» и не исключает, что это приведет к изменению границ федеральных округов (30 ноября 2007 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://1prime.ru/politics_economy/20071130/759575609.html (дата обращения: 19.12.2019).

декларируя превосходство одного этноса над другим. Информационно-идеологическое направление местных «глобалистов» построено на внедрение в сознание населения, особенно молодежи, идеи приоритета частного интереса над общественным. Открыто демонстрируются достижения личной выгоды и формируется убеждение в безграничных возможностях богатства. Размер личного и семейного богатства в силу беззастенчивой демонстрации его возможностей, все более ощутимо начинает обретать статус первоосновы, тесня традиционную духовность и традиционный аскетизм. В многонациональных сообществах девальвация духовности тут же восполняется межнациональной непримиримостью.

На современные политические процессы в регионе активно воздействует историческая память. Умелые действия деструктивно настроенных элит переводят существующие в массовом сознании настроения из плоскости ущемления материальных интересов народа, на позиции оскорбления его чести. Подобный перевод является распространенным механизмом трансформации социально-экономического конфликта в национально-политический. Для своевременного и эффективного вмешательства в эти деструктивные процессы властям разного уровня обычно не хватает как теоретических знаний, так и практических навыков в управлении неинститутированным политическим процессом. И в этой связи настоящее диссертационное исследование призвано внести определенный вклад в формирование научной региональной парадигмы как направления политологических исследований в полиэтничном регионе.

Учитывая изложенное выше, можно заключить, что исследование современного неинститутированного политического процесса, выполненное на материалах политической жизни Северного Кавказа, представляется крайне актуальным, как с точки зрения политической теории, так и с точки зрения политической практики.

Степень научной разработанности проблемы. Отдельные проблемы, так или иначе касающиеся неинститутированного политического процесса, изучались целым рядом отечественных и зарубежных ученых. Все их работы,

по нашему мнению, можно условно разделить на три группы. Первую группу составляют работы, посвященные политическому процессу в целом, его содержанию и динамике. Сюда можно отнести работы Р. Далтона, М. Манион, Д. Кингдона, Б. Пауэлла, К. Стрем, А. Ю. Шутова² и др. Ко второй группе можно причислить работы, авторы которых рассматривали отдельные стороны неинституированного политического процесса, такие как политический протест, клиентелизм и пр. Это труды А. В. Гилева, Е. В. Колдуновой, Д. Корнстейджа, Л. Мюллер³ и др. Третья группа включает работы, в которых анализируются собственно неинституированные политические практики. В этом русле работает, например, Ц. Фанг⁴.

Акцент, сделанный в работе на Северном Кавказе, требует упоминания в настоящем разделе и работ, анализирующих политический процесс в этом стратегически важном регионе. Среди этих работ можно также условно выделить несколько групп. Первая группа посвящена внешним факторам, влияющим на политический процесс на Северном Кавказе. Ю. Г. Волков, В. В. Дегоев, А. И. Добаев, И. П. Добаев, А. В. Лубский, В. П. Чернобровкин, В. М. Юрченко и другие авторы исследуют угрозы национальной безопасности Российской Федерации на кавказском направлении.⁵ В. Д. Дзидзоев, В. Н.

² Powell G. B. et al. *Comparative Politics Today: A World View*. London: Pearson, 2018; Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. London: Pearson, 2011; Шутов А. Ю. *Политический процесс (теоретико-методологические аспекты): дисс. ... канд. полит. наук. М., 1993.*

³ Гилев А. В. Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах // *Политическая наука*. 2017. № 4. С. 61-84; Колдунова Е. В. Политический кризис и социальный протест в Таиланде // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 4. С. 222-228; Cornstage D. *The Price of a Vote in the Middle East: Clientelism and Communal Politics in Lebanon and Yemen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Mueller L. *Political Protest in Contemporary Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

⁴ Fang J. *Non-institutional Political Participation: A Case Study of Chinese Peasants During the Transformation Period*. Heidelberg: Springer, 2016.

⁵ Волков Ю. Г., Лубский А. В., Чернобровкин И. П. Консолидация ценностной политики на Юге России // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 11. С. 34-43; Дегоев В. В. Кавказская «обочина» мировой политики XX века // *Кавказология*. 2018. № 1. С. 191-207; Добаев И. П., Добаев А. И. Финансовые аспекты подпитки сетевых террористических структур на Северном Кавказе // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 132-142; Юрченко В. М. Проблемы обеспечения национальной безопасности России: геополитические и

Панин, М. Д. Розин, В. Н. Рябцев, В. П. Свечкарев, А. А. Язькова и др. акцентируют внимание на анализе функций кавказского региона в системе современных международных отношений, касаясь и особенностей политических процессов⁶. Северный Кавказ привлекает внимание таких зарубежных аналитиков, как С. Корнелл, С. Мур, Д. О'Лафлин, Ф. Старр, Ф. Уитмер, Э. Холланд и др.⁷, рассматривающих протекающие в нем политические процессы сквозь призму обеспечения безопасности в западном мире.

Вторая группа посвящена внутренним факторам, влияющим на политический процесс на Северном Кавказе. Различные политические проблемы, обусловленные внутренними факторами, освещают в своих публикациях такие исследователи, как Е. Ю. Баженова, В. Н. Коновалов, Г. В. Косов, А. В. Сериков, Г. В. Станкевич, Д. В. Умаров, В. В. Черноус⁸ и др.

внутригосударственные аспекты, существующие вызовы, угрозы и риски // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т. А. Сениушкиной, А. В. Баранова. Симферополь: Ариал, 2016. С. 255-258.

⁶ Дзидзоев В. Д. Осетинская интеграция: сторонники и противники // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 27-32; Панин В. Н., Рябцев В. Н. Американские технологии «переформатирования» государств Ближнего и Среднего Востока в современных условиях // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 175-180; Розин М. Д., Рябцев В. ., Свечкарев В. П. Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ // Инженерный вестник Дона. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_81_Rozin.pdf_77567dfff8.pdf; Язькова А. А. Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики // Современная Европа. 2016. № 3. С. 147-148.

⁷ Starr S. F., Cornell S.E. The Long Game on the Silk Road: US and EU Strategy for Central Asia and the Caucasus. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018; Moore C. Foreign Bodies: Transnational Activism, the Insurgency in the North Caucasus and «Beyond» // Terrorism and Political Violence. 2015. Vol. 27. № 3. P. 395-415; Holland E. C., Witmer F. D. W., O'Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010-2016 // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58. № 6. P. 613-641.

⁸ Баженова Е. Ю., Сериков А. В., Черноус В. В. Стратегирование в государственной региональной политике России и обеспечение ее национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 130-139; Коновалов В. Н. Роль борьбы за ресурсы и статусы в урегулировании конфликтов на Северном Кавказе // Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство / Под ред. Т. А. Шебзуховой, А. А. Вартумяна, Н. Ю. Рудь. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 173-177; Косов Г. В., Станкевич Г. В., Умаров Д. В. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция // Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе / Под ред. Н. П. Медведева. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 46-59.

Наконец, третью группу составляют работы, в которых поднимается тема этнополитических процессов и этнополитических конфликтов. Широкий круг отечественных авторов занимается изучением теоретических проблем этнополитических аспектов политической ситуации в регионе Северного Кавказа. В этом спектре необходимо выделить исследователей А. З. Адиева, М. А. Аствацатурову, Н. Ф. Бугая, Л. М. Дробижеву, В. Ю. Зорина, Т. Н. Литвинову, А. А. Санглибаева, В. В. Степанова, В. А. Тишкова, Х. Г. Тхагапсоева, Д. С. Чекменева, Е. А. Щербину и других авторов⁹. Отметим, что при рассмотрении общих проблем отечественной этнополитической ситуации обычно используются эмпирические материалы на примере именно Северо-Кавказского региона. Это свидетельствует о модельном характере Северного Кавказа с точки зрения изучения современной отечественной этнополитики.

Несмотря на разработанность многих аспектов, касающихся предмета настоящей работы, комплексного и детального политологического исследования неинституированного политического процесса до настоящего времени не проводилось, что и определяет научный интерес автора к избранной теме.

Гипотеза исследования. Автор исходит из предположения, что в определённой политической среде формируются условия для

⁹ Адиев А. З., Щербина Е. А. Дагестан и Карачаево-Черкесия: проблемы регулирования этнического состава в органах власти в полиэтничных регионах // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 59-63; Аствацатурова М. А., Чекменев Д. С. Фактор этнокультурных и этноконфессиональных отношений современного общественного дискурса СКФО // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 2. С. 162-166; Бугай Н. Ф. Проблема безопасности в межэтнических отношениях: составляющие, эволюция, решение // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-1. С. 90-107; Дробижева Л. М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 105-126; Зорин В. Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4. С. 158-176; Литвинова Т. Н. Доверие власти как предпосылка согласия в обществе (на примере Северо-Кавказских республик Российской Федерации) // Политика и общество. 2018. № 3. С. 35-51; Санглибаев А. А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Полис. 2007. № 6. С. 52-63; Тишков В. А., Степанов В. В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879-890; Тхагапсоев Х. Г. Когда политикой правит культура: к особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. 2018. № 1. С. 12-36.

неинституированных практик, которые в совокупности, достигнув достаточной степени развития, как с точки зрения своего количества, так и качества, запускает неинституированный политический процесс. С большей долей вероятности такой процесс охватывает региональные полиэтнические сообщества, где и так существует высокий риск архаизации политического пространства и политических конфликтов. Более того, можно ожидать, что в рамках неинституированного политического процесса реализуются самые различные интересы, как стабилизирующие, так и дестабилизирующие политическую ситуацию, поддерживающие как политическую интеграцию, так и способствующие дезинтеграции политического пространства.

Объектом диссертационного исследования выступает современный политический процесс.

Предметом диссертационного исследования являются неинституированные практики политического процесса.

Цель диссертационного исследования состоит в изучении современного неинституированного политического процесса с использованием кейсов Северо-Кавказского макрорегиона.

Для достижения указанной цели потребовалось решение следующих **задач**:

- выделить особенности и сущностные характеристики неинституированного политического процесса;
- обозначить социально-политические последствия неинституированного политического процесса, в том числе в полиэтничном политическом пространстве;
- выявить условия, благоприятствующие формированию и развитию специфических практик неинституированного политического процесса;
- обосновать роль элиты в функционировании неинституированного политического процесса, выявить ее значение в формировании и трансляции политических практик в ситуации обостряющейся межэтнической конкуренции;

- подтвердить связь между характером социального недовольства и неинституированным политическим процессом;
- определить влияние практик, сформировавшихся в ситуации неинституированного политического процесса, на трансформацию политической лояльности населения;
- доказать наличие корреляции между неинституированным политическим процессом и процессами политической дезинтеграции;
- установить корреляцию между неинституированным политическим процессом и процессами политической интеграции;
- выявить механизмы и границы влияния политики «центра» на неинституированный политический процесс.

Территориальные рамки диссертационной работы. Территориальные рамки работы ограничены республиками Северного Кавказа, объединенными общими социально-культурными, политическими и историческими характеристиками (Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика).

Хронологические рамки работы. Хронологические рамки работы охватывают период с 1998 по 2018 гг. Выбор 1998 года в качестве нижней хронологической границы исследования обусловлен ростом социально-экономической, этнополитической напряженности в Карачаево-Черкесии накануне первых в истории республики прямых выборов главы региона, кульминацией которых стал политический кризис 1999 г., потребовавший вмешательства федерального центра. Вмешательство центральных властей и проявление воли со стороны конфликтующих сторон исключили возможность развития событий по деструктивному сценарию. Кроме того, следует учитывать, что после урегулирования острой фазы конфликта, нельзя было исключать рецидивов, поскольку основные социально-экономические, межэтнические противоречия в республике оставались нерешенными, что, безусловно, требовало более длительного периода для решения существующих

проблем. Поэтому представляется, что именно в длительном временном отрезке (1998 по 2019 гг.) можно выявить особенности исследуемого объекта, этапы его развития и характерные черты эволюции.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования. Методологическая основа диссертации носит комплексный характер, обусловленный сложностью исследовательского объекта. Для решения поставленных задач автор использовал ряд взаимосвязанных и дополняющих друг друга исследовательских подходов, концепций и методов. Прежде всего, автор опирался на конструктивистский подход, связывающий политическое поведение и идентичность с «построенным», сформированным в сознании человека образом реальности¹⁰, а также на вытекающие из него положения неинституционализма, ставящего акцент на правилах и нормах, задающих рамки политического взаимодействия¹¹. Вместе с тем автор обращался к системному подходу¹², представляя политический процесс как неотъемлемый атрибут политической системы, отражающий ее динамическую составляющую. По мнению автора, изучение сложных социальных феноменов, к которым, безусловно, относится и политический процесс, предполагает использование в различных сочетаниях трех указанных подходов.

Помимо названных выше подходов для анализа отдельных аспектов темы применялись специальные концепции, разработанные в рамках современной политической науки. Анализ политического процесса осуществлялся через призму потоковой и стадияльной концепций политического процесса¹³.

¹⁰ Bertucci M. E., Hayes J., James P. A New Look at Constructivism // *Constructivism Reconsidered: Past, Present, and Future* / Ed. by M. E. Bertucci, J. Hayes, P. James. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2018. P. 1-14.

¹¹ Krucken G., Meyer R.E., Walgenbach P. New Themes in Institutional Analysis: Topics and Issues from European Research // *New Themes in Institutional Analysis: Topics and Issues from European Research* / Ed. by G. Krucken et. al. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. P. 1-11.

¹² Easton D. A. *Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley, 1965.

¹³ Powell G. B. et al. *Comparative Politics Today: A World View*. London: Pearson, 2018; Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. London: Pearson, 2011.

Региональная локализация неинституированного политического процесса рассматривалась через призму теории политического регионализма, а именно той ее части, которая посвящена т.н. микро- и макрорегионам¹⁴. Вопросы этнополитики, которые, учитывая тему и предмет настоящего исследования, невозможно избежать, нашли осмысление посредством синтеза инструменталистского¹⁵ и конструктивистского¹⁶ подходов к категории этничности. При подготовке диссертации использовались широко признанные методы контент-анализа, кейс-стади и экспертного опроса, позволившие, с одной стороны, доказать ключевые для работы теоретические выводы, а с другой – вывести ряд новых теоретических положений.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает в себя следующие виды документов:

- законодательные акты Российской Федерации и республик Северного Кавказа по вопросам национальной безопасности и приграничного сотрудничества;
- нормативно-правовые акты РФ и республик Северного Кавказа по данной тематике;
- материалы центральной и региональной периодической печати;
- результаты социологических исследований, проведенных ранее в различных субъектах РФ на территории Северного Кавказа;
- результаты социологического опроса, проведенного автором в ходе подготовки диссертационной работы;
- результаты собственного исследования (экспертного опроса), проведенного автором в ходе подготовки диссертационной работы;

¹⁴ Nadalutti E. Introduction: Region-Making, Cooperation and its Normative Dimension // Region-Making and Cross-Border Cooperation: New Evidence from Four Continents / Ed. by E. Nadalutti, O. Kallscheuer. Abingdon: Routledge, 2018. P. 1-14.

¹⁵ Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 2000.

¹⁶ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2016.

- документы политических партий и этнически ориентированных организаций региона;

- тексты публичных выступлений политических деятелей.

Более подробной характеристики здесь требует такой эмпирический источник, как результаты проведенного автором исследования «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (первый этап: февраль–июнь 2009 г.; второй этап: февраль–июнь 2018 г.).

Учитывая сложность объекта исследования и отсутствие в массовом сознании четких представлений об этнополитической трансформации, автор посчитал неэффективным проведение количественного опроса и избрал в качестве адекватного метода экспертный опрос. Экспертный опрос был проведен по разработанному автором опросному листу. В опросе приняли участие 45 экспертов, представляющих все субъекты Российской Федерации, отнесенные к Северному Кавказу в рамках нашего диссертационного исследования. Формируя экспертный пул, автор исследования стремился придерживаться следующего принципа: в каждом субъекте Федерации опрашивались минимально один представитель власти, научного сообщества и некоммерческой организации. Учитывая общее количество опрошенных экспертов, в большинстве субъектов РФ опрашивалось более чем по одному представителю каждой группы. Экспертный потенциал человека и адекватность этого потенциала теме опроса определялись по следующим параметрам: сфера деятельности; длительность работы по тематике исследования; общепризнанные достижения эксперта. Эксперты подбирались по методике «снежного кома», когда отобранный для участия в исследовании эксперт рекомендовал других экспертов, соответствующих заданным параметрам. Тема опроса политически чувствительна, в связи с чем, большая часть экспертов согласилась принять участие в опросе только на условиях анонимности.

Новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Выделены основные особенности неинституированного политического процесса, придающие ему сущностную самостоятельность – наличие

неконвенционального политического участия (протест) и неформальной системы распределения политических благ (клиентелизм), наблюдаемых на стадиях артикуляции интересов и осуществления политического курса соответственно;

2. Обозначены последствия неинституированного политического процесса, препятствующие использованию официальных механизмов разрешения разногласий, в том числе последствия неинституированного политического процесса в полиэтничном политическом пространстве, связанные с процессами политизации «неполитического» вообще, и крайне конфликтогенным феноменом политизации этничности в частности;

3. Выявлено главное условие неинституированного политического процесса – дефицит политических ресурсов, который наиболее остро проявляется на регионально-локальном уровне, в частности в Северо-Кавказском макрорегионе, где доминирует этническая элита и сильны идеи этноцентризма, которые сами по себе порождают и поощряют неинституированные политические практики;

4. Обосновано, что на фоне межэтнической конкуренции, характерной, например, для Северного Кавказа, часто происходит раздвоение функций политической элиты и развитие клановой формы клиентелизма, что, в свою очередь, приводит к возникновению уникальной ситуации, когда одна неинституированная практика одного порядка стимулирует неинституированную практику другого порядка;

5. Подтверждено, что неформальная система распределения благ выводит на первое место среди источников социального недовольства политические факторы, однако это недовольство, как правило, не трансформируется в протестную активность, что объясняется искусственной ограниченностью каналов артикуляции интересов и слабостью оппозиции в лице национальных (этнических) общественных движений;

6. Определено, что неинституированный политический процесс в полиэтничных пространствах, таких как пространство Северного Кавказа,

деформирует механизм формирования политической лояльности, которая в рамках такого процесса определяется уже не критериями административно-экономической эффективности, а критериями этнической принадлежности;

7. Доказано, что неинституированный политический процесс используется сторонниками политической дезинтеграции, которая может приобрести форму внутрирегионального политического раскола или суверенизации той или иной части многосоставного государства, ведя к ослаблению существующих механизмов посредничества и сотрудничества, а также эскалации межэтнических и конфессиональных конфликтов;

8. Установлено, что неинституированный политический процесс используется и сторонниками политической интеграции, которые посредством административно-территориального укрупнения и реже суверенизации в форме федерации, стремятся перераспределить властные ресурсы и повысить степень институционализации политического процесса;

9. Показано, что политика центра по отношению к регионам может не только лимитировать, но и интенсифицировать неинституированный процесс в их административном поле, если она, как показывает кейс Северного Кавказа, будет связана с политической градацией местных этносов, «игрой» в «народы-форпосты» и поощрением межэтнических столкновений, неизбежно превращающих его в «серую», малопроницаемую для центральных властей «зону».

На защиту выносятся следующие положения:

1. В рамках стадияльной модели политический процесс интерпретируется как совокупность следующих друг за другом стадий: артикуляция интересов, агрегация интересов, определение политического курса и его реализация. Первая и последняя из них имеют ключевое значение в понимании сущности неинституированного политического процесса. Политический процесс может быть назван неинституированным, если, по крайней мере, стадии артикуляции интересов и осуществления политического курса будут характеризоваться двумя особенностями: первая – преобладанием неконвенционального

политического участия (политического протеста), а вторая – преобладанием неформальной системы распределения политических благ (политического клиентелизма). Протест и клиентелизм объединяет то, что они игнорируют посредническую роль институтов, приводящих в движение политический механизм в любой демократической системе. Как следствие, такой политический процесс, во-первых, отличается повышенной конфликтностью, и, во-вторых, именно на локально-региональном уровне он находит наиболее благоприятные условия для своего развития.

2. Неинституированный политический процесс гальванизирует существующие разногласия в социально-политической сфере, не гарантирует их разрешения в связи с доминированием декоративных политических институтов, минимизацией посреднической роли официальных структур, неразвитостью институтов гражданского общества. В таких условиях укрепляется связка «власть – собственность», прогрессирует дисфункция политической системы, легитимизируются условия препятствующие возвращению к функциональному состоянию политической системы, наблюдается рост сторонников данной ситуации среди политической элиты, не видящей альтернативы как социально-политического развития государства, так и своего места в политической иерархии, основанной на иных (в том числе и демократических) принципах. Политические «брокеры», монополизируют право доступа к «патрону», скрывая за интересами «клиентов» свои собственные интересы. При этом государство утрачивает возможность использовать легитимные, конвенциональные и формальные механизмы урегулирования конфликтов, тем самым способствуя их эскалации. Еще выше степень конфликтности неинституированного процесса в полиэтничном политическом пространстве, где он часто влечет за собой иерархизацию этнонациональной структуры, что в свою очередь, в сопутствующем общественном дискурсе приводит к тому, что социальные проблемы быстро трансформируются в национальные, ведя к этнизации политики или политизации этничности, к крайне конфликтным, по своей сути,

социально-политическим процессам, дестабилизирующим политическое пространство страны в целом, порождая волну вызовов, рисков и угроз национальной безопасности.

3. Наиболее благоприятные условия для развития неинституированных политических процессов складываются на уровне регионов, для которых характерен дефицит политических ресурсов. Северный Кавказ, являясь частью более обширного политического пространства со своей спецификой политической организации, можно классифицировать как политический регион, характеризующийся дефицитом политических ресурсов и, следовательно, обладающий потенциалом для динамики неинституированного политического процесса. Доминирующим, а порой и единственным, актором политического процесса здесь выступает этническая элита, разделяющая идеи этноцентризма. Этноцентризм накладывает отпечаток на весь политический процесс, который вращается главным образом вокруг защиты национально-этнических прав (следствие полиэтничности) и финансово-экономических интересов (следствие дефицита экономических ресурсов). Такие параметры, безусловно, и порождают и поощряют неинституированные политические практики.

4. В условиях межэтнической конкуренции наблюдается раздвоение функций политической элиты и развитие клановой формы клиентелизма. Традиционные, явные функции дополнились латентными, недеклалируемыми функциями, приобретшими приоритетное значение. Представители экономической элиты финансируют продвижение своих родственников в политическую элиту, которая, в свою очередь, оказывает чрезвычайно важную политическую поддержку их экономическим интересам. Как следствие, элита, придерживаясь в большинстве своем норм авторитарно-традиционалистской политической культуры, воспринимает власть как механизм распределения материальных благ и экономических преимуществ. Однако, монополизировав функцию распределения, элита превращает власть в орудие дестабилизации общества и конфликтогенный фактор. Возникает уникальная ситуация, когда

одна неинституированная практика, неформальная система распределения благ, стимулирует появление другой, неконвенционального политического участия, способной потенциально найти некоторую поддержку на фоне недееспособности местных элит решить экономические проблемы и исторические противоречия.

5. Неформальная система распределения благ, предполагающая чрезмерно активный обмен по линии «власть – собственность», выводит на первое место среди источников социального недовольства политические факторы, которые в значительной степени преобладают над экономическими факторами. При этом неудовлетворенность политической ситуацией не приводит к пропорциональному росту протестного настроения. Число тех, кто готов к выражению активного недовольства, не достигает и трети от общего числа лиц, выражающих пассивное недовольство сложившейся ситуацией. Практическому осуществлению протестной активности препятствует искусственная ограниченность каналов артикуляции интересов и слабость оппозиции в лице национальных общественных движений, вызванная особенностью полиэтничного социума в Северо-Кавказском макрорегионе. Правомерно говорить, что потеря веры в результаты протестных акций, «инфляция» протеста, отчасти блокирует прямую трансформацию практики неформального распределения политических благ в практику неконвенционального политического участия.

6. Неинституированный политический процесс в полиэтничных пространствах деформирует механизм формирования политической лояльности. В обычных условиях уровень политической лояльности к элите коррелирует с уровнем ее эффективности. В определенных условиях эта корреляция разрушается, приводя к тому, что эффективность утрачивает главенствующую роль в конструировании вертикальных политических отношений. На Северном Кавказе главным фактором, деформирующим механизм формирования политической лояльности, оказывается гиперболизированная этническая идентичность и распространенность идей

этноцентризма. Наиболее дискредитирующие элиту обвинения, такие как обвинения в коррумпированности и использовании служебного положения в личных целях, не признаются населением с такой же, как и представители элиты, этнической принадлежностью. При этом менее дискредитирующие обвинения, например, обвинения в непрофессионализме, воспринимаются населением практически в той же степени, как если бы они касались элиты иной этнической принадлежности или элиты, лишенной ярко выраженных этнических признаков.

7. Определенная часть политической активности, входящей в область неинституированного политического процесса, ведется в русле дезинтеграционного вектора. Многие силы в регионе предпринимают попытки радикального перераспределения властных ресурсов и делегитимизации традиционных элит, игнорируя возможные негативные последствия, а зачастую и прямо призывая к дестабилизации политической ситуации. Сторонники политической дезинтеграции, которая может найти выход как в форме внутрирегионального политического раскола, так и в форме суверенизации той или иной части многосоставного государства, широко используют неинституированные процедуры, воспринимаемые ими как эффективные, а порой и единственные, средства распространения своих идей, расширения собственных рядов и обретения дополнительных финансовых ресурсов. С учетом специфики северокавказского макрорегиона наложение дезинтеграционных стремлений на неинституированные политические практики порождает две угрозы стабильному протеканию политических процессов – эскалацию межэтнических конфликтов и ослабление существующих механизмов посредничества и сотрудничества по линиям «регион – центр», «регион – регион», «регион – часть региона» и «часть региона – часть региона».

8. Специфические политические практики задействованы для поддержания политической активности в русле интеграционного вектора неинституированного политического процесса. В политической интеграции

заинтересованы элиты, стремящиеся к открытию новых сфер политической реализации, с вытекающим отсюда распределением властных ресурсов. Данный вектор неинституированного политического процесса значительно слабее дезинтеграционного вектора и включает в себя на настоящий момент лишь неформальную систему распределения политических благ. Он находит отражение либо в идее интеграции региона как целого в государственное образование, идее, получившей реализацию в виде создания Северо-Кавказского федерального округа, либо в идее интеграции региона в суверенную федерацию, идее, имеющей свою богатую историю, но менее популярной и крайне труднореализуемой на практике. Большая часть современной политической элиты Северного Кавказа, отказавшись от сепаратизма, пытается в отношениях с федеральным центром совмещать демонстрацию лояльности со своим правом на внутреннюю политическую автономию, которая бы открыла дорогу большей институционализации политического процесса.

9. Политика центра по отношению к регионам оказывает разнонаправленное влияние на масштабы и содержание неинституированного процесса, разворачиваемого в их административном поле. Независимо от своих форм, будь то диалог или репрессивные акции, такая политика может как сокращать, так и расширять масштабы и содержание неинституированного политического процесса. Российская политика крайне разнообразна, что затрудняет однозначную оценку ее влияния на неинституированный процесс на местах. Однако, экспертные опросы показывают, что федеральные решения будут интенсифицировать неинституированный политический процесс, если они будут связаны с политической градацией местных этносов, «игрой» в «народы-форпосты» и поощрением межэтнических столкновений. При подобных социально-политических и духовно-идеологических доминантах северокавказский макрорегион будет превращаться во «внутреннее зарубежье» и сползать в «серую», малопроницаемую для федеральной власти «зону»,

создающую благоприятные условия для неинституированных политических практик.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в совершенствовании понятийного аппарата политической науки, введении в научный оборот новых сведений о сущности и особенностях политического процесса, в частности неинституированного политического процесса. Соискатель обосновывает адекватность использования положений теории неинституированного политического процесса для объяснения политических событий на Северном Кавказе. Вместе с тем автором предложена новая концепция, которая может быть использована в качестве методологической базы для дальнейших исследований в данном направлении, как общетеоретического, так и прикладного характера.

Прикладная значимость диссертационного исследования проявляется в предложенных автором рекомендациях органам государственной власти различного уровня, органам местного самоуправления по оптимизации управления политическими процессами в субъектах РФ и на Северном Кавказе в частности. Основные положения диссертационного исследования могут быть использованы в научных исследованиях по политической конфликтологии и политологии, а также политической регионалистике, внутренней геополитике. Кроме этого, материалы диссертационной работы могут быть полезны в преподавании перечисленных дисциплин в системе повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, в высших учебных заведениях по направлениям «Политология», «Социология», «Государственное и муниципальное управление» и др.

Апробация основных выводов и положений исследования была проведена в течение 2003-2019 гг. Материалы и положения диссертации апробированы в выступлениях автора на региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: (Нижний Архыз, 2003; Тбилиси, 2005; Ростов-на-Дону, 2006 и 2007; Ростов н/Д, 2008; Армавир, 2008; Армавир, 2009; Пятигорск. 2012; Махачкала, 2014).

Основные положения и выводы диссертации аргументируются автором в 56 научных публикациях общим объемом 88,94 п.л., в том числе 17 статьях в ведущих научных журналах из числа изданий, в которых ВАК Минобрнауки РФ рекомендует публикацию итогов диссертаций, и в 5-ти монографиях.

Структура исследования определяется поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на 9 параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 372 названия и приложений. Общий объем работы – 335 стр.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования неинституированного политического процесса

1.1. Неинституированный политический процесс: сущность, особенности

В любом современном обществе политические решения принимаются в рамках политического процесса, в котором задействованы самые различные процедуры и самые различные институты и/или акторы, как формальные, так и неформальные. Именно поэтому он привлекает огромное и неуклонно растущее исследовательское внимание политологов, считающих его одной из главных категорий своей дисциплины. Общая теория политического процесса служит методологической базой самых разнообразных исследований, касающихся как отдельных аспектов собственно процесса, так и других политологических задач. Ученые не раз предпринимали попытки концептуализировать понятие политического процесса, предлагая различные аналитические модели. Однако к настоящему моменту наибольшее научное признание получили две модели политического процесса: более новая, потоковая, и, если так можно сказать, традиционная, стадийная.

В потоковой модели, в частности, модели Дж. Кингдона¹⁷, политический процесс рассматривается как череда событий, которые оказывают влияние на выработку политического курса. Дж. Кингдон выделяет в массе этих событий три русла или потока: поток проблем, поток решений и поток убеждений. Поток проблем – это события, которые привлекают внимание политиков и требуют от них политической реакции. Далеко не все обстоятельства

¹⁷ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. New York: Harper Collins, 1995.

становятся проблемами. В обычных условиях каждый вопрос имеет свою собственную степень важности или значения, однако какие-либо изменения способны нарушить сложившееся отношение и, следовательно, активировать интерес и внимание. Поток решений – это события, связанные с разработкой и выбором альтернатив политического курса. Каждый день в правительственных структурах обсуждаются конкурирующие друг с другом идеи, но только одна из них трансформируется в политическое решение. Преимуществом, как правило, обладают те идеи, которые, во-первых, технически выполнимы (экономическая возможность реализации), во-вторых, ценностно приемлемы (совместимость с ценностями членов политического сообщества) и, в-третьих, вызывают минимальное сопротивление (отсутствие необходимости использования принуждения для реализации). Поток убеждений – это события, связанные с формированием взглядов политических деятелей. Бесспорно, что взгляды политиков оказывают влияние на их восприятие окружающего мира, интерпретацию возникающих перед ними проблем и решений этих самых проблем. Когда какие-либо события из трех различных потоков приобретают в один момент «общий знаменатель», то они порождают политический курс, открывая «окно возможностей» для системных трансформаций, которым могут воспользоваться политические предприниматели. Поточковые модели не лишены недостатков, вызывая критические отклики. Так, П. Сабатье отмечал, что потоковые модели не полностью описывают процесс принятия решений, оставляя в стороне множество важных аспектов¹⁸.

В стадийных моделях политического процесса он изображается как совокупность последовательно сменяющих друг друга форм активности (стадий), необходимых для формирования политического курса. Термин «стадия» появился еще в первых работах, посвященных анализу политического процесса. Авторы тех работ выделяли различное количество стадий, давая им

¹⁸ Sabatier P.A. Political Science and Public Policy // PS: Political Science and Politics. 1991. Vol. 24. № 2. P. 144-147.

собственные названия в зависимости от характера проводимых исследований и избранной терминологической структуры. Например, Г. Лассуэлл выделял семь стадий (сбор информации, активизацию, предписание, призыв, применение, завершение и оценку)¹⁹, а Г. Брюэр – шесть (инициацию, расчет, реализацию, оценку и завершение)²⁰. Позже, чтобы подчеркнуть безостановочное течение политического процесса, в политологический дискурс был введен термин «цикл»²¹, который указывал, что за одним рядом стадий последует аналогичный ряд стадий и т.д. Стадиальные модели послужили методологической основой для бесчисленного числа политологических работ, при этом подвергаясь и справедливой критике. Так, некоторые критики отмечали, что стадиальные модели рисуют идеализированный образ формирования политического курса, далекий от реального мира с его влиятельными политическими агентами, идеологиями, турбулентностью и комплексностью²².

Наиболее признанной стадиальной моделью считается модель, предложенная Г. Алмондом и его коллегами. Их модель включает в себя четыре стадии, составляющих отдельный цикл политического процесса: артикуляцию интересов, агрегацию интересов, выработку политического курса и его осуществление²³. Политический процесс начинается, когда индивиды и группы обозначают свои желания и интересы, надеясь реализовать их посредством политики. Артикуляция интересов происходит не только в индивидуальной, но и в коллективной форме, когда индивиды объединяются в разнообразные группы – неупорядоченные и институциональные, ассоциативные и

¹⁹ Lasswell H. D. *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*. College Park: University of Maryland Press, 1956.

²⁰ Brewer G. D. *The Policy Sciences Emerge: To Nurture and Structure a Discipline // Policy Sciences*. 1974. Vol. 5. № 3. P. 239-244.

²¹ Wildavsky A. *Speaking Truth to Power: The Art and Craft of Policy Analysis*. New Brunswick: Transaction Books, 1987.

²² Sabatier P. A. *Toward Better Theories of the Policy Process // PS: Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. № 2. P. 147-156.

²³ Алмонд Г. и др. *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 81.

неассоциативные. Для выражения требований касательно политического курса могут использоваться три основных метода, отличающихся среди прочего силой давления на политические элиты: непосредственное обращение к чиновнику или депутату, голосование на выборах или референдуме и участие в мирных и насильственных акциях протеста.

Обращение в органы власти представляет метод артикуляции, цель которой добиться от соответствующего органа власти совершения некоторых значимых действий. Как отмечает К. В. Подъячев, оно всегда осознанно и основано на компромиссе, взаимодействии. Обращение – это осознанный акт, ибо тот, кто не преследует никакой цели, вряд ли стал бы обращаться в органы власти. Обращение приходит во властные структуры от гражданина или группы, из сферы социального, основанного на логике компромисса, а не иерархии. Автор обращения может выступать и как проситель, и как партнер, но он ни в коем случае не является ни «начальником», ни «подчиненным» по отношению к тому, кому он направляет обращение. Здесь налицо не подчинение, а взаимодействие²⁴. Обращение является наиболее слабой по степени своего давления формой артикуляции интересов.

Вторым методом артикуляции интересов выступает голосование на выборах или референдуме. Голосование позволяет высказать пожелания широким слоям населения. Оно сильнее в уровне давления на политические элиты, чем непосредственное обращение, но уступает в этом акциям протеста, и поэтому рассматривается как умеренное средство. В ходе голосования затрагивается слишком широкий круг разнообразных проблем. Требования конкретных индивидов и социальных групп «теряются» в масштабности проблем и остаются без политического внимания. Кроме того, в период между голосованиями должностные лица часто отклоняются от курса, обозначенного

²⁴ Подъячев К. В. Институт обращений граждан в органы власти в России: возможности возникновения нового канала влияния // Полис. 2007. № 5. С. 73.

изначально. Временной фактор существенно снижает бремя ответственности элиты перед обществом за выполнение данных обещаний.

Методы выражения интересов и требований нередко могут выходить за общепринятые политические рамки, приобретая форму протеста. Протест представляет собой наиболее сильное из указанных средств воздействия на политические элиты, гарантируя практически стопроцентную фокусировку ее внимания благодаря своей «выразительности». Как отмечает Г. Алмонд и др., стимулом к участию в политическом протесте могут выступать два совершенно разных обстоятельства. С одной стороны, к акциям протеста прибегают индивиды, которые лишены (или которым кажется, что они лишены) доступа к альтернативным политическим каналам выражения своих интересов. С другой стороны, протест используется гражданами упрочившихся демократий в качестве нормального или обыденного средства влияния на политику²⁵. Выделяется два вида политического протеста: мирный протест и протест с применением насилия. Если первый разрешен законом во многих государствах, составляющих демократический лагерь, то второй запрещен повсеместно независимо от характера политического режима.

Политический процесс продолжается агрегацией интересов, в ходе которой требования индивидов и групп объединяются в политические программы. В современных демократических системах агрегация обеспечивается, главным образом, политическими партиями. В авторитарных системах агрегация тоже находится в ведении партий, однако широкие слои населения не принимают участия в этом процессе. В одних случаях агрегация происходит вообще без учета требований граждан, которые подменяются всеобъемлющей идеологией. В других случаях агрегация происходит на основе интересов лишь некоторых групп, тогда как деятельность других подавляется или полностью запрещается. Агрегация интересов сменяется выработкой политического курса, представляющей собой выбор одного единственного

²⁵ Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 127.

варианта из массы альтернатив. Цикл политического процесса завершается осуществлением политического курса, его реализацией, включающей извлечение ресурсов, их распределение, а также регулирование человеческого поведения. Извлечение предполагает получение правительством ресурсов (денег, товаров, людей и услуг) из внешней и внутренней среды, тогда как распределение – предоставление правительством отдельным лицам и общественным группам денег, товаров, услуг и возможностей. Уровень расходов в значительной степени зависит от уровня экономического развития той или иной страны. Под регулированием понимается осуществление контроля над поведением отдельных членов и групп общества.

Придерживаясь стадияльной модели, мы можем попытаться сформулировать определение неинституированного процесса, которое будет использоваться нами далее. Стадияльные модели, а также множество комбинированных моделей, совмещающих в себе положения стадияльных и потоковых моделей²⁶, отводят особое место артикуляции интересов и реализации политического курса. Именно поэтому параметры этих субпроцессов, как нам представляется, могут служить базовыми критериями для разведения институированных и неинституированных политических процессов. Неконвенциональное политическое участие и неформальная практика распределения политических благ придают тому или иному процессу неинституированную форму. Таким образом, неинституированный процесс – это разновидность политического процесса, при которой артикуляция интересов и распределение политических благ осуществляется в основном без посредничества институтов, а именно через неконвенциональное политическое участие и неформальную практику распределения политических благ соответственно.

²⁶ Howlett M., McConnell A., Perl A. Streams and Stages: Reconciling Kingdon and Policy Process Theory // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54. № 3. P. 419-434.

С. Верба и Н. Най одними из первых подвергли глубокой концептуализации политическое участие, оказав огромное влияние на все последующие работы, так или иначе касающиеся данного термина. По их мнению, политическое участие – эта «та деятельность обычных граждан, которая прямо направлена на оказание влияния на выбор правительственного персонала и/или их действий, связанных с этим»²⁷. По сути, С. Верба и Н. Най, как и другие ученые в то время²⁸, акцентировали свое внимание на электоральном поведении и политическом рекрутировании, оставляя другие формы участия, такие как, например, гражданское неповиновение, на заднем плане исследовательского мейнстрима. Такой подход объяснялся тем, что до конца 1970-х гг. иные формы политического участия просто считались иррациональными, разрушительными актами, не имеющими никакой связи с предметом политической науки²⁹. С течением же времени ассоциация политического участия исключительно с голосованием и электоральной сферой все больше утрачивала связь с реальностью, которая предоставляла значительно больше примеров.

Как следствие, произошло первое расширение концепта политического участия, который теперь охватывал и другие формы, получившие научное признание. В своей работе С. Барнс и др. сделали акцент на неэлекторальном политическом участии, что отражало всплеск протестной активности в западных демократиях в 1960-х гг.³⁰ С их работой появилось крайне важное различие между конвенциональным и неконвенциональным участием. С тех пор это различие признается практически всеми авторами, что видно по

²⁷ Verba S., Nie N. H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper & Row, 1972. P. 2.

²⁸ Lane R. E. *Political Life: Why People Get Involved in Politics*. Glencoe: The Free Press, 1959; Milbrath L. W. *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally, 1965.

²⁹ Quaranta M. *Political Protest in Western Europe: Exploring the Role of Context in Political Action*. Springer, 2015. P. 22.

³⁰ Barnes S. H. et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills: Sage Publications, 1979.

предлагаемым ими довольно широкими определениям политического участия. Г. Перри, Д. Мойзер и Н. Дэй считают политическим участием «деятельность граждан, нацеленную на оказание влияния на решения, которые в большинстве случаев принимаются окончательно общественными представителями и чиновниками»³¹. В 1980-х гг. политическое участие, как правило, подразделялось на демократическое и агрессивное³², позже появились и другие дихотомии: бросающее вызов элитам и не затрагивающее их ключевые интересы, легальное и нелегальное, формальное и неформальное³³. Для целей нашего исследования достаточно различия между конвенциональным и неконвенциональным участием. Если конвенциональное участие – это конституционный процесс презентации интересов, в котором посредником служат политические институты, то неконвенциональное участие – это неконституционный процесс презентации интересов, протекающий без посредничества этих самых институтов. Репертуар неконвенционального участия шире, чем репертуар конвенционального. Неконвенциональное политическое участие может включать действия, направленные не только на оказание влияния на представителей государственного, но и частного сектора. Так, демонстрации часто служат средством противостояния правительственным решениям, например, решению сократить социальные пособия. Не реже они служат средством воздействия на общественное мнение и поведение частных компаний. Здесь можно вспомнить акции антиглобалистов и защитников окружающей среды.

К настоящему моменту в научной среде практически достигнут консенсус относительно того, какие же конкретно виды деятельности относятся к

³¹ Parry G., Moyser G., Day N. *Political Participation and Democracy in Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 16.

³² Muller E. N. An Explanatory Model for Differing Types of Participation // *European Journal of Political Research*. 1982. Vol. 10. № 1. P. 1-16.

³³ Marsh A. *Political Action in Europe and the USA*. London: Macmillan, 1990; Lavric M. et al. *Youth 2010: The Social Profile of Young People in Slovenia*. Maribor: Aristej Publishing House, 2011; Henn M., Foard N. Young People, Political Participation and Trust in Britain // *Parliamentary Affairs*. 2012. Vol. 65. № 1. P. 47-67.

политическому участию. Еще в 1970-е гг. С. Верба и Н. Най, Л. Милбрат и М. Л. Гоэль выделили четыре вида участия: голосование, участие в избирательных кампаниях, общественную деятельность и отдельные контакты с политиками³⁴. Г. Перри, Д. Мойзер и Н. Дэй расширили этот список, добавив неконвенциональные виды политического участия, которые ранее упомянули С. Барнс и др.³⁵: прямое действие и политическое насилие³⁶. Однако в настоящее время наибольшее признание получила классификация Я. Теореля, М. Торкаля и Х. Р. Монтеро, включающая голосование, партийную активность, политический консьюмеризм и протестную активность³⁷. Как видно из последних классификаций, протестная активность заняла равнозначное место среди видов политического участия.

При этом необходимо подчеркнуть, что протестная активность может характеризоваться довольно различной степенью экстремизма, как предполагать применение насилия, так и нет. Так, П. Борн называет самые крайние формы неконвенционального участия неортодоксальными³⁸. В свою очередь, неконвенциональное политическое участие или протестная активность может быть подразделена на три вида, изображенных в иерархическом порядке. Первый вид составляют акции протеста, разрешенные законом (например, подписание петиции или санкционированная демонстрация). Ко второму виду относятся неразрешенные законом, но мирные акции протеста (например,

³⁴ Verba S., Nie N. H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York: Harper & Row, 1972. P. 44; Milbrath L. W., Goel M.L. *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally, 1977. P. 20.

³⁵ Barnes S. H. et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. P. 538-555.

³⁶ Parry G., Moyser G., Day N. *Political Participation and Democracy in Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 55.

³⁷ Teorell J., Torcal M., Montero J.R. *Political Participation: Mapping the Terrain // Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis / Ed. by. J. W. van Deth, J. R. Montero, A. Westholm*. Abingdon: Routledge, 2007. P. 341.

³⁸ Bourne P. A. *Unconventional Political Participation in a Middle-Income Developing Country // Current Research Journal of Social Sciences*. 2010. Vol. 2. № 3. P. 196-203.

забастовка или несанкционированная мирная демонстрация). Наконец, третий вид включает акции протеста, предполагающие применение насилия (например, демонстрация с причинением вреда здоровью и нанесением материального ущерба гражданам).

Второе расширение концепта политического участия произошло в конце 1990-е гг., когда исчезла граница между политической и неполитическими сферами современного общества. В результате сегодня концепт включает не только влияние на власть, но и на гражданское общество. П. Норрис отмечает, что политическое участие есть «активность любого рода, направленная либо на оказание прямого влияния на правительственные органы и политический процесс, либо на оказание косвенного влияния на гражданское общество»³⁹.

Не вызывает сомнений, что ареной политического участия выступает политическая сфера жизнедеятельности общества. Однако многие события и процессы, наблюдаемые в мире, расширяют арену политического участия. Даже беглый взгляд на историю развития современных обществ в течение последних десятилетий показывает поразительное расширение деятельности правительств, заставляющее исчезать границу политической сферы. Хотя пространственные и временные различия сохраняются, произошло усиление позиций центрального правительства в социальной, экономической и культурной жизни. Рост доходов государства влечет за собой и рост расходов в перечисленных выше областях. Традиционные задачи государства не исчезают, а лишь дополняются новыми. С ростом правительственных расходов и увеличением числа правительственных задач возрастает и число интересов, обусловленных укрепляющимся правительством. А. Алесина и Р. Вачиарг отмечают, что «чем больше правительства становятся распределительными машинами, тем больше они порождают прямых конфликтов между

³⁹ Norris P. Count Every Voice: Democratic Participation Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 16.

победителями и проигравшими, затрудняя дальнейшее распределение»⁴⁰. Ранее К. Веббер и А. Вилдавски описали этот феномен еще наглядней: «Большие правительства вызывают большое давление. Каждая новая программа создает новую группу интересов вокруг себя. Все больше людей начинают предъявлять требования к политикам. Должно приниматься больше решений для их удовлетворения, которые, ко всему прочему, должны как-то сочетаться с прежними политическими курсами»⁴¹.

Сталкиваясь с политизацией частной, культурной и других сфер жизни, проистекающей от растущих интервенций правительства, граждане проявляют все больший интерес к политике, тем самым повышая вероятность политических конфликтов. Когда от трети до половины национального продукта создается в государственном секторе, то нет необходимости в сильных и убедительных аргументах для участия в политической жизни. Расширение правительственных функций и исчезновение границы между политическими и неполитическими видами деятельности приводит некоторых ученых к выводу, что политическое участие не может ограничиваться исключительно политической ареной. В свое время Р. Каттнер заметил, что в современных обществах невозможно избежать политики⁴². Если это так, то разница между политическим участием и другими видами деятельности исчезает. По словам Я. Теочариса и Я. ван Дета, если политика не может быть отграничена от других процессов, то любая активность граждан может быть названа политическим участием⁴³.

⁴⁰ Alesina A., Wacziarg R. The Economics of Civic Trust // *Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries?* / Ed. by S.J. Pharr, R.D. Putnam. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 163.

⁴¹ Webber C., Wildavsky A. *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. New York: Simon and Schuster, 1986. P. 493.

⁴² Kuttner R. *Everything for Sale: The Virtues and Limits of Markets*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. P. 329.

⁴³ Theocharis Y., van Deth J.W. *Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 44-61.

Хотя концепция расширения концепта политического участия нашла признание в научной среде, сама дефиниция политического участия по-прежнему остается предметом дискуссий. Проблема заключается в том, что исследователи делают различные акценты, пытаясь разработать универсальную дефиницию. Одни делают акцент на прагматической составляющей, т.е. на процедурах, охватываемых политическим участием. С. Райли, К. Гриффин и И. Морей считают политическим участием формально организованную гражданско-политическую активность, обеспеченную набором прав и обязанностей (например, голосование или вступление в политическую партию)⁴⁴. М. Димер относится к политическому участию как к участию в жизни политической системы посредством традиционных механизмов, таких как голосование на выборах или вступление в политические организации⁴⁵. Другие ученые делают акцент на теологической составляющей, т.е. на целях, которым служит политическое участие. Например, С. Хантингтон и Д. Нельсон определяют политическое участие как деятельность отдельных граждан, направленную на оказание влияния на принятие решений правительством⁴⁶. С. Верба, К. Шлозман и Г. Брейди характеризует ее как деятельность, имеющей своей целью влияние на поведение правительства – либо прямое влияние на процесс разработки и реализации государственной политики, либо косвенное влияние на выбор лиц, утверждающих такую политику⁴⁷.

В рамках нашего исследования мы будем понимать под политическим участием совокупность добровольной деятельности граждан, связанной с

⁴⁴ Riley S. C. E., Griffin C., Morey Y. The Case for «Everyday Politics»: Evaluating Neo-tribal Theory as a Way to Understand Alternative Forms of Political Participation, Using Electronic Dance Music Culture as an Example // *Sociology*. 2010. Vol. 44. № 2. P. 345-363.

⁴⁵ Diemer M. A. Fostering Marginalized Youths' Political Participation: Longitudinal Roles of Parental Political Socialization and Youth Sociopolitical Development // *American Journal of Community Psychology*. 2012. Vol. 50. № 1-2. P. 246-256.

⁴⁶ Huntington S. P., Nelson J. M. *No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. P. 3.

⁴⁷ Verba S., Schlozman K. L., Brady H. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. 38.

влиянием на процесс принятия властных решений на всевозможных уровнях политической системы посредством существующих каналов выражения и мобилизации. Данное определение включает в себя четыре черты, характерных, в принципе, для большинства существующих на настоящий момент дефиниций политического участия. Во-первых, политическое участие – это активность в общественном пространстве. Просмотр политических программ или заверения окружающих в собственном интересе к политике не могут составлять политического участия. Во-вторых, политическое участие подразумевает активность простых граждан, а не политиков. В-третьих, активность граждан может быть политическим участием только в том случае, если она носит добровольный характер, т.е. не навязана сверху политической элитой, законами или правилами. В-четвертых, активность граждан, называемая политическим участием, не ограничивается одним единственным уровнем политической системы, т.е. она может охватывать национальный, региональный и локальный уровни.

В свою очередь, в научном осмыслении клиентелизма выделяется три волны исследований, которые отличаются как по масштабам, так и по методам анализа. Исследования первой волны, проводившиеся в 1960-1970-х гг., фокусировались главным образом на описании и концептуализации феномена клиентелизма, используя отдельно взятые случаи⁴⁸. Ученые первой волны исследований считали клиентелизм чертой традиционных и недемократических обществ, которая должна постепенно исчезнуть с процессом демократизации и экономическим развитием. С течением времени выяснилось, что прогнозы первой волны не оправдались, поскольку клиентелизм продолжал существовать в целом ряде политических систем, даже в высокоразвитых демократиях. Сохранение клиентелизма в различных типах систем, опровергающее прогнозы ученых первой волны, мотивировало вторую волну исследований в этой

⁴⁸ Например, Weingrod A. Patrons, Patronage, and Political Parties // Comparative Studies in Society and History. 1968. Vol. 10. № 4. P. 377-400; Graziano L. A Conceptual Framework for the Study of Clientelistic Behavior // European Journal of Political Research. 1976. Vol. 4. № 2. P. 149-174.

области. Ученые второй волны, охватившей период 1980–1990-х гг., фокусировались на социальных и институциональных условиях, благоприятствующих клиентелистским практикам⁴⁹. Эти ученые, отказавшись связывать его с некой стадией социально-экономического развития, стали трактовать клиентелизм как политическую стратегию мобилизации избирателей, используемую в определенной социальной и институциональной среде. В рамках второй волны исследований главный акцент был перенесен с частного анализа отдельных случаев на более общий компаративный анализ. Ученые третьей, современной, волны исследований (2000–2010-е гг.), опираясь на теоретические разработки предыдущих волн, прилагают усилия по созданию более точных и детальных объяснений причин и последствий клиентелистских практик⁵⁰. В этих новых исследованиях не умаляется значение предыдущих исследований, скорее предпринимаются попытки структурировать и улучшить соответствующую область научного познания.

Существует множество определений клиентелизма, различных по масштабу охватываемых явлений. Одни определения расширяют содержание данного термина. Например, К. Ланде понимал под клиентелизмом диадический альянс между двумя индивидами, обладающими разным статусом, властью и ресурсами, но находящими при этом полезным иметь некоего союзника в лице либо начальника, либо починенного⁵¹. Другие чрезмерно сужали содержание термина. Например, Д. Робинсон и Т. Верди видели в клиентелизме систему обмена государственных должностей на политическую

⁴⁹ Например, Chubb J. *Patronage, Power and Poverty in Southern Italy: A Tale of Two Cities*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982; Mavrogordatos G. T. *Stillborn Republic: Social Coalitions and Party Strategies in Greece, 1922-1936*. Oakland: University of California Press, 1983.

⁵⁰ Например, Kitschelt H., Wilkinson S. I. *Citizen-Politician Linkages: An Introduction // Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / Ed. by H. Kitschelt, S. I. Wilkinson*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 7.

⁵¹ Lande C. *The Dyadic Basis of Clientelism // Friends, Followers and Factions: A Reader in Political Clientelism / Ed. by S. W. Schmidt et al. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 15.*

поддержку⁵². Однако большую распространенность получили определения, занимающие т.н. «золотую середину». Так, по мнению Д. Скотта, клиентелизм есть инструментальные отношения, в которых индивид с более высоким социально-экономическим статусом (патрон) использует собственное влияние и ресурсы для покровительства индивида с более низким статусом (клиента), который, в свою очередь, отплачивает ему широкой поддержкой⁵³. Для Г. Китшеля и С. Уилкинсона клиентелизм – это основанная на прямом материальном интересе связь между политиком и гражданином, предполагающая уступку голоса за определенную цену⁵⁴. С. Стоукс считает клиентелизмом предложение материальных благ в обмен на электоральную поддержку, при котором критерием для патрона служит положительный ответ на вопрос: ты меня поддерживаешь или поддержишь в будущем?⁵⁵

Из большинства определений клиентелизма следует, что фактором активизации патрона при таких отношениях служит согласие клиента оказать ему политическую поддержку. Именно этот критерий отличает клиентелизм от политики «казенной кормушки» и политики «программного распределения», близких, но все же отличных феноменов. При политике «казенной кормушки» фактором активизации патрона выступает проживание клиента в родном для патрона округе или районе, который получает одинаковые выгоды, но имеет возможность распределять свои издержки среди всех других. При политике «программного распределения» фактором активизации патрона выступает принадлежность к определенному социальному классу, которые оказывает в

⁵² Robinson J.A., Verdier T. The Political Economy of Clientelism // The Scandinavian Journal of Economics. 2013. Vol. 115. № 2. P. 260.

⁵³ Scott J. C. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // American Political Science Review. 1972. Vol. 66. № 1. P. 92.

⁵⁴ Kitschelt H., Wilkinson S. I. Citizen-Politician Linkages: An Introduction // Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / Ed. by H. Kitschelt, S. I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 10.

⁵⁵ Stokes S. C. Political Clientelism // The Oxford Handbook of Political Science/ Ed. by R. E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 649.

привилегированном положении. При всем этом стоит заменить, что в реальной жизни сущность клиентелизма составляют часто не предложения каких-либо новых благ, а угрозы изъятия уже существующих. В истории существует множество примеров деятельности подобного рода⁵⁶.

Как и в случае с дефиницией политического участия, общепризнанной дефиниции клиентелизма не существует. Однако в большинстве предложенных к настоящему времени определений можно обнаружить следующие элементы складывающихся при этом отношений: двоичность, взаимовыгодность, иерархичность и повторяемость⁵⁷.

Ученые, первыми начавшие изучать клиентелизм, видели главной его особенностью наличие прямых, непосредственных отношений между патроном и клиентом. Например, Д. Скотт говорил о клиентелизме как об «инструментальном товариществе», а К. Ланде – как о «диадическом альянсе»⁵⁸. В современных работах предлагается более сложная картина этих отношений. Хотя значение личных, непосредственных отношений по-прежнему признается, дискуссии ведутся относительно роли брокеров и посреднических сетей. Многие клиенты могут практически или вовсе не иметь прямых контактов со своим патроном, но при этом поддерживать связь с ним через цепочку политических брокеров. На национальном уровне могут существовать крайне сложные клиентелистские машины, распределяющие ресурсы в обмен на голоса. На локальном уровне патроны обычно полагаются на услуги брокеров, имеющих хорошую репутацию в местных сообществах и

⁵⁶ Stokes S. C. Political Clientelism // *The Oxford Handbook of Political Science*/ Ed. by R. E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 649.

⁵⁷ Hicken A. Clientelism // *Annual Review of Political Science*. 2011. Vol. 40. P. 290-293.

⁵⁸ Scott J. C. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // *American Political Science Review*. 1972. Vol. 66. № 1. P. 92; Lande C. The Dyadic Basis of Clientelism // *Friends, Followers and Factions: A Reader in Political Clientelism* / Ed. by S. W. Schmidt et al. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 22.

разносторонние связи в местных общественных сетях⁵⁹. Тем не менее, исследователи подчеркивают, что какими бы огромными и сложными ни были сети брокеров, в ядре клиентелистских практик находятся личные, диадические отношения – между патроном и брокерами высшего ранга, между брокерами высшего и низшего ранга, между, наконец, брокерами и индивидуальными клиентами.

Следующим общим элементом дефиниций клиентелизма выступает взаимовыгодная природа обмена между клиентом и патроном. Одна сторона всегда предлагает блага в ответ на предложение сопоставимых благ с другой стороны или, по крайней мере, в ответ на заслуживающие доверие обещания таких благ⁶⁰. Патроны предоставляют блага только индивидам и группам, которые их поддерживают или обещают их поддержать в недалеком будущем. Точно так же клиенты поддерживают только патронов, готовых предложить им блага, в настоящем или ближайшем будущем, в обмен на электоральную поддержку. В большинстве дефиниций клиентелизма не указывается, какие конкретно блага задействованы в обмене. Перечень материальных благ, которые политики могут предлагать избирателям, ограничивается лишь их воображением. Помимо материальных благ политики предлагают и нематериальные блага: рабочие места, доступ к государственным услугам, таким как образование или здравоохранение, физическую защиту⁶¹. Хотя обмен в рамках клиентелизма приносит выгоду обеим сторонам, он не происходит в

⁵⁹ Krishna A. *Politics in the Middle: Mediating Relationships Between the Citizens and the State in Rural North India* // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 141-158.

⁶⁰ Piattoni S. *Clientelism in Historical and Comparative Perspective* // *Clientelism, Interests, and Democratic Representation: The European Experience in Historical and Comparative Perspective* / Ed. by S. Piattoni. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 1-30; Roniger L. *Political Clientelism, Democracy, and Market Economy* // *Comparative Politics*. 2004. Vol. 36. № 3. P. 353-375; Robinson J. A., Verdier T. *The Political Economy of Clientelism* // *The Scandinavian Journal of Economics*. 2013. Vol. 115. № 2. P. 260-291.

⁶¹ Например, Hicken A., Simmons J. W. *The Personal Vote and the Efficacy of Education Spending*. *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. № 1. P. 109-124.

один момент. Между актом поддержки избирателя и актом предоставления благ политиком, или наоборот, проходит, как правило, некоторое время.

Иерархия также входит составным элементом в большинство дефиниций политического клиентелизма. В качестве иллюстрации можно привести, например, определения Д. Скотта и К. Ланде, которые упоминались выше. Так, Д. Скотт прямо связывает клиентелизм с разницей статусов⁶², а К. Ланде – с вертикальным альянсом⁶³. При этом многие исследователи признают, что даже самые стесненные и обязанные клиенты могут иногда пересматривать отношения в свою пользу⁶⁴. Часто отношения между патроном и клиентом определяются не через понятие иерархии, а через понятие асимметрии, указывающее, что патрон обладает информацией, ресурсами и престижем, которых лишен клиент. Вместе с тем существуют мнения, что клиент играет главенствующую роль, а патрон – подчиненную⁶⁵. Такой подход вытекает из моделей демократического делегирования, подразумевающего выбор избирателями ответственных перед ними представителей. Однако такие мнения представляют собой скорее исключения, поскольку большинство авторов ставят патронов все же выше клиентов. Так, С. Стоукс считает, что при клиентелистских системах демократическая ответственность переворачивается

⁶² Scott J.C. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // *American Political Science Review*. 1972. Vol. 66. № 1. P. 92.

⁶³ Lande C. The Dyadic Basis of Clientelism // *Friends, Followers and Factions: A Reader in Political Clientelism* / Ed. by S.W. Schmidt et al. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 53.

⁶⁴ Silverman S. Clientelism as Myth // *Patrons and Clients in Mediterranean Societies* / Ed. by E. Gellner, J. Waterbury. London: Gerald Duckworth and Co., 1977. P. 7-20; Waterbury J. An Attempt to Put Patrons and Clients in Their Place // *Patrons and Clients in Mediterranean Societies* / Ed. by E. Gellner, J. Waterbury. London: Gerald Duckworth and Co., 1977. P. 329-342.

⁶⁵ Kitschelt H., Wilkinson S. I. Citizen-Politician Linkages: An Introduction // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. by H. Kitschelt, S. I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 7.

с ног на голову⁶⁶. Не политики ответственны перед избирателями, а, наоборот, избиратели ответственны перед политиками.

Наконец, еще одной отличительной особенностью клиентелизма является делящаяся природа отношений, возникающих в его рамках. Каждая из сторон принимает решения, ожидая неких отношений в будущем. Постоянство решает одну из потенциальных проблем, а именно отсутствие одновременного обмена. Клиентелистский обмен обычно требует, чтобы одна сторона доверяла другой. Доверие будет выше, если можно ожидать, что отношения будут постоянными и непрерывными. Повторение дает и патрону и клиенту информацию о степени надежности противоположной стороны, позволяя наказать ее за измену. Постоянные отношения предоставляют возможность патрону отслеживать поведение клиентов и принимать взвешенные решения, опираясь на знание о том, сдержат они или нет данных обещаний относительно своей поддержки⁶⁷.

Клиентелизм может существовать в любой политической среде – от авторитарной до демократической. Однако природа политической среды будет оставлять свой отпечаток на содержании клиентелистского обмена. Например, политические функции, выполняемые клиентелизмом, будут варьироваться в зависимости от типа политического режима⁶⁸. В демократиях клиентелизм выступает средством построения сетей лояльных сторонников. В автократиях клиентелизм помимо этого используется для создания социально-экономической зависимости от властей и, как следствие, политической

⁶⁶ Stokes S. C. Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. № 3. P. 315-325.

⁶⁷ Eisenstadt S. N., Roniger L. *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 48.

⁶⁸ van de Walle N. Meet the New boss, Same as the Old Boss? The Evolution of Political Clientelism in Africa // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 50-67.

подчиненности⁶⁹. Природа режима может также влиять на вид благ, предлагаемых избирателям, или природу обменных отношений. Например, клиентелизм в демократической среде менее иерархичный, чем клиентелизм, наблюдаемый при автократиях.

Главным условием, благоприятствующим установлению клиентелистских связей, считается низкий уровень экономического развития и бедность населения. Бедные избиратели более восприимчивы к клиентелистским предложениям, чем богатые⁷⁰. В свою очередь, экономическое развитие и повышение доходов населения препятствует клиентелизму⁷¹. К настоящему моменту ученые выделили два основных каузальных механизма, связывающих развитие, с одной стороны, и клиентелизм, с другой⁷². Первый из них касается оценки избирателями полезности клиентелистских предложений по сравнению с альтернативами, а второй – возможности патронов обеспечивать выгоды клиентам. Развитие влияет на оценку клиентами выгод от клиентелизма⁷³. Во-первых, с ростом доходов снижается предельная полезность предоставляемых материальных благ. Во-вторых, ростом доходов меняется отношение избирателей к различного типа выгодам. Избиратели начинают интересоваться

⁶⁹ Fox J. The Difficult Transition from Clientelism to Citizenship: Lessons from Mexico // *World Politics*. 1994. Vol. 46. № 2. P. 151-184; Grzymala-Busse A. Beyond Clientelism: Incumbent State Capture and State Formation // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. № 4-5. P. 638-673.

⁷⁰ Brusco V., Nazareno M., Stokes S.C. Vote Buying in Argentina // *Latin American Research Review*. 2004. Vol. 39. № 2. P. 66-88.

⁷¹ Wantchekon L. Clientelism and Voting Behavior: Evidence from a Field Experiment in Benin // *World Politics*. 2003. Vol. 55. № 3. P. 399-422; Remmer K. L. The Political Economy of Patronage: Expenditure Patterns in the Argentine Provinces, 1983-2003 // *The Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. № 2. P. 363-377.

⁷² Kitschelt H., Wilkinson S. I. Citizen-Politician Linkages: An Introduction // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. by H. Kitschelt, S. I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 24-28.

⁷³ Calvo E., Murillo M. V. Who Delivers? Partisan Clients in the Argentine Electoral Market // *American Journal of Political Science*. 2004. Vol. 48. № 4. P. 742-757; Desposato S. W. How Does Vote Buying Shape the Legislative Arena? // *Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying* / Ed. by F. C. Schaffer. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 101-122; Kitschelt H. Citizens, Politicians, and Party Cartellization: Political Representation and State Failure in Post-Industrial Democracies // *European Journal of Political Research*. 2000. Vol. 37. № 2. P. 149-179.

коллективными благами, которые, как правило, обещают уже другие политики, далекие от клиентелизма. В-третьих, более богатые граждане не так склонны к риску, как бедные, и поэтому требуют незамедлительного обмена, критично относясь к обещаниям неких благ в будущем. Развитие влияет на возможность потенциальных патронов предоставлять блага клиентам⁷⁴. С ростом доходов повышаются издержки клиентелизма, тогда как выгоды сокращаются, в результате чего другие стратегии оказываются более привлекательными. Во-первых, развитие ведет к повышению мобильности избирателей, как физической, так и профессиональной. Социальная мобильность разрывает существующие клиентелистские сети, посредством которых распределяются блага, затрудняя создание и сохранение новых клиентелистских сетей. Во-вторых, с ростом доходов снижается полезность благ, поэтому патрону требуется больше ресурсов, чтобы поддерживать клиентелизм. Это не составляет проблему, если объем ресурсов, доступных патрону возрастает в той же мере, что и доходы клиента. Кроме того, с ростом издержек клиентелизма возрастают негативные для политиков экстерналии. Эти экстерналии могут включать ухудшение экономических показателей и, учитывая изменение поведения избирателей с растущими доходами, рост общественного недовольства клиентелистскими практиками и рост уровня восприятия коррупции.

Завершая параграф, отметим, что неинституированный политический процесс характерен для самых различных политических систем, являясь своеобразным антиподом публичного, институированного процесса. Неинституированный процесс отличается от институированного второстепенной ролью посреднических механизмов в виде организаций,

⁷⁴ Keefer P. Clientelism, Credibility, and the Policy Choices of Young Democracies // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. № 4. P. 804-821; Hicken A. D. How Do Rules and Institutions Encourage Vote Buying? // *Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying* / Ed. by F. C. Schaffer. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 47-60; Stokes S. C. Is Vote Buying Undemocratic? // *Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying* / Ed. by F. C. Schaffer. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 81-100.

процедур, норм и правил, что наиболее отчетливо заметно на стадии артикуляции интересов и стадии осуществления политического курса. При неинституированном процессе на первый план выходят неконвенциональное политическое участие и неформальная система распределения политических благ. Отсюда следует, что неинституированный процесс – это разновидность политического процесса, при которой артикуляция интересов и распределение политических благ осуществляется в основном без посредничества институтов, а именно через неконвенциональное политическое участие и неформальную практику распределения политических благ соответственно. Все эти параметры делают неинституированный процесс крайне конфликтогенным феноменом, проявляющимся на всех уровнях, в том числе и на регионально-локальном со своей местной спецификой.

1.2. Конфликтологическое измерение неинституированных политических процессов

Этнополитическая конфликтология является в настоящее время глубоко специализированной отраслью знания. Развиваясь в широких рамках этнополитологии, она изучает феномены политической жизни этнических общностей в периоды обострения этнических проблем и межэтнических отношений. В рамках нашего диссертационного исследования актуальность определения теоретико-методологических основ изучения этнополитического конфликта определяется тем, что глобализация привела к некоторым существенным изменениям характеристик таких конфликтов.

Конфликтология – достаточно новое научное направление в отечественной науке, становление и институционализация которого в России относится к 1990-м годам. Региональная конфликтология – ответ на дифференциацию конфликтологической науки, имеющий огромный эвристический и практический потенциал. Очевидно, что проблемы отношений в моноэтнических и в полиэтнических обществах, имея общие черты, тем не менее, существенно отличаются. Если, во-первых, в силу определяющего доминирования представителей одной национальности, противоречия носят более экономический, социальный характер, то, во-вторых они отягощаются и проблемами межэтнических отношений. Конфликты между представителями разных этносов, начавшись в самых различных сферах, имеют потенциал перехода в межэтнические. Не случайно, в связи с этим, появление научной подпрограммы именно по полиэтничному Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в

полиэтническом макрорегионе» - программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2005 г.). Наше исследование конкретизирует обсуждаемые проблемы на примере полиэтничного Северного Кавказа.

Актуальность изучения различных аспектов конфликтов определена, по мнению одного из авторов «Настольной книги Бергховского центра» Х. Майалла, значительными изменениями в природе конфликта. Во-первых, большинство современных насильственных конфликтов ассиметричны, и их характеризует неравенство участников в доступе к власти и разный статус. Во-вторых, многие из них имеют затяжной характер, неоднократно переступая порог насилия и выходя из него, что не позволяет применить к ним циклические и дугообразные схемы стадий конфликта. В-третьих, они деформируют общество, экономику и регионы, создавая комплексные чрезвычайные ситуации, которые подпитываются, с одной стороны, противостоянием на местах, а с другой – такими глобальными факторами, как торговля оружием или оказание другими странами поддержки правящим режимам или повстанцам. Сложность таких ситуаций создает контраст с относительной простотой ключевых теорий разрешения конфликтов, особенно тех, которые отстаивают взаимовыгодное разрешение споров между двумя сторонами⁷⁵.

В основе конфликтов лежит разность или точнее сказать отличия в повседневной жизни людей. Люди творят повседневность и сами являются этой повседневностью. Пространства свободного от конфликтов практически не существует. Исходя из этого, сделаем вывод: конфликты представляют собой один из типов социального взаимодействия, в котором сталкиваются и

⁷⁵ Майалл Х. Трансформация конфликта: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергховского центра. М., Наука. 2007. С. 77.

противостоят друг другу жизненно важные позиции и интересы, а противоборство приобретает различные формы⁷⁶.

В эпоху глобализации рассмотрение конфликта, как противостояния или противоборство сторон, все реже, удовлетворяет исследователей. Являясь одной из форм взаимодействия людей и общностей, природа конфликта гораздо более содержательная, наполненная, чем обыкновенное столкновение двух или более сторон. В конфликте можем наблюдать многообразие моментов как столкновения, несогласия, антагонизмов, непримиримости, так и согласия, консенсуса, затишья, это процесс попеременного преобладания одних элементов над другими. В случае сведения конфликта к обыденному столкновению или противоборству мы утратим звено, соединяющее конфликт с его отсутствием. В действительности любой конфликт потенцирован согласием и сотрудничеством, а перемирие, при всем статическом стабильном состоянии, всегда чревато самыми неожиданными и разнообразными конфликтами. Современная теория конфликта содержит разнообразные по своим проявлениям, последствиям и другим основаниям типологии конфликтных отношений.

В интересующем нас аспекте следует обратить внимание на то, что научная литература и публицистика часто употребляют как синонимы понятия внутренний конфликт, локальный конфликт, региональный конфликт. При всей содержательной близости этих понятий, необходимо все же учитывать присущие им смысловые оттенки, которые в определенных условиях могут иметь существенное значение. Как, например, определить конфликт Грузии и Южной Осетии? Или конфликт в Чечено-Ингушетии в начале 90-х годов прошлого века? Они могли бы быть внутренними, если бы не были так прозрачны интересы США и России в удовлетворяющих их решениях. Можно ли считать внутренними конфликты в Карачаево-Черкесской Республике, если

⁷⁶ Семенова З. У. Конфликт. Пути выхода из конфликта // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2019. С. 97-98.

за ними стоят интересы зарубежной диаспоры? Теоретически внутренний конфликт действительно можно определить как проистекающий из собственных, внутренних причин возникновения и развития. Подобные конфликты могут возникать и разворачиваться на определенной территории, в стране, по преимуществу изолированной от внешнего окружения, либо, по тем или иным причинам, не испытывающей существенного воздействия извне. В современных условиях, однако, такая ситуация возможна в крайне редких случаях.

Основная масса современных внутренних конфликтов в России возникла еще в бывшем СССР. Здесь конфликты выражали энергию распада многонационального государства, те экстремальные условия, в которых происходила коренная ломка общественных отношений и суверенизация государственно-административных образований. Говорить, что эти конфликты носили сугубо внутренний характер, можно весьма условно. Сегодня хорошо известна роль внешнего фактора в развитии процессов горбачевской перестройки. Кроме того, внутренние конфликты испытывают существенное и всё возрастающее влияние всевозможных внешних факторов.

По нашему наблюдению, существенно возросли роль и значение внутренних конфликтов как фактора дестабилизации межнациональных отношений. Государство, однако, оказалось бессильным в использовании своих легитимных механизмов для хотя бы относительно оперативного разрешения конфликтов возникающих на национальной почве. Некоторые из таких конфликтов начинают приобретать характер постоянного очага неразрешимых споров, «оттягивая» на себя внимание, вместо решения насущных социальных проблем территории.

Естественно, в теоретическом осмыслении конфликта мы отталкивались от фундаментальных работ как зарубежных, так и отечественных ученых. Нами не оставлены без внимания ежегодные «круглые столы» Центра конфликтологии, существующего при Отделении философии, социологии, психологии, права Российской АН, где дается оценка социально-политической

ситуации в России с позиций конфликтологов. Ими дается оценка конфликтам как на уровне микроконфликтов, так и макроконфликтов. И оценки эти свидетельствуют о наличии достаточно широкого разброса мнений. Наиболее близким нам является мнение А. В. Глуховой, считающей, что политика превалирует над экономикой. Причину происходящего она находит в корыстолюбии, самонадеянности и бездарности властвующей элиты и в том, что государство стало заложником этих групп. Указанный автор справедливо считает, что в самой экономической системе заложен конфликт, перешедший в кризис⁷⁷.

Очевидно, что источником конфликта следует считать связку «власть – собственность», поскольку власть, например, в Карачаево-Черкесии, по-прежнему успешно конвертируется в собственность, а последняя – во власть. Разрушить эти «взаимоотношения» и создать условия для нормального функционирования этнополитической системы (а именно таковой мы и считаем политическую систему в полиэтническом образовании) – задача сложная, чреватая региональными конфликтами.

Фактически, конфликты на этнополитическом поле – постоянная особенность происходящих здесь процессов. И без вмешательства государства, обязанного создавать универсальные механизмы их разрешения, конфликты, скорее всего, будут перерастать в кризисы и даже военное противостояние. В экономической политике государства, при которой снижается уровень жизни населения, растет недоверие к власти, дезорганизуется общество, повинно управление страной. По нашему наблюдению, причина нынешней российской ситуации состоит в особом характере взаимодействия «верхов и низов» в течение всего периода реформ. Политики чаще всего действуют, исходя из сложившихся условий, среди которых доминируют условия их карьеры, а не из принципов, определяющих будущее страны, республики. Что касается

⁷⁷ См. об этом: Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Изд-во УРСС, 2000.

«социальных низов», то, как мы уже упоминали, их ценностное сознание регулируется главной целью – выживанием. И особенно – на этническом уровне.

До настоящего времени экономическая реформа в России не состоялась, хотя бы в части формирования массового «среднего класса» как стабилизатора общества. Но создались условия для накопления сверхсостояний. Кроме того, системный кризис вызвал беспрецедентное падение производства, криминализацию всех сторон жизни. Экономика и политика оказались в 90-е годы прошлого века в руках узкого круга представителей властвующей элиты, снизившей за время переходного периода размер годового бюджета, по меткому определению конфликтолога Е. И. Степанова⁷⁸, «до уровня годового оборота одной автомобильной кампании». По его сведениям, 60–80% жителей России жили на грани нищеты, среди безработных в середине 90-х годов XX в. преобладает наиболее трудоспособное население страны от 30 до 49 лет. Происходит процесс реформирования отношений собственности и власти. И выражается это, прежде всего в капитализации власти, которая становится причастной к властно-распределительным функциям. Власть, отмечает Е. И. Степанов, становится капиталом, чиновники конвертируют власть в собственность.

Прежде чем перейти к конкретизации характеристик политического конфликта, необходимо отметить следующее: носителями как в социальном конфликте, так и в политическом являются субъекты социального мира: индивиды, группы, классы и т. д., но на полиэтничном поле ими являются в первую очередь этносы; политический конфликт не существует изолированно, он является составной частью социальных реалий, существует в его пространстве; социальный конфликт более широкое понятие, он отличается многочисленными подходами, многообразием концепций. Многие авторы

⁷⁸ Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы: (По результатам исслед. проектов) / Степанова Е. И.; Рос. акад. наук, Центр конфликтологии, Ин-т социологии. М.: ИС, 1996.

считают политический конфликт частью социального, некоторые отождествляют его с социальным.

Приближаясь к пониманию сути регионального конфликта, напомним, что под региональным конфликтом специалисты понимают макросоциальный конфликт, носителями которого могут быть субъекты различного уровня, действующие в изучаемом регионе. «Это конфликт, детерминированный обстоятельствами и факторами регионального масштаба, специфическими региональными социально-экономическими, политическими реалиями и охватывающий прямо или косвенно несколько или большинство административных подразделений, входящих в регион. Такое понимание регионального конфликта было выработано на основе анализа экспертных интервью 30 ведущих конфликтологов Юга России»⁷⁹.

Политический конфликт следует рассматривать как радикальное проявление политических действий социальных или этнических групп; он сложен для анализа, поскольку возникает на основе множества разного рода интересов и реализуется разным количеством и качеством самих участников; политический конфликт связан, прежде всего, с борьбой за власть субъектов не только политики, но и экономики, большого бизнеса, представителей этнических групп, национальных общественных движений, но цель у них одна – изменение собственного политического статуса для более легкого доступа к ресурсам; политическому конфликту, как и социальному и экономическому, предшествует напряженность, переходящая в скрытую или открытую враждебность между отдельными этническими и социальными группами и их лидерами.

Мир политики – сложное явление, имеющее свою логику и динамику развития. Специфика политики – это умение различить «друга» и «врага», что

⁷⁹ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика/ Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. С. 66.

особенно важно для региональных политиков. Но «враг» на этно-политическом поле не является противником в общем понимании, это публичный противник, который заслуживает уважительного обращения, поскольку политическая борьба внутри республики идет за верховную власть, а не за свержение политического строя. Идентификация своих «друзей» и «врагов» здесь должна осуществляться крайне осторожно и не всегда через политические понятия и привязываться они должны к конкретным ситуациям. Например, народ, этнос, республика, конституция, депутаты, национально-общественные движения, национальная элита, партии – данные понятия бессмысленны, если не знать, к кому и в каких условиях они адресованы.

Основными субъектами региональной политики, а в дальнейшем и политического конфликта, являются национальные группы, выражающие мнение или присваивающие себе право от имени своего народа, национальных движений, решать политические или национальные проблемы. Происходит процесс делегирования своих требований через определенные группы (совет старейшин, советы общественных организаций, комитеты, политсоветы и т.д.). В свою очередь группы делегируют уполномоченному лицу действовать и идентифицировать себя с совокупностью людей (народ, национальные движения, митингующие). Групповые устремления настолько были и остаются сильны, что политическое поле, целого ряда субъектов РФ Северного Кавказа превращено в поле систематической борьбы. Здесь доверенные лица (национальная элита, лидеры национальных движений, партий, организаций и т. д.) монополизируют права на институционализацию политических интересов, при этом под видом интересов доверителей выставляют свои собственные (все политические конфликты в республике, как правило, сводятся к борьбе за власть отдельных группировок или их доверенных лиц). Главное в действиях этих групп и лидеров – мобилизация наибольшей численности сторонников. «Они опираются на этнические и традиционные институты, национальную культуру и практики, религиозные ценности, имеют дополнительные ресурсы и возможности влиять на массы, в связи с чем

федеральному центру приходится учитывать интересы этноэлит, так как они ретранслируют общественные интересы, хотя и не всегда в его пользу»⁸⁰.

Для прояснения сути этнополитического конфликта следует разобраться в структуре собственно политического конфликта, с тем, чтобы выделить его этническую составляющую.

Одно из обобщающих пониманий структуры конфликта предлагает, например, В. А. Светлов⁸¹. По его мнению, политическим конфликтом считается столкновение субъектов политики в результате их обоюдного стремления добиться своих целей, прежде всего достижения власти, ее перераспределения или с изменением их статуса в сфере политики.

В простом обществе или в сложноструктурированном и сложноорганизованном источником конфликта является универсальный фактор – это удовлетворение потребностей какого-либо индивида или группы лиц, которое без согласования и централизованной координации невозможно достичь. Но в полиэтничном обществе, по нашему наблюдению, к реализаторам потребностей следует, в первую очередь, отнести не столько социальные, сколько этнические группы. Государственная власть в своей централизованно-координационной деятельности должна это учитывать.

Политическая власть для группы, по справедливому замечанию В. И. Курбатова – не самоцель, а средство гарантировать удовлетворение фундаментальных потребностей⁸². (В контексте наших размышлений уточним – этнических потребностей.) В самом ядре политической системы общества происходит смещение целей, очень часто власть становится ценностью на вершине ценностной иерархии, все остальные цели подчиняются единственной

⁸⁰ Григорян Д. К., Ароян А. С., Веренич И. Г., Островский В. А. Роль этнополитических элит в возникновении и развитии межэтнических конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 77.

⁸¹ Светлов В. А. Конфликт и эволюция: от генетических конфликтов к конфликту поколений. М.: Издательство: ООО «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"». 2018. – 158 с.

⁸² Курбатов В. И. Конфликтология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. С. 218-219.

и самой желанной – обладать властью. Такие трансформации, как правило, происходят в среде профессиональных политиков. Но одной из особенностей политического процесса в многонациональном периферийном регионе является то, что обычно профессиональные политики встречаются крайне редко. Жажда власти становится непреодолимым и главным движущим источником конфликтов. Такое «чистое» стремление к власти для политика, казалось бы, естественно и является одной из особенностей политического турнира. Но только для опытного политика, а не для дилетанта, для которого «жажда власти» означает только «жажду» удовлетворения узколичностных целей.

Объектом политического конфликта является государственная власть и политический статус социальных групп, который определяет доступ к рычагам власти или расстояние к ним, а также политические ценности, такие, например, как патриотизм, гражданственность и др. В региональном контексте объект – республиканская власть, политический статус этнических групп, а политические ценности только подразумеваются и только на период борьбы за власть⁸³.

Структуру конфликта, понимаемую как его анализ («детализация») в его статическом представлении дает политолог Г. И. Козырев⁸⁴. В качестве методологического принципа Г. И. Козырев использует понятие М. Вебера «идеальный тип» и описывал элементы описательной статичной структуры социально-политического конфликта. Элементами он считал: противоборствующие стороны или точнее субъекты конфликта; объект или предмет конфликта; второстепенные или косвенные стороны противоборства; вероятностную третью сторону конфликта; окружение – социум и политическое пространство⁸⁵.

⁸³ Блохина О. В. Политические конфликты современности: теория и практика // Вестник университета. 2014. № 4. С. 238-242.

⁸⁴ Козырев Г. И. Конфликтный социум: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2006; Политический конфликт: общее и особенное: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.

⁸⁵ Козырев Г. И. Конфликтный социум. С. 230.

Согласно общей теории систем каждый элемент системы или структурный элемент конфликта может являться в свою очередь также системой, которая состоит также из структурных частей. Каждая из сторон конфликта может быть систематизированной и иметь субъект, участников и пострадавшую сторону – «жертву».

По мнению Г. И. Козырева, в конфликтологической литературе авторы расходятся во мнении и определении того, кого считать субъектом, объектом, как определять и стоит ли включать в структуру такие понятия, как «сторона конфликта», «третья сторона» и т.п. На его взгляд, некоторые исследователи не правомерно отождествляют эти понятия. Такой метод мешает идентифицировать в каждой из противоборствующих сторон субъекта конфликта реального и второстепенных участников. Но по нашему мнению, в этнополитическом конфликте реальные субъекты настолько очевидны, что нет нужды выявлять и «актеров» и «актрис». Поэтому понятие «сторона конфликта» здесь не так широка, как считает Г. И. Козырев, и более приближена к понятию «субъект» или «участник»⁸⁶.

Некоторые исследователи считают, что следует все-таки делить на основных и косвенных субъектов политики. Основные субъекты конфликта это непосредственные активные участники конфликтов, а второстепенными или косвенными или неглавными участниками являются государства или всевозможные альянсы, блоки, движения, которые прямо или косвенно поддерживают основных субъектов конфликта⁸⁷. Г. И. Козырев настаивает на том, что понятие «сторона конфликта» шире, чем понятие «участник» или субъект политики. Сторона конфликта может включать в себя и конкретных участников, и просто тех, кто поддерживает или соперничает субъекту конфликта – группы поддержки, «тайные силы» - группы лобби, и даже жертв

⁸⁶ Козырев Г. И. Конфликтный социум: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2006; Политический конфликт: общее и особенное: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.

⁸⁷ Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. - 2. изд. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 19

конфликта, внутренних оппонентов и много разных случайных и не случайных людей, которые оказались по одну сторону баррикады⁸⁸.

Не стоит забывать о методологически удачной модели конфликта, предложенной К. Марксом. Курбатов В. И. считает, что у К. Маркса достаточно стройная схема анализа субъектов политических конфликтов⁸⁹. Классовый конфликт по поводу завоевания политической власти является двигателем прогресса и именно конфликтом между классами определяется само понятие «политика». Классы по численности являются очень многочисленными группами, и обеспечить единство в многотысячных или многомиллионных группах может такое политическое объединение, как политическая партия. В партии вступает наиболее сознательный слой классов или наиболее активный и организованный. В свою очередь, из партийной среды выделяются лидеры – наиболее авторитетные и влиятельные субъекты, которые рекрутируются на высшие государственные посты или на руководящие роли в самой партии. Иногда согласованность действий может организовать и общественная организация, которая также имеет лидеров и идеологию. Например, «Хаса» (черкесская) или «Къарачай Алан Халкъ» (карачаевская), или «Адыгылара» (абазинская) и другие, которые способны трансформировать любой этнический конфликт в этнополитический. Благодаря политическим лидерам, на первых этапах развития конфликта население воспринимает их скорее как носителей этнонациональных идей, нежели политических.

В. И. Курбатов четко классифицирует или иерархично располагает субъектов политического процесса в пирамидальной форме: массы – классы – партии – вожди⁹⁰. Класс находится практически в основании пирамиды и фактически является если не первоначалом, то глубинным источником политической активности или другими словами – субъектом. В

⁸⁸ Козырев Г. И. Конфликтный социум: монография. М., 2006; Политический конфликт: общее и особенное. Монография. М., 2007.

⁸⁹ Курбатов В. И. Конфликтология. С. 218-219.

⁹⁰ Там же.

этнополитическом конфликте к субъектам политического процесса относятся и этносы. Вожди и прочие профессиональные политики, заполняющие политические учреждения, по мнению исследователя, признаются лишь «делегативными» субъектами, потому, что их функция представлять интересы той социальной группы, которая инициировала их избранность. На полиэтничном поле национальные лидеры не «делегативны», а скорее являются авторами «воли» поддерживающего их этноса.

Марксистская доктрина создавалась во второй половине XIX в. и В. И. Курбатов, совершенно справедливо отмечает, что уже в начале XX в. стала понятной ошибочность прогнозов К. Маркса в отношении его теории эволюции социальной структуры общества. Социальная структура по мере развития усложнялась в своей структуре настолько, что структурных элементов стало гораздо больше, чем два антагонистичных элемента – буржуа и пролетарии⁹¹. Политическая жизнь также претерпела изменения в сторону усложнения, соответственно усложнились по структуре и этапам и методам конфликты в этой сфере.

Следует также иметь в виду и нетождественность понятий «субъект» и «участник» конфликта. Субъект по определению является активнодействующей и целенаправленной стороной конфликта, имеющий возможность оказывать влияние на динамику конфликта и на возможность создавать конфликтные ситуации в соответствии со своими интересами. Субъект, в процессе формирования стороны конфликта, выступает определяющим фактором, потому что в его функционал включены такие роли, как привлечение сторонников, союзников, обеспечение ресурсами, определением тактики и стратегии ведения борьбы, заключением союзов, альянсов и т.п. Как в шахматном поединке в процессе выбывания из конфликта какого-либо участника – меняется расстановка и происходит перегруппировка сил, при этом суть конфликта или противостояния остаются неизменными. Иная ситуация

⁹¹ Курбатов В. И. Конфликтология. С. 218-219.

произойдет с потерей непосредственного субъекта конфликта – конфликт либо заканчивается, либо трансформируется, меняя качественные характеристики. Если в конфликте более двух субъектов – противоборство усиливается. И именно это определяет течение конфликта, например в Карачаево-Черкесии, где, по нашим наблюдениям, субъектов всегда больше, чем три, поскольку к достижению целей стремятся пять народов, населяющих республику, каждый из которых не сомневается в своих правах на власть.

Таким образом, у Г. И. Козырева субъектом политического конфликта является субъект политических отношений, причем реальный или потенциальный, который имеет свои политические интересы и в политическом противоборстве готовый их отстаивать⁹². Субъект этнополитического конфликта, по нашему мнению, это всегда реальный субъект, обладающий не столько политическими ресурсами, сколько этно-национальными, но имеющий именно политические интересы, которые, по их достижении, плавно перетекают в интересы финансово-экономические.

Участниками политического конфликта являются как отдельные индивиды, так и группы, организации, объединения, профессиональные коллективы, политические институты – партии, государства, фракции парламентские и другие вовлеченные в конфликты лица и общности. Переведя в этнополитическую плоскость, скажем, что участниками этнополитических конфликтов являются этносы, которые, подогреваемые политической элитой своего этноса, культивируя недовольство и неудовлетворенность, в конечном итоге страдают от таких действий.

Г. И. Козырев выделяет еще одну важную в политическом аспекте сторону конфликта – косвенную⁹³. По нашему наблюдению, именно эта сторона конфликта иногда играет определяющую роль в разрешении этнополитического конфликта. Так, авторитетный конфликтолог М. М.

⁹² Козырев Г. И. Конфликтный социум: монография. М., 2006; Политический конфликт: общее и особенное. Монография. М., 2007.

⁹³ Козырев Г. И. Политический конфликт: общее и особенное. С.260-262.

Лебедева считает, что «кроме основных бывают косвенные участники в конфликте (страны, блоки, политические и национальные движения), которые не принимают активных действий в конфликте, но поддерживают ту или иную сторону...»⁹⁴.

Некоторые исследователи пытаются выделить неосновных или «косвенных» субъектов конфликтов, принимающих опосредованное участие в противоборстве, находясь в «тени», имеющих при этом, свои особые интересы и, влияющие, все-таки, на ход и динамику конфликта⁹⁵. Особенностью косвенной стороны этнополитического конфликта, наблюдаемой в последние десятилетия на политическом поле Северного Кавказа, является то, что эта сторона играет роль т.н. «серого кардинала», мало озабоченного национальностью участников конфликта, но бдительно следящего за тем, чтобы не были ущемлены его финансово-экономические интересы. И совершенно прав Г. И. Козырев, когда утверждает, что косвенные субъекты и косвенные участники современных политических, социальных, межэтнических и даже международных конфликтов весьма велики и формы и структура этих субъектов так сложна, что правильнее их было бы определить, как «косвенная сторона конфликта». Это означает, что косвенный субъект для достижения своих целей и интересов в потенциальном и реальном «чужом» конфликте создает некую взаимодействующую структуру – косвенную сторону»⁹⁶.

В этнополитическом конфликте, если одна сторона обычно представлена тем или другим этносом, то «косвенная» всегда анациональна, как анациональны деньги и другие материальные ресурсы. В условиях особо острого течения конфликта и неопределенности его разрешения, эти косвенные субъекты оперативно меняют свои позиции и чаще всего оказываются участниками «третьей» стороны, в роли «третейских судей», причем по просьбе «общественности», ловко инициированной ими самими. Таким образом, можно

⁹⁴ Козырев Г. И. Политический конфликт: общее и особенное. С. 260

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

реконструировать следующий сценарий: «косвенная сторона» становится «косвенным участником», затем, – «третьей, второстепенной стороной» и, наконец, «переоформляет» свои функции в конфликте в позицию ее «урегулятора».

В условиях этнополитического конфликта «третья сторона» имеет свои отличительные особенности от общепризнанных. Приняв за общую основу функции этой стороны разработку М. М. Лебедевой⁹⁷, выделим следующие особенности:

- посредничество: не участвуя открыто в переговорном процессе, третья сторона принимает ее удовлетворяющее решение и навязывает его открытым участникам конфликта;

- оказание «добрых услуг»: в отличие от политического конфликта эта функция в этнополитическом конфликте имеет гораздо большее значение, поскольку именно на основе «оказания добрых услуг» выстраивается основная система отношений в финансово-экономической, социальной и политической сферах полиэтничного общества;

- наблюдение за ходом переговоров: производится не напрямую, а через третьих лиц, чья интерпретация также выстраивается с учетом интересов «заказчика» и не может быть объективной;

- арбитраж: по М. М. Лебедевой, его главное отличие в том, что решения, принимаемые судьей или в данном контексте арбитром, становятся обязательными для исполнения каждой из сторон, но в этнополитической ситуации это происходит чаще только под давлением уже «четвертой» стороны – государственных органов⁹⁸.

Радикально отличается третья сторона в этнополитическом конфликте и по качествам, выделенным как основные: она чаще всего не обладает политическим капиталом, малокомпетентна в конфликтологии, пользуется не

⁹⁷ Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 103-107.

⁹⁸ Там же.

столько авторитетом и доверием общественности, сколько своим особым финансово-экономическим положением, и уж тем более не может быть беспристрастной, поскольку в основе ее деятельности лежит не забота о благополучии населения государства (республики), а собственные корыстные интересы.

В конечном счете, т.н. «третья сторона» в этнополитическом конфликте под видом посреднических функций на самом деле является урегулятором конфликта, причем без полномочий, предоставляемых обычно конфликтующими сторонами.

В типологии политических конфликтов этнополитические относятся к внутренним. Но северокавказская ситуация и здесь имеет свои особенности. В частности, некоторые местные этносы имеют достаточно обширную диаспору за границей, которая время от времени оказывает как финансовую, так и идеологическую поддержку своим соплеменникам в России. Можно ли в такой ситуации считать выступления того или другого этноса внутренним конфликтом? Пожалуй, нет. Горизонтальный этнополитический конфликт, например, при смене неугодных лидеров или правящей элиты, получает дополнительную подпитку извне, создавая уверенность в победе внутренним носителям идеи. Такого рода конфликт институционализирован и запрограммирован и нацелен на назначение досрочных выборов, вотум недоверия к правительству и пр.

Вертикальный этнополитический режим в своем статусно-ролевом и режимном подвидах мало отличается от политического: здесь также преследуются цели повышения личного и группового статуса в политической структуре общества (за место в иерархии политической власти, за совокупность и объем политических прав и свобод, за возможность участвовать в политической жизни и влиять на нее, за соответствие статуса и роли и др.). В качестве примера можно привести конфликты между центром и регионами в современной России, между правящей и оппозиционной элитами, возникающие в рамках существующей политической системы, и др. Иногда такие конфликты

не имеют реального объекта и являются самоцелью. Подобный конфликт, как правило, провоцируют политические элиты либо для того, чтобы лишний раз напомнить о себе, либо для того, чтобы отвлечь внимание общественности от насущных политических проблем, которые они не могут, или не хотят решать.

Режимных же конфликтов, подразумевающих свержение существующего политического строя или радикального изменения политического курса на Северном Кавказе (не считая Чечни) нет. Даже в период перестройки, когда большинство жителей региона голосовало за сохранение социалистического строя, режимный конфликт не назрел. Оставаясь и далее в «красном поясе», регион в целом, тем не менее, никогда не шел на конфронтацию со спонтанно возникающими в процессе реформаторского пыла нововведениями во властных структурах.

Наиболее распространенным, например, в Карачаево-Черкесии является политический конфликт интересов, когда борьба идет в сфере распределения и перераспределения различных ресурсов (власти, материальных благ, духовных ценностей и пр.). И поскольку их объем несравнимо мал по сравнению с ресурсами России, а амбиции местных элит сопоставимы с амбициями мировых олигархов, то и конфликты здесь концентрированы и быстротекущи.

Очевидно, что, какого бы типа политические конфликты не возникали в этнополитическом обществе, каждый из них «сигнализирует» об имеющихся межнациональных противоречиях, которые необходимо разрешать. Основным предметом этнополитических конфликтов в республике были и остаются исполнительная, законодательная, судебная власти, политический статус групп, принадлежащих к малочисленным народам, государственно-территориальное устройство.

Политическая полемика в Карачаево-Черкесской Республике часто приобретает конфликтный характер. Кредит доверия часто выдается не только на пропагандируемые идеи, но лично политику. В период выборной кампании в 1999 году обоим кандидатам на пост высшего должностного лица (представителям двух коренных народов) был выдан настолько высокий кредит

доверия, что их стали выдавать за национальных героев. Политическая составляющая базировалась на остром недовольстве жителей республики действиями властей по налаживанию социально-экономической жизни. Проведенное за год до этого исследование показало, что среди факторов, негативно влияющих на социальное самочувствие населения, ведущее место отдается действиям властей – 85%. Около половины (41%) жителей считали власть коррумпированной, 23% отмечали криминализацию экономики.

Согласие трудно достигнуть, если стороны находятся в конфликте. Причин тому много. Среди них – психологические факторы. Исследования показали, что конфликтующие стороны предпринимают действия, исходя не из наличия объективных факторов, а из того, как они видят и оценивают обстановку. Это дало основание американским авторам Д. Прюитту и Дж. Рубину определить конфликт как конфликт воспринимаемых интересов⁹⁹. Аналогичная формулировка была принята в Уставе ЮНЕСКО, где сказано, что «войны начинаются в сознании людей»

В наиболее экстремальной форме факторы восприятия в конфликте проявляются на уровне массового сознания. В значительной степени они создаются политической элитой через СМИ, которая «все в большей мере использует СМИ в качестве инструмента для достижения определенных целей»¹⁰⁰. Для конфликтного восприятия характерна, прежде всего стереотипизация, которая выполняет функцию «быстрой настройки», толкая на немедленные действия. Причем в конфликте настройка осуществляется в одном направлении – нацеленность на победу. Появляется ряд факторов, затрудняющих поиск согласия.

Один из феноменов – это упрощение или примитивизация фактов, игра с информацией, которая нацеливает на ограниченное восприятие и сужение до

⁹⁹ Pruitt D., Rubin J. Social Conflict: Escalation, Stalemate, and Settlement. N.Y., 1984.

¹⁰⁰ Тетуев А. И. Влияние региональных средств массовой информации на этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 2 (39), 2018. С. 50.

рамки «свой – чужой», «победа или смерть», «мы – они» и т. д. Другие аргументы не воспринимаются, либо интерпретируются в необходимом контексте. По мере развития кризиса, «дихотомия» конфликтного восприятия обостряется. Стороны убеждаются в том, что точек расхождения гораздо больше, чем точек соприкосновения: конфликт окрашивается в черно-белые тона. Это ведет к его углублению и затягиванию конфликта.

Другой феномен, получивший название «приписывающие искажения», еще более обостряет недопонимание сторон, поскольку он объясняет любые поступки противоположной стороны злым умыслом. Он формирует, по мнению американских ученых, «дьявольский образ врага», а собственное поведение сторонами конфликта воспринимается как исключительно праведное. Происходит обесчеловечивание поступков противника¹⁰¹.

Как следствие дихотомии – восприятия сторон в конфликте приобретают диаметрально противоположный характер, с ярко выраженными отрицательными характеристиками. Зеркальность восприятия ограничивает поиск рациональных моделей поведения. «Зеркальность» образов у конфликтующих сторон дополняется гипертрофированным восприятием своей ситуации, а действия противоположной стороны истолковываются как угроза. Нередко это является пусковым механизмом для перехода конфликта в вооруженное противоборство. Обычное оправдание – «у нас не было другого пути» и т. д.

Еще один феномен состоит в том, что на каком-то этапе участники конфликта начинают полагать, будто дружественные им стороны имеют с ними больше общего, чем это есть на самом деле.

Перечисленные выше явления повышают групповую солидарность и формируют групповую идентичность. У конфликтующих сторон вырабатываются общие нормы, регламентирующие их взаимодействие, схожие эмоциональные реакции, стереотипы, восприятие, устремления и суждения.

¹⁰¹ Pruitt D., Rubin J. Social Conflict: Escalation, Stalemate, and Settlement. N.Y., 1984.

Групповая идентификация оборачивается неоднозначными последствиями. Это могут быть – единство, самопожертвование, готовность к риску, уверенность в правильности выбора. А могут быть и противоположные реакции – психологическое снятие с себя ответственности за обострение борьбы, снижение «порога риска», отчаянность и бесконтрольность. Способы урегулирования конфликтов напоминают «диалог глухих».

Таким образом, восприятие становится одним из основных источников назревания и обострения конфликта. И одним из механизмов его урегулирования становится механизм преодоления конфликтного восприятия. Восприятие не только влияет на отношения сторон, но и формируется самими участниками, т.е. является «активным компонентом». В итоге осознание факта конфликтного восприятия одной из сторон или всех сторон – делает поведение сторон предсказуемым. «На уровне массового сознания в этом плане огромную роль могут сыграть СМИ, которые не только создают «образ врага», но и могут демонтировать этот образ»¹⁰². Но на данном этапе необходимо констатировать, что «средства массовой информации недостаточно активно используют свои возможности для целенаправленного воздействия на этнополитические процессы, на сохранение и укрепление межэтнического мира. Образовавшийся вакуум граждане, особенно молодежь, пополняют информацией внешних информационных источников, зачастую являющихся некорректными, направленными на формирование деформированного национального самосознания. Поэтому требуется повышение эффективности региональных и центральных СМИ в вопросе информационного освещения проблем Северного Кавказа»¹⁰³.

¹⁰² Халюзин В. А. Динамика политической жизни традиционного общества: на примере Северного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Пятигорск. 2011. С. 11.

¹⁰³ Тетуев А. И. Влияние региональных средств массовой информации на этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 2 (39). С. 56.

К работе по нивелировке отрицательного восприятия обязательно должны привлекаться профессиональные эксперты, что позволит точнее оценить ситуацию. Немалую роль в урегулировании противоречий может играть и «третья сторона», о которой говорилось в предыдущем параграфе, только с определенной корректировкой ее состава и ценностных устремлений. Эта же сторона может налаживать новые каналы межнациональной коммуникации, передавать суть сообщения, убирая эмоциональные характеристики, выступать гарантом достоверности информации.

Такой третьей стороной для народов Кавказа могут быть и старейшины родов, печальный опыт жизни которых вполне (по нашим сведениям) не раз отрезвлял даже финансово-экономическую элиту.

Очевидно одно: в многонациональной среде неразрешенность социальных проблем создает не только трудности для экономического развития региона, но и грозит перерастанием в этнополитические конфликты. Иначе говоря, «основой межнациональных конфликтов является неудовлетворенность политических элит тем положением, которое они занимают. Отсюда их стремление перераспределить властные полномочия в свою пользу, инициируя и проводя "национальные революции". В итоге стремление элит к завоеванию власти становится реальным фактором этнополитической напряженности»¹⁰⁴.

Очевидно, механизмы урегулирования региональных конфликтов требуют дополнительного теоретического и практического дополнения с учетом этнического фактора. По нашим наблюдениям, наиболее часто возникающие межнациональные конфликты вызревают, в том числе на почве неосведомленности его участников не только о культуре, но и истории оппонентов. Создается впечатление, что слабость культурологического образования, отсутствие объективных исследований истории народов, незнание традиций ислама, христианства и других религий создают для

¹⁰⁴ Григорян Д. К., Ароян А. С., Веренич И. Г., Островский В. А. Роль этнополитических элит в возникновении и развитии межэтнических конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 78.

недобросовестного руководства полиэтнической республикой условия обходить интересы населения и вплотную заниматься лишь своими собственными. Как уже отмечалось выше, этнизация конфликта выгодна и экономистам, и политикам, и чиновникам, поскольку переключает внимание населения с социальных проблем на национальные, уводит поиск «врага» в другое поле. В силу этого повышение культурологической и религиозной грамотности в полиэтническом регионе можно считать одним из действенных механизмов урегулирования части конфликтов.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, определим основные особенности этнополитического конфликта:

- объектом этнополитических конфликтов является своеобразный общественный ресурс – государственная (республиканская) власть, а также политический статус этнических и финансово-экономических групп, а политические ценности только подразумеваются и только на период борьбы за власть;

- в этнополитическом конфликте нет особой разницы в понятиях «актор» и «актер (игрок)», поскольку сторонами конфликта являются обычно «субъекты», не отличимые от «участников». В этой связи уточним, что единство действий способна обеспечить и общественная организация, которая по надобности переводит любой этнический конфликт в этнополитический. И политические лидеры здесь, на первом этапе развития конфликта, выступают не как носители политической идеи, а, скорее, этно-национальной. В этнополитическом конфликте к субъектам политического процесса относятся и этносы. Если вожди и прочие опытные политики, действующие в политическом пространстве, в момент политического конфликта, воспринимаются лишь субъектами, которым делегировали полномочия и права те социальные слои, которые оказали им непосредственную поддержку, то в полиэтническом пространстве, национальным лидерам не делегировали права и полномочия, поддерживающие этносы, а наоборот, лидеры выражают «волю» представляемого ими этноса. В полиэтническом регионе этнополитический

конфликт отличается и количественно: здесь субъектов всегда больше трех. В силу этого и развитие его часто остается непредсказуемым. Субъект этнополитического конфликта, по нашему мнению, – это всегда реальный субъект, обладающий не столько политическими ресурсами, сколько этнонациональными, но имеющий именно политические интересы, которые, по их достижении, плавно перетекают в интересы финансово-экономические;

- «косвенные стороны» конфликта обычно проходят путь через «третью сторону» к урегуляторам конфликта. В этнополитическом конфликте, если одна сторона обычно представлена тем или другим этносом, то «косвенная» всегда анациональна. Происходит следующее: «косвенная сторона» становится «косвенным» участником», затем, – «третьей», «второстепенной стороной». Далее происходит изменение функции в конфликте – урегулирование конфликта.

- «третья сторона» в этнополитическом конфликте присутствует обязательно, поскольку чаще всего ею и инициируется. Радикально отличается третья сторона в этнополитическом конфликте и по качествам, выделенным как основные: отсутствие политического капитала, малокомпетентность в конфликтологии, опорой не столько на авторитеты, сколько на свое финансово-экономическое положение, отсутствием беспристрастности, наличием собственных корыстных интересов. В конечном счете, т.н. «третья сторона» в этнополитическом конфликте под видом посреднических функций, на самом деле, выполняет функцию разрешения конфликта, причем без полномочий, предоставляемых, обычно, конфликтующими сторонами;

- толчком к началу конфликта служит инцидент, чаще всего связанный с терроризмом или криминалом;

- предшествующая конфликтная ситуация подготавливается непрерывно, т.е., по окончании одного конфликта, готовится другой, поскольку субъектов несколько и быть удовлетворенными все не могут;

Противоборствующая сторона в этнополитическом конфликте очевидна – другой этнос, другой народ. Субъекты и объекты противоборствующих сторон

– зеркальны. А «жертвами» становится большая часть населения полиэтнического государственного образования.

Работы по выявлению закономерностей и тенденций развития этнополитических конфликтов исключительно важны, тем более, что этот вопрос в научной литературе по этноконфликтологической проблематике, включая западную, является наименее разработанным и освещенным. Современные отечественные конфликтологи обозначают, что выявленные ими и зарубежными учеными, в процессе исследований закономерностей и тенденций протекания этнополитических конфликтов, зачастую носят постановочный, дискуссионный характер понимания сущности конфликтов, характера протекания, места и роли в общественном развитии, а также путей и способов преодоления и урегулирования конфликтов¹⁰⁵. К таким тенденциям развития этнополитических конфликтов относят следующие:

1. Развитие человеческой цивилизации и изменение общества закономерно ведут к эволюции исторических типов конфликтов. Эта эволюция происходила и происходит в следующей последовательности: а) доэтнические конфликты (доисторические времена); б) этнические конфликты (первобытный период); в) этнические + политические конфликты (аграрное общество и переход к индустриальному обществу); г) этнополитические конфликты (индустриальное и постиндустриальное общество); д) этнополитические + межцивилизационные (информационное общество).

2. Все отчетливее прослеживается тенденция взаимопревращения этнополитических и религиозных конфликтов, их слияния и трансформации в межцивилизационные конфликты, подтверждающая, к сожалению, прогноз известного американского ученого С. Хантингтона.

3. Четко просматривается закономерность зависимости смены форм национально-государственного устройства стран от смены типа конфликтов.

¹⁰⁵ Калинина Е. Ю., Мухудаев М. О., Сморгунова В. Ю. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. 2017. № 4. С. 14.

Следует подчеркнуть, что эта закономерность выдвигается нами как гипотеза, которая должна быть или подтверждена, или отвергнута. Существование этой закономерности подтверждается тем, что, во-первых, этнические и политические конфликты, точнее неумение предотвращать их эскалацию, подорвали и разрушили первые древние федерации и конфедерации, на смену которым пришли империи. Во-вторых, этнополитические конфликты привели к упадку и гибели почти всех империй и рождению национальных государств. В-третьих, этнополитические конфликты дезинтегрировали последние квазифедеративные державы (СССР и СФРЮ) и угрожают существованию многонациональных государств. Если данная закономерность существует, то следует ожидать, что очередной цикл эскалации этнополитических конфликтов, может уничтожить оставшиеся многонациональные государства и привести к рождению десятков новых государств, которые, тем не менее, все равно останутся полиэтничными.

4. «Становится все более очевидным, что дезинтеграция крупных полиэтничных государств и рождение новых независимых государств не гарантирует сокращения количества и ослабления интенсивности этнополитических конфликтов»¹⁰⁶. Так, после распада СССР и образования на его бывшей территории 15 новых государств в них образовалось около 30 «новых» этнических и национальных групп, которые начали борьбу за свои права, спровоцировав, таким образом, около 30 новых этнополитических конфликтов.

5. Процессы этнического ренессанса, политизации этничности и этнизации политики привели к глобализации этнополитических конфликтов. «Этнополитический конфликт можно определить как несовпадение и/или несовместимость ценностей, столкновение интересов и целей различных

¹⁰⁶ Дьяченко И. И. Локальные этнокультурные системы: Основные характеристики и закономерности. Дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 133.

этнонациональных общностей между собой, а также с ценностями, интересами и целями государства и доминирующей в нём этнонации»¹⁰⁷. Нам показалось важным и мнение исследователей о том, что постоянное воспроизводство этнополитических конфликтов и их превращение в доминирующий тип конфликта обусловили зарождение, становление и развитие этнополитической конфликтологии. Ее можно определить как новую перспективную науку и потенциальную учебную дисциплину о сущности, причинах возникновения, эскалации и функциях этнополитических конфликтов, путях и методах их прогнозирования, эффективного управления и цивилизованного урегулирования, о механизмах и средствах обеспечения этнополитической стабильности и этнополитической безопасности.

Следует признать ошибочными и опасными попытки решить этнополитические конфликты с помощью силы или угрозы ее применения и навсегда положить им конец. Но не менее ошибочным можно считать и покорное, бездеятельное наблюдение за развитием этнополитических конфликтов. Более корректным, а главное более продуктивным, следует признать и всячески поощрять попытки прогнозировать, своевременно выявлять и управлять этнополитическими конфликтами с целью направления их мощной, взрывного характера энергии в конструктивное русло, а также предотвращения их эскалации.

Учитывая, что т.н. кадровый паритет, принятый в Карачаево-Черкесии, Дагестане и других республиках Северного Кавказа, значительно смягчает иерархизацию этнонациональной структуры республики¹⁰⁸, подтверждается и наблюдение ученых о том, что в таких обществах конфликты возникают довольно часто и даже постоянно, но длятся они недолго, имеют

¹⁰⁷ См.: Данилова Е. Н. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое общество // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 116-123.

¹⁰⁸ Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 г. / под общ. ред. В. А. Тишкова. Пятигорск: ПГУ, 2018. – 154 с.

цивилизованный характер и благоприятствуют саморегуляции, саморазвитию и самоусовершенствованию общества и его этнонациональных общностей.

Однако проведенное нами исследование не во всем подтверждает утверждение о том, что развитие этнополитических конфликтов носит вариативный и альтернативный характер, что открывает реальные возможности, с одной стороны, их менеджмента, предотвращения эскалации и урегулирования, а с другой – не исключает возможностей их провоцирования, искусственной пролонгации и эскалации.

В результате изучения теоретико-методологических основ этнополитического конфликта автор сформулировал ряд выводов.

Единственной возможностью эффективно управлять этническим конфликтом является перевод его из этнонационального в социально-экономическое русло, и препятствовать его возвращению на «этнонациональное поле». «В этом важна позиция государства, поскольку характер, масштабность и острота этнополитических конфликтов зачастую детерминированы его ролью. Чем более нейтральной оказывается позиция и более миротворческой роль государства в конфликте между этнонациональными общностями (между национальными или этническими меньшинствами, или между ними, или одной из них с доминирующей этнонацией), тем более частыми, но более локальными и мягкими будут этнополитические конфликты и тем больше они будут благоприятствовать укреплению национального единства и территориальной целостности государства»¹⁰⁹. И, напротив, чем откровеннее и активнее государство будет демонстрировать свою благосклонность и поддержку одной из конфликтующих сторон, тем более редкими, но более масштабными, острыми и деструктивными будут этнополитические конфликты, тем более они будут препятствовать

¹⁰⁹ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

достижению национального единства и угрожать территориальной целостности государства. Эта закономерность имеет очень важное значение для любых полиэтничных государств, но, в первую очередь, для полиэтничных субъектов РФ.

Из проведенного исследования можно вывести следующее понимание этнополитического конфликта: он возникает и развивается в полиэтничной среде и затрагивает в основном проблему «верховенства» того или другого этноса в вопросах формирования властных структур данного государственного образования, за влияние в системе политических отношений данной республики (региона, губернии). К ключевым понятиям этнополитического конфликта можно отнести:

- столкновение двух и более субъектов (определенной национальности);
- причина столкновения – отношения по поводу приведения к власти как можно большего числа людей своей национальности для использования ее в своих интересах;
- субъективным основанием для начала противоборства является осознание субъектами неустранимости существующих противоречий, основанных на принадлежности субъектов к разным этносам и национальностям. Отсюда, по нашему определению, перманентный и циклический (по кругу) характер развития этнополитического конфликта;
- этнополитический конфликт является одним из способов урегулирования социально-политических противоречий, но не полного его разрешения.

Этнополитический конфликт – обязательное условие развития полиэтничного общества. Основным направлением в исследованиях этого феномена должен быть не поиск путей его уничтожения, а выработка новых форм позитивного урегулирования, удержания на уровне функции, а не дисфункции в социальном развитии полиэтничного сообщества. Но для этого следует иметь четкое представление о главных детонаторах этнополитического конфликта, их целях и возможностях достижения этих целей.

1.3. Регионально-локальное измерение неинституированных политических процессов

Достижение цели исследования и решение задачи выявления факторов влияния глобализации на региональные этнополитические процессы на Северном Кавказе требует осмысления этнополитического аспекта концепта «регион» в новых условиях глобализации. Глобализация относительно недавно стала ощутимым фактором этнополитики. В то же время основы этнополитической теории были сформированы ранее. По мнению автора, для изучения этнополитики территорий с незавершенными модернизационными процессами особенно актуально откорректировать идеи региональной этнополитологии с учетом влияния глобализации.

В настоящее время представления об этнополитике непосредственно пересекаются с такими категориями, как «государство», «государственная власть», «управление государством (обществом)», несмотря на то, что политические отношения являются не только уделом государства. Этнополитические отношения могут возникать между большими этническими общностями и социально-политическими институтами (политическими партиями, общественными движениями и организациями).

Автор понимает государство как форму (одну из форм) организации общества, а этнополитику – как один из способов управления многонациональным обществом – государством. Российское государство – форма организации многонационального общества, поэтому и этнополитика – способ управления этой «организацией». Хотя, как уже говорилось, что «политика» понятие гораздо шире понятия «государство». Также и государство

как политический институт может подменять политические методы управления иными методами, например административными, экономическими или применением прямого физического насилия. Отсюда, этнополитика – это отношения между большими социальными общностями, этническими обществами, элитами и лидерами по поводу приобретения, удержания и использования власти, распределения ресурсов, основанные на правовых нормах и опирающиеся на государственную власть.

В современной политической науке сосуществуют великое множество определений понятия «политика». При этом каждый автор оставляет за собой право акцентировать внимание на каком-либо аспекте такого многомерного явления, как политика. У Н. Макиавелли в приоритете инструментальный или прагматический подход. Сущность политики у этого автора заключается в борьбе за власть. Н. Макиавелли считал политику средством, с помощью которого можно добиться власти, использовать власть и удержаться у нее¹¹⁰.

Институционального подхода придерживался В. И. Ленин. Он считал, что политикой считается участие в делах государства, формулирование задач государства, определение форм и содержания его деятельности¹¹¹. В приведенном примере главная роль отводится государству – основному институту политической системы.

У М. Вебера политика представляет собой действия, которые направляются на приобретение, удержание и использование власти. По мнению М. Вебера, политика «означает стремление к участию во власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе включает»¹¹². В определении М. Вебера основополагающими являются «действия» и «власть».

Р. Арон, французский мыслитель, социолог под политикой понимал определенную концепцию – программу действия, а также сферу общественной

¹¹⁰ Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 37.

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.33. С. 340.

¹¹² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

жизни, в которой всевозможные концепции в борьбе порождают конфликты и консенсусы¹¹³. Именно это определение, по нашему мнению, открывает подходы к пониманию «этнополитики». Конфликтно-консенсусное – это основное состояние этнополитики, потому что настоящая политика не существует без социального конфликта, в то же время необходим межэтнический консенсус в многонациональном государстве. Например, у К. С. Гаджиева политическое располагается между двумя крайними интерпретациями, в одной – политика является результатом столкновения интересов конфликтующих сторон, в другой – политика есть система управления порядком и осуществления справедливости в интересах всех членов общества¹¹⁴.

Категорию «политика» часто раскрывают, как противоборство субъектов политических отношений, которые преследуют антагонистические интересы и цели, следствием, которого является зарождение и закрепление правового порядка. Во все исторические эпохи, начиная с образования государственности, социум устроен так, что различные страты – классы, сословия, касты занимают неравное положение в социальной структуре и имеют разный доступ к всевозможным благам. Понятие «этнополитика» определяется, в таком случае, как противоборство этнических субъектов, которые преследуют антагонистические интересы и цели, результатом которой становится увеличение удельного веса представителей одной национальности во властных структурах с тем, чтобы этнос имел больший, по сравнению с другими, доступ к социальным благам и ограниченным ресурсам. При этом осуществляемая политика может оцениваться, как гуманная или антигуманная, профессиональная, компетентная или не компетентная, одно можно достоверно отметить – это амбивалентностная сущность политики (конфликт – консенсус), которая неизменна. При любой политике, при любом режиме государственного

¹¹³ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. С. 22.

¹¹⁴ Гаджиев К. С. Политическая наука. М.: Сорос – Международные отношения, 1994. С. 94.

устройства этносы борются за власть и для самосохранения вынуждены находить компромиссы, как в межэтнических отношениях, так и с государством. Так обретается когнитивное искусство жить вместе и получать и удерживать власть. Фактически, этнополитика – это создание и обогащение взаимоприемлемых правил общежития. При этом основной ее заботой является стремление оставаться публичной, не давая развиваться деструктивным тенденциям этнополитики теневой, которая, на сегодняшний день, достаточно сильна.

Ключевыми элементами этнополитики можно считать *процесс* урегулирования межэтнических конфликтов, государственный менеджмент в сфере этнических отношений, законы, традиции, обычаи, делающие предсказуемыми этнополитические процессы, конфликтно-консенсусные виды отношений в иерархии общественных и властных взаимодействий, субъекты этнополитики или акторы этнической политической деятельности. Интересы и цели конкретных этнических общностей выступают в качестве источников или, точнее сказать, в качестве мотивации определенного политического поведения – участия в выборах, референдумах, митингах, акциях протеста, в работе политических институтов. Интересы объединяют и разъединяют народы и «заставляют» их сотрудничать и конфликтовать. Основным фактором, мотивирующим социальную и политическую деятельность этнических групп, является именно интерес. М. В. Ильин также вычленяет категорию «интерес» для того, чтобы описать, как концептуализируется основа какой-либо политической целенаправленной деятельности функционального нравственного предписания или требования целедостижения¹¹⁵. Потребности, ценности, цели и позиции политических акторов можно заменить в обобщенном виде термином «интерес». Трудно подобрать в теории политики и в общественной жизни другой такой обобщающий и очень емкий и точный термин. Более того, категорию «политика» также возможно раскрыть через понятие «интерес» и

¹¹⁵ Ильин М. В. Слово и смыслы: интерес // Политические исследования. 1995. № 2. С. 100.

оперировать этим понятием. Например, конфликт интересов, противостояние интересов, согласование интересов и т.д. В подтверждение вышесказанному вспомним определение американского политолога Р. Даля, который утверждает, что политика, по сути, не что иное, как сложное взаимодействие частных и групповых интересов¹¹⁶.

К групповым интересам можно отнести и интересы этнических обществ. Однако в политической реальности современной России очень часто мы наблюдаем продвижение и активное лоббирование интересов не этнических групп, а более солидарных кланов олигархов, представителей силовых ведомств, политических землячеств, коррумпированных чиновников, бизнес - корпорации.

Не стоит забывать о более масштабном понятии «национальный интерес», в котором сосредоточены интересы в социально-политической, экономической и духовной сфере всей нации. В результате взаимодействия, часто конфликта или противостояния интересов субъектов политики – политической элиты, государства и интересов гражданского общества возникает национальный интерес. В ситуации, когда институты гражданского общества не развиты или не в состоянии контролировать органы государственной власти и оказывать воздействие на политическую реальность, национальный интерес будет состоять из интересов господствующей политической, религиозной и экономической элиты. С сожалением можно констатировать, что в большинстве этнических обществ сильны патриархальный уклад и традиционализм, а отношения выстраиваются на подданнической основе, что, конечно же, не способствует эффективному и активному отстаиванию интересов своих этнических групп и нужно переизбрать ту власть, которая не оправдала надежды.

¹¹⁶ Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство. Лекция в память о Стейне Роккане, прочитанная в Бергене 16 мая 1984 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kant.narod.ru/dahl.htm> (дата обращения: 19.12.2019)

Важная роль этнического в политике многонационального государства самоочевидна. И эта роль учитывалась при создании Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года и ряде федеральных законов. В этот период сформировалась система управления в сфере межэтнических, этнокультурных, этнополитических и этноконфессиональных отношений и процессов. Эта система довольно иерархизирована, в силу ее политизированности. Субъекты и объекты этих взаимоотношений одновременно могут выступать в роли субъектов и объектов на этой вертикали. Особую роль играют в этой системе агенты и институты гражданского общества, использующие исторический опыт, оформленный в традиции, навыки сосуществования и взаимодействия этносов в борьбе с этническими конфликтогенами и профилактике межэтнической напряженности, которая обеспечивает стабильность всей системы социально-политических отношений.

Этнополитика и региональный политический процесс тесно связаны. Так, А. В. Баранов и А. А. Вартумян полагают, что этнополитика является подсистемой региональной политики в России¹¹⁷. По мнению автора диссертационного исследования, это не совсем так. Этнополитика разрабатывается и реализуется не только на региональном, но также и на общероссийском уровне. В то же время, лишь незначительную часть этнополитических процессов можно отнести к общероссийским. Это, например, процессы с участием общегосударственных объединений больших диаспор; консолидированные в масштабах страны действия русских национальных объединений. Все остальные этнополитические процессы могут быть отнесены к региональному уровню, поскольку они разворачиваются на локальной территории, значительно меньшей по сравнению с Россией.

Исследования этнополитического содержания регионального политического процесса слабо представлены в отечественной науке. Так, А. В.

¹¹⁷ Баранов А. В., Вартумян А. А. Политическая регионалистика. Вып. 5. М.: МГСУ, 2005.

Баранов констатирует в своем диссертационном исследовании: «в России сложились основные направления анализа акторов региональных политических процессов:

- теоретико-методологические исследования;
- анализ федерализма как типа политических отношений «центр – регионы»;
- исследования органов государственной власти и региональных политических режимов;
- региональная политическая элитология;
- анализ политических партий и групп интересов;
- исследования динамики региональных политических процессов;
- электоральные исследования»¹¹⁸.

Как видим, в приведенном выше перечне отсутствуют такие исследуемые акторы, как этносы, этнически ориентированные организации и политические деятели. Это необходимо трактовать как признание отставания процесса научного осмысления проблемы от потребностей практики, поскольку присутствие этнополитики на региональном уровне общепризнано.

Следует подчеркнуть взаимозависимость геополитического положения Северного Кавказа, региональной этнополитики и тех вызовов, которые продуцирует процесс глобализации. Именно поэтому Северный Кавказ сегодня отличается высоким динамизмом геополитических процессов, что обусловлено объективными факторами, среди которых аналитики выделяют, как правило, важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав населения, особенности этнорегиональной идентичности, нестабильную социальную и общественно-политическую

¹¹⁸ Баранов А. В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий. Дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград. 2007. С. 4.

обстановку¹¹⁹. «Этническая и религиозная мобилизация развивается в условиях глобализации как ответ на условия, угрожающие самосохранению этносов и конфессий, который является попыткой не допустить их растворения в универсальном политико-правовом, социально-экономическом и культурном пространствах, когда эволюционный путь развития ведет к утрате этнической и религиозной идентичности»¹²⁰. Об этом же говорит Д. Малышева, утверждая, что Россия обязана внимательно относиться к ситуации на юге СНГ, в силу сложности и многогранности процессов, протекающих на постсоветском пространстве, а также из-за уже имеющегося кровавого опыта в Чечне. Установлено, что эти конфликты поддерживались и подпитывались транснациональными преступными институтами и международными террористическими объединениями, велась торговля оружием, шел наркотрафик из-за рубежа, процветала контрабанда и наемничество. Все это генерирует новые возможные вызовы, риски и угрозы для безопасности России¹²¹.

Этнополитический аспект концепта регион, по мнению автора, во многом определяется особенностями государственного устройства. Россия – федеративное государство с республиканской формой правления на основе Федеративного договора от 31 марта 1992 г. и Конституции РФ. Федерация означает согласованные отношения центра и регионов (субъектов РФ), в основу которых положено законодательное разграничение полномочий. Центр обеспечивает единство федеральной структуры, создает единое правовое, экономическое и социокультурное поле, одновременно являясь гарантом

¹¹⁹ Махадов А. К. Глобализация и этноконфессиональные противоречия на Северном Кавказе // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Грозный, 2019. С. 617.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Малышева Д. Конфликты у южных рубежей России // Pro et contra. Россия и ее южные соседи. Лето 2000. М., 2000. Т. 5. №3. С. 7.

исполнения федерального законодательства. От него же зависит и стратегия общенационального развития страны.

Федеративным договором предусматривается наличие «местных» (региональных) законодательных баз и их соотнесенность с федеральными. Кроме того, несмотря на статус русского языка как государственного, республики в составе РФ имеют право употреблять в органах государственной власти и органах местного самоуправления национальные языки наряду с русским. Конституцией России поддерживается право на сохранение, изучение и развитие родных языков. Таким образом, федерация России носит, скорее, этно-федеральный характер и, несмотря на очевидные тенденции централизации государственного управления в первом десятилетии XXI в., не прекращается поиск оптимального территориального устройства страны и эффективной модели взаимодействия «вертикали власти» с «горизонталью страны». Отсюда все более актуальными становятся регионалистические исследования. Тем более что процесс территориального районирования страны пока не закончен. Исследователи активно вовлекаются в аналитическую, прогностическую и консультационную работу, выполняя заказы различных органов и организаций, участвуют в различных комиссиях по оценке социально-политической и экономической ситуации, выработке сценарных прогнозов и предложений для государственных и муниципальных органов.

Динамика региональных социально-политических процессов требует периодической корректировки, оценки и прогнозирования, изучения новых социально-политических феноменов, возникающих в процессе глобализации. Жизнь России как на страновом, так и на региональном уровне во второй половине первого десятилетия XXI в. значительно изменилась и требует оперативной экспертной оценки, и выработки на ее основе адекватных мер по оптимизации взаимоотношений центра и регионов.

В частности, исследователями Юга России отмечается, что наступил, по их мнению, новый этап развития этничности. Например, конфликтологи отмечают, что первым уровнем в протекании этнических конфликтов на

Северном Кавказе выступает локальный. Далее происходила деполитизация этничности, а конфессиональный фактор одновременно усиленно политизировался. В России политическая культура традиционно рассматривается, как культура взаимодействия государства и общества и поэтому, данный процесс интерпретировался, как завершение регионального этнополитического кризиса, в результате чего этнические проблемы трансформировались, вернее, перекочевали из политической плоскости в пространство межобщинного взаимодействия¹²². Это было характерно, по мнению экспертов, для первой половины первого десятилетия XXI в. В настоящее время все чаще высказывается мнение, что «специфика современных проблем на Северном Кавказе заключается в том, что их конфликтогенный потенциал может реализоваться через несколько опосредованных звеньев, что повышает значимость оценки рисков принимаемых в регионе решений»¹²³ и на смену локальным конфликтам в Северном Кавказе приходят «блоковые конфликты»¹²⁴.

В свою очередь деполитизация этничности сменяется реполитизацией, означающей активное учитывание конфессионального фактора в этнополитических процессах всего Северного Кавказа и России в целом. Это позволяет формировать устойчивые этноконфессиональные политические идентичности. В конечном итоге предполагается замещение конфессиональным фактором этнического фактора при определении направления политического развития Северного Кавказа¹²⁵. С последним заключением автор диссертации

¹²² Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и Российская практика М., 2008. С. 48.

¹²³ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе: желаемое и действительное // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Сб. статей VII Международной научной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа», посвященной 25-летию Ингушского государственного университета. ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». 2019. С. 12.

¹²⁴ Федотов Д. С. Особенности этнополитических и блоковых конфликтов на Северном Кавказе // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 93-96.

¹²⁵ Там же.

не вполне согласен, поскольку результаты нашего исследования показывают вторичность религиозных убеждений после этнических. Религиозный фактор консолидации сепаратистских движений является не главным фактором в отношении к этническому. Главенство и первостепенность национального отстаивали и пропагандировали (в приемлемых для них формах), такие лидеры исламского мира, как чеченский суфий XIX в. Кунта-Хаджи Кишиев и бывший ливийский лидер Муаммар Каддафи. Так, ученики и последователи К.-Х. Кишиева утверждают, что их учитель произнес на исходе Кавказской войны проповедь, в которой он утверждал, что Богу не угодно дальнейшее сопротивление властям. Что верующие должны идти в церковь, если властям будет угодно, так как церковь – это строения, важна душа, в которой все мусульмане, прежде всего. Далее еще интереснее, К.-Х. Кишиев сказал о том, что если заставят носить кресты, то их стоит носить, воспринимая, как железки. Единственным условием, при котором мусульманам следует подняться и биться до смерти – это насилие над женщинами, навязывание другого языка, культуры и обычаев.¹²⁶ М. Каддафи также сформулировал идею о приоритете национального перед религиозным в труде под названием «Зеленая книга», в которой прописана была официальная идеология Ливийской Джамахирии (форме государственного устройства Ливии при Каддафи)¹²⁷.

Таким образом, в новых условиях будет усиливаться не конфессиональный, а этнический вектор политического развития региона, значительную часть которого населяют представители близкородственных народов (карачаево-балкарцы, адыгейцы, кабардинцы, черкесы и близкие им ногайцы и абазинцы). Поэтому, в контексте нашего исследования регион – это территория, которая объединяет несколько территориально-экономических районов и их структурные элементы по признакам:

- географическим;

¹²⁶ Акаев В. Шейх Кунта-Хаджи // Наш Дагестан. Махачкала. 1995. С. 3.

¹²⁷ Каддафи М. Зеленая книга. М.: Международные отношения. 1989. С. 99.

- природно-климатическим;
- экономическим;
- политическим;
- культурным и др.;

для которых свойственно:

- специализация хозяйственной деятельности;
- общность ресурсов;
- сходство способов и приемов ведения хозяйства и земледелия;
- схожесть условий жизнедеятельности – определенный тип жилища, особенности расселения, способы экономической жизни и т.д.¹²⁸. Под всем этим мы подразумеваем культуру близкородственных или сосуществующих этносов, причем не «др.», а важнейших в регионализации Северного Кавказа. Здесь и «культура, и экономика, и политика имеют свои специфические формы реакции на пространство и реализуются в нем на основе национально-региональной самоорганизации и дифференциации общества»¹²⁹.

Группа исследователей-конфликтологов сформулировала эвристический подход к концепту «регион», к чему их подтолкнула происходящая в последние годы и в европейских этнологических и конфликтологических центрах коррекция исследовательских приоритетов с акцентом на региональную конкретику. Сегодня западные эксперты считают главной задачей работу с российскими региональными школами этнологии, конфликтологии и политологии, которая выражается в анализе политических и экономических процессов в регионе, детальном изучении специфики конфликтов, в

¹²⁸ Мельников Ю. Ф. Регион. Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1999. С. 332.

¹²⁹ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

сотрудничестве с экспертами в национальных республиках¹³⁰. Такие задачи ставятся экспертам – регионоведам, потому что их интересуют не столько теоретическое осмысление регионального демократического транзита, в том числе и роль региональных элит, кросс-региональные сопоставления, возможность встраивания проблем региональной власти России в современную тенденцию корпоративистских режимов, сколько частные вопросы – состояние региональных бюджетов, кадровая политика в регионах и т.д. В последние годы интерес к региональным проблемам России на Западе прошел процесс институционализации, который завершился формированием специальных учреждений, которые изучают данные проблемы. В свою очередь Россия не может похвастаться столь же позитивной динамикой, процесс крайне замедлен. И все это происходит в условиях учреждения в России федеральных округов и внедрении в массовое сознание концепта «Юг России» в 2000 годах, что подтверждает факт отрицания властью основной проблемы данного региона – проблему системного регионального кризиса, который связывали с этнополитическими конфликтами на Северном Кавказе, так сильно влияющего на политическую конфигурацию. «Не вовлеченные субъекты Федерации в северокавказский региональный кризис 1990-х годов, были включены в состав «Юга России», что свидетельствовало о новой формулировке приоритетов в региональной политике РФ, связанных с развитием экономики, социальной сферы, культуры»¹³¹. Но за этими новыми приоритетами скрылись этнополитические проблемы, тормозящие развитие приоритетных сфер. Развитие этнической культуры, как мы уже отмечали, не может быть успешным без ясного представления об особенностях системы культуры полиэтничного региона и тех надеждах, которые возлагают обычно этносы в процессах

¹³⁰ Лобова Л. В. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: взгляд из Европы // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия. СПб., 2004. Т. 1. С. 194-195.

¹³¹ Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Иванова С. Ю. Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2015. С. 51.

этнокультурного ренессанса. И это понимание должно корректировать параметры выделения того или другого региона.

Следует также помнить, что территориальные общности, особенно на Кавказе, сравнительно невелики, но чрезвычайно сплоченны и потому их региональное самосознание ясно выражено (особенно показательное сравнение эмоционально-психологической природы этого сплочения в республиках Северного Кавказа с общим регионально-экономическим «самосознанием» Южного Федерального округа). Здесь «огромную роль играет историко-культурный фактор, проявляющийся в форме бережно сохраняемых комплексов исторической памяти, в стремлении возродить национальные и соблюдать духовно-нравственные, этические традиции и даже поведенческие стереотипы»¹³². Потенцируется это стремление желанием сохранения культурной идентичности и своеобразия, а также исторически сложившихся каналов межнационального взаимодействия в процессах выживания на территории, богатой политическими катаклизмами, сотрясаемой войнами. Местный патриотизм здесь является мощным стимулом консолидации, как перед лицом «общего врага», так и в периоды межэтнического противостояния. В то же время необходимо отметить, что «дети, родившиеся в конце 90-х гг. XX в. и не получившие "прививку" гражданственности, патриотизма, а, напротив, росшие в атмосфере нетерпимости, противопоставления на "наших" и "не наших", становятся активными участниками социальных и политических процессов на региональном уровне»¹³³, используются в борьбе элитных групп по изменению расклада сил.

Как известно, в мире в практически всех государствах практикуется экономическая регионализация, которая чаще всего инициируется органами

¹³² Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

¹³³ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 118.

центральной государственной власти в целях хозяйственной специализации районов. Такая региональная экономическая специализация традиционно опирается на историческую, природную, географическую, демографическую и иную специфику. В результате субъект экономической региональной специализации становится субъектом политической регионализации. Политический регион, выступающий как область политического пространства, становится субъектом политической регионализации и отличается от соседних регионов спецификой политической организации или каким-либо политическим интересом. При таком раскладе регион становится субъектом принятия политических решений и фактором политического давления, с отличными от государства способами и функциями. В то же время регион является субъектом самоуправления¹³⁴. К особенностям политической организации республик Северного Кавказа мы относим, прежде всего, особенности политической стратификации, где, например, роль «возбудителя», регулятора и «гасителя» конфликта чаще всего выполняет этническая элита, меньше или вовсе не проявляющая себя в политических процессах других, мононациональных регионах. Элита, в числе прочего, вполне может вмешиваться в институционализацию политического региона (в частности, в административно-территориальное деление), тем самым несколько меняя параметры политического пространства на основе его самоорганизации по признакам национального самосознания. От того время от времени на Северном Кавказе возникают движения под лозунгом национального самоопределения. Однако и в России, стремящейся к интеграции в Европейское сообщество, все чаще возникают сомнения, поддержанные, прежде всего, именно национальным самосознанием и тревогой за будущее одной из великих культур земли.

¹³⁴ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность. С. 118.

Следует отметить, что обсуждение концепта «регион» к настоящему времени еще не завершилось. Но важные, по нашему мнению, акценты в определениях расставили политологи и конфликтологи В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев в своей работе «Региональная конфликтология: концепты и российская практика». Они отмечают, что в последние годы произошли показательные изменения в определении региона на Юге России, в частности, это название сначала стало вытеснять в политическом лексиконе понятие «Северный Кавказ», но после трагических событий в Беслане (в сентябре 2004 г.) Северный Кавказ вновь обрел свое регионально-политическое звучание. Основой такой трансформации, по мнению ученых, стала новая расстановка акцентов власти и «выделение доминирующего фактора в региональном конфликтном процессе, который не распространяется на весь Юг России»¹³⁵. По мнению указанных выше исследователей, к началу формирования категории «Юг России» конфликтологическая ситуация на Северном Кавказе не рассматривалась как основная проблема региона. Однако, возвращение к употреблению в политическом обороте понятия «Северный Кавказ» подтверждает тот факт, что Федеральный центр переосмыслил ситуацию в регионе и осознал наличие в нем политической доминанты — системного этнополитического кризиса и всю серьезность положения¹³⁶. Тем не менее, незавершенность определения по-прежнему позволяет включать в бытующие обозначения региона – «Юг России», «Южный Федеральный округ» – и территории, населенные народами, не вовлеченными в северокавказские региональные кризисные процессы как 1990-х, так и более поздних годов.

Наблюдается одна особенность межэтнических отношений на Северном Кавказе: конфликты между республиками присутствуют лишь в отношениях между Ингушетией и Северной Осетией по поводу Пригородного района, однако очень широко представлены процессы политического противостояния

¹³⁵ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность. С. 52.

¹³⁶ Там же.

между народами внутри республик и других субъектов РФ на Северном Кавказе. Причина – вызревающий в процессе формирования властных структур республики этноцентризм. В психологии национально-этнических отношений есть склонность воспринимать культуры иных национально-этнических общностей и их носителей через призму традиций, ценностей, норм своего народа.

Обычно этноцентризм характеризуют как комплекс национально-этнических предубеждений, предрассудков, предвзятостей, мешающий справедливо оценивать другие культуры и рассматривать другие культуры в рамках их собственных понятий. И именно этноцентризм можно считать существенным социопсихологическим и социокультурным источником национально-этнических конфликтов. При этом всякие различия в менталитетах этносов расцениваются как почти непреодолимые барьеры в их отношениях и непереносимый фактор если не враждебности, то, во всяком случае, отчужденности. Но как всякое явление, и этноцентризм имеет положительную сторону: без него нет этноса. Без него невозможно формирование социально-психологических механизмов этнической самоидентификации в этническом пространстве и времени. Однако отметим, что комплекс презрения к иным этническим группам акцентируется и актуализируется в определенных условиях. Он является следствием, а не первопричиной напряженности национально-этнических отношений и прежде всего, свойственен изолированным этническим общностям, не имеющим большого социокультурного общения с другими народами. Г. У. Солдатова указывает, что «формирование предубеждений и предрассудков связано с глубинными изменениями структуры этнических образов. Социальное же "конструирование" обусловлено в таком случае не столько этнокультурными факторами, сколько современными экономическими, социальными, политическими причинами. Поэтому по сравнению с этническим стереотипом, как более "культурной" установкой, предубеждение и предрассудок – это как бы более "социальная" установка. Их формирование, так же как и обратные

трансформации, в значительной степени зависят от конкретной общественно-исторической ситуации»¹³⁷.

Расширение общения, плодотворного взаимодействия ослабляет негативные комплексы этноцентризма и даже разрушает их, сохраняя позитивные. Это было доказано в ходе экспериментов М. Шерифа, проведенных в летнем лагере для подростков, впоследствии признанных классическими и явившимися отправной точкой и примером для подражания целого ряда исследователей¹³⁸. В результате был сформулирован принцип вовлечения враждующих или негативно настроенных групп в совместную деятельность для профилактики конфликта. Как указывает У. Дуаз: «Естественное средство, способное уменьшить враждебность – наличие и возможность осуществления «высших» целей, которые требуют общих усилий со стороны всех членов каждой группы»¹³⁹.

При этом этноцентризм может проявиться в склонности избирательно (в соответствии с концепцией «культурных фильтров») осваивать ценности иных культур, как это происходило с культурами, например, Карачаево-Черкесии на всем протяжении их контактов, как между собой, так и с Россией. Этносы Карачаево-Черкесии не потеряли своей этнокультурной самобытности в силу своей открытости вовне, и ничем не поколебленным стремлением к самосохранению. В полиэтничных государственных образованиях акцентирование этноцентризма, как правило, является результатом ущемления национально-этнических прав, и провоцируется этническими элитами в основном при ущемлении их финансово-экономических интересов. Как правило, в полиэтничной республике межэтническая кризисная ситуация назревает не столько из-за неравенства социально-экономического положения

¹³⁷ Солдатова Г. У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности. Дисс. ... д-ра псих. наук. Москва, 2001. С. 120.

¹³⁸ Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., МГУ. 1990. С. 15-16.

¹³⁹ Doise W. Groups and individuals: explanation in social psychology. Cambridge. 1978. P. 191.

народов, сколько из-за скудости ресурсов, подлежащих дележу между этническими элитами. По этой причине «этническая матрица становится объединяющей основой для трансформации неразрешенных социальных проблем в непримиримые межгрупповые противоречия¹⁴⁰. Здесь этноцентризм становится лишь прикрытием и консолидирующим механизмом привлечения всего народа к отстаиванию экономических интересов какой-либо группы или личности. На мегауровне такой сценарий развивается под давлением американского гегемонизма, и резонирует на макро-страновом и микро-региональном уровнях.

Следует также учитывать, что акцентированный этноцентризм свойственен, прежде всего, личности в состоянии депривации, этничность которой подавляется или ущемляется вопреки ее ориентациям. В этом случае выявляются этноцентрические фрустрации. Через унижение и подавление этничности прошли многие народы Северного Кавказа: это и геноцид против адыгов в XIX в., и депортация карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей в XX в. На протяжении десятилетий вызревала политическая фрустрация многих народов региона. Фрустрация постепенно нарастает у населения Северного Кавказа, усугубляясь непродуманной этнополитикой и снижая взаимное любопытство и интерес, мешая налаживанию межкультурного диалога. При этом необходимо отметить, что «жизнь члена кавказских социумов фактически протекает одновременно в двух социальных пространствах: в общероссийском (макро-пространстве) – с его политической и идеологической культурой, институтами формального права и власти, механизмами консолидации, мобилизации и отчуждения; в этническом микро-социальном (семейном, клановом, тейповом) пространстве, где ему (члену этнического общества, социума) гарантированы поддержка, забота, защита («жизненное прибежище»).

¹⁴⁰ Гагагова Л. С. Этническая матрица в контексте Гражданской войны на Северном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 769.

Таким образом повседневное реальное бытие кавказца находится в тисках противоречий макро- и микро-масштабных пространств своего обитания»¹⁴¹.

Однако этнические ценности не самодостаточны для существования и тем более для развития национальной культуры в современном мире. Их абсолютизация ведет к оскудению культуры, к ограничению социальных возможностей ее носителей. Демократическое взаимодействие культур требует толерантных национально-этнических отношений. И именно толерантность помогает преодолевать обострение этноцентризма у того или другого этноса, являясь исторически сформировавшейся основой их менталитета¹⁴². Кроме того, вековая культивация толерантности не ставит народы региона в принципиальную оппозицию как к западу, так и к Востоку, что так важно в глобализационных процессах в современном мире. По существу, толерантность стала одним из способов их геополитического выживания на территориях, исторически входящих в сферу политических и экономических интересов сверхдержав.

Толерантность присуща всем этносам, в том числе русскому. Некоторые авторы отмечают, что в истории русского этноса были проявления пренебрежения толерантностью, которые основывались на политической некомпетентности, грубости принятия политических решений и антидемократичности. Осуществлялись попытки переводить письменный язык молдаван, абхазов, казахов, таджиков и других этносов, в том числе и кавказских, проживающих в одном социо-культурном пространстве, на кириллицу. Это не что иное, как проявление некомпетентности и неуважения к традициям и ценностям этих этнических групп. Русификация различных

¹⁴¹ Тхагапсоев Х. Г. Когда политикой правит культура: к особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. 2018. № 1. С. 19

¹⁴² См. об этом: Экзекова Л. И. Толерантность как принцип межнациональных отношений в полиэтничной Карачаево-Черкессии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 2(179). С. 137-141.

этносов проводилась не только в ключе лингвистики. Это всегда было проявлением политической воли и ничего общего с наличием в сознании населения русского этноцентризма не имело¹⁴³. В целом же «русификация повлекла за собой кардинальные перемены в культурном, социально-политическом и экономическом развитии Северного Кавказа, дала мощный цивилизационный импульс, отразившийся на всех сферах жизнедеятельности северокавказских народов и способствующий их успешному интегрированию в полиэтничный и поликонфессиональный российский социум»¹⁴⁴.

Политическое значение русификация обрела в СССР на территориях лимитрофов (Прибалтика, пограничные области Кавказа и Средней Азии), но и там она носила скорее латентный, чем агрессивный характер.

Отголоском русского этноцентризма можно считать и усиление в последние годы настороженности в отношении представителей Северного Кавказа и Закавказья. Но это обусловлено, прежде всего, активизацией терроризма и просчетами в миграционной политике. Отметим, что остатки имперского мышления уходят в прошлое, но гарантий их невозрождения нет, учитывая способность нынешних властей лишь гасить конфликты, а не устранять их причины.

В стране, которая исторически сложилась и развивалась на этнополитической основе, достаточно часто проявляется покушение на основу основ национально-этнических отношений – дружбу между народами. Особенно это наглядно со стороны «Либерально-демократической партии» и других радикально настроенных партийных лидеров. Они находят поддержку в

¹⁴³ Ларионов С. Н., Филисюк В. Г. Мировоззрение – возможность мирного сосуществования в современном обществе // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 2. № 1 (33). С. 43-48; Трусова Л. Н. Исследования этноцентризма и толерантности в кросс-культурной психологии // В сб.: Актуальные научные исследования: экономика, управление, образование и финансы Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 159-163.

¹⁴⁴ Дзалаева К. Р. Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2019. № 33(72). С. 46.

полиэтнических республиках именно в основном среди русского населения, поддерживая «градус этноцентричности», необходимый в период выборных кампаний.

Этнополитический аспект региональной политики в современных условиях тесно связан с понятием локального (регионального) конфликта. Для конфликтов на Северном Кавказе характерна локальность ввиду того, что конфликтные отношения здесь ограничиваются определенным, часто очень небольшим по территории местом проявления. В то же время необходимо оговориться, что каждый этнонациональный конфликт, разворачивающийся здесь, как правило, на определенной территории, оказывает существенное влияние на социальные процессы сопредельных территорий (национальные районы), а некоторые из этих конфликтов выходят и за пределы республики, и региона. Причины таких конфликтов могут лежать за пределами тех мест, где они происходят, и в подобных случаях эти конфликты выступают своеобразными отголосками конфликтных событий более крупного масштаба. Локальными в этом смысле можно назвать конфликты, происходящие на территории государственного образования, пережившей состояние гражданской войны или радикальных реформ, принципиально изменивших социальное положение того или другого этноса. И это грозит эскалацией конфликта и в будущем.

Локальные конфликты, однако, могут иметь лишь социальное содержание. Возникая в разных локальных точках определенной территории, они могут отражать нарастание социального взрыва более общего характера, конфликта, способного затронуть общество в целом, привести к масштабному социальному противостоянию. По существу, локальными можно считать конфликты, по преимуществу ограниченные в пространственном, временном или смысловом отношении. Ограниченность в каком-либо отношении – видовой признак локального конфликта.

Региональный конфликт имеет особенности. Мы уже отмечали выше значительно усилившуюся взаимосвязь между захватившей современное

общество глобализацией и все возрастающим значением регионов, которое затрагивает все сферы общественной жизни. В региональных конфликтах отражаются региональные особенности и специфика, которые проявляется в особенностях трудовой деятельности, бытового уклада, в том числе способе проведения досуга, в господствующем мировоззрении людей, которое сформировалось в результате длительной жизнедеятельности людей на определенной территории, а также закрепившиеся культурные традиции и общий менталитет. Отличительные, уникальные особенности региона определяют специфику региональной конфликтности. Регион всегда представляет собой часть целого. Именно так мы и употребляем это понятие. Если есть регион, значит, есть, или, по крайней мере, подразумевается центр, по отношению к которому данное понятие имеет смысл и наполняется конкретным содержанием.

Регионализация определенной территории формально должна совпадать с ее административно-политическим делением и закрепляться соответствующими правовыми документами. Главным документом в связи с особой государственной значимостью мероприятия, является конституция страны. Соответствующие положения основного закона, в идеале должны отражать и констатировать объективную специализацию экономического, социального, политического, национального, культурного и исторического развития, при закреплении этнической общности за определенной территорией. Но это все в идеальном варианте, а в реальности учет этих объективных особенностей не может преодолеть процедуру формализации и субъективизма.

Исторический опыт показывает, что любое административно-политическое деление условно и недолговременно. И регионализация часто не отвечает требованиям административно-политического деления страны.

В составе Российской Федерации находится 85 субъектов с определенным статусом и административно закрепленной территорией. Отношения между ними формально упорядочены системой действующего законодательства. Формально они наделены одинаковыми правами.

«Региональные особенности территории (климат, ландшафт, природные ресурсы) представляют собой данность, не зависящую от воли законодателя, но существенно влияют на условия жизни населения. Борьба за эти условия, их изменение, улучшение может входить в противоречие с существующей системой административно-территориального деления и не всегда разрешается в правовом поле существующего законодательства»¹⁴⁵. К региональной спецификации можно причислять значимость таких объективных факторов, как этнические, культурные, религиозные, исторические и демографические, которые значимы на данный момент в поведенческих образцах поведения, традициях, жизнедеятельности населения.

Состояние экономической сферы, наличие собственной рабочей силы, профессионалов и специалистов, степень неравенства в регионе, и соотношение социальных слоев по отношению друг к другу, динамика социальных отношений, общий уровень жизни, образования и духовности – также являются особенностями региона.

Региональная конфликтность не изолирована от влияния внешних причин. «Внутренние и внешние факторы регионального развития и конфликтности тесно переплетены, что особенно наглядно проявляется в современных условиях глобализации и новой борьбы за новый передел мира»¹⁴⁶. Регион Северного Кавказа оказался почти в эпицентре этой борьбы. Геополитическое положение Северного Кавказа во многом сказалось на исторической судьбе оказавшихся здесь народов. Исторически и политически обусловленная реальность демонстрирует проживание в непосредственной близости друг от друга несколько десятков автохтонных – коренных этносов. В то же время на этой же территории проживают и взаимодействуют различные группы «неавтохтонного» населения. Эти факторы способствовали повышению

¹⁴⁵ Цокурено С. С. Насилие в процессе этнических конфликтов на Юге России. Дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2008. С. 90.

¹⁴⁶ Там же.

плотности населения и его компактного расселения на одной территории, что значительно облегчает возникновение и разрастания конфликтов.

Кроме того, Северный Кавказ населен народами, которые относятся к различным конфессиям. После распада СССР экономическая разруха, политическая дезориентация, упадок промышленного производства и торможение сельскохозяйственного сектора, безработица привели к высокому уровню внутренней и внешней миграции в этом регионе. Дефицит территорий, пригодных для хозяйственного освоения, постоянно провоцировал процессы перекройки административных границ. Не затих этот процесс и сегодня.

Перестройка также добавила причин нестабильности ситуации на Северном Кавказе. Важнейшими факторами, которые повлияли на увеличение социальной напряженности и конфликтности в регионе, стали непродуманная политика федерального центра и местных ставленников. Эта политика привела к резкому падению материального благосостояния подавляющей части населения страны в целом и северокавказского региона в частности; усилению социального расслоения общества без соответствующего развития производительных сил; пробуждению демократических потребностей, которые не были подкреплены экономически; насаждению идей о политической свободе и национальной самостоятельности, без продуманных и проработанных механизмов мирного воплощения этих идей. Далее происходит углубление кризиса и на этом этапе происходит снижение качества управления и как результат низкая управляемость политическими и экономическими процессами в стране, тотально-возросшая коррупция в среде чиновников и криминализация всех сфер хозяйственной деятельности, усилившиеся амбиции политических, национальных, религиозных и бизнес – элит. К тому же катастрофически снизилась политизация общества, разочарованного как в социальных, так и в политических реформах. «Результаты этих перекосов в полной мере проявились в 1990-е гг., когда стихия неуправляемых конфликтов стала характерной особенностью развития многих регионов страны, а в некоторых случаях – и их главной чертой. «Одним из таких регионов стал Северный

Кавказ, где конфликтность сопровождает все возможные проявления общественной динамики. Чаще всего происходящие в регионе события рассматриваются как отражение противоречий в сфере национально-государственного устройства и межэтнических отношений»¹⁴⁷. Основания для этого вполне наглядны. «На относительно небольшой территории проживают представители многих национальностей, и каждая из них стремится, во что бы ни стало отстаивать свой национальный интерес»¹⁴⁸. Для полиэтнического и поликонфессионального региона – это вполне закономерно.

Дискредитация господствовавшей идеологии, утрата жизненных ориентиров, отсутствие экономической стабильности, потеря политического авторитета на международной арене, уничтожение идентичности «советского человека», замена интернационалистического мировоззрения на плюралистические суррогатные взгляды заставляют людей искать новые ориентиры и опоры, которые обнаддежат в новых условиях. Одними из таких ориентиров и опор являлись и остаются кровнородственные, национальные и религиозные связи. Именно поэтому эксперты подчеркивают причину повышения региональной конфликтности на Северном Кавказе¹⁴⁹. В сфере межэтнических отношений Ю. Г. Запрудский¹⁵⁰ типологизировал проявления региональной конфликтности.

Первым тип – конфликты на бытовой почве, происходящие между представителями различных этносов. Проявление крайней степени этноцентризма подтверждается в оценке людей иной этничности. Есть

¹⁴⁷ Гударенко Р. Ф. Социально-политическая эволюция роли семьи в сохранении этносоциальной стабильности в регионах Северного Кавказа. Дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. С. 39.

¹⁴⁸ Янадамов А. М. Трансформация социально-политической обстановки в Чечне в 1990-х - начала 2000-х гг. // В сб.: Миллионщиков – 2019. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО «ГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова». 2019. С. 408.

¹⁴⁹ Запрудский Ю. Г. Региональные конфликты: понятие и специфика Северного Кавказа / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. М., Ставрополь, 2002. С. 31.

¹⁵⁰ Там же.

несколько типичных групп проявления региональной конфликтности: во-первых, это конфликты, возникающие на бытовой почве. Но бытовые конфликты также возникают и между представителями одного этноса, на субэтнической – родовой или племенной основе. Но эти конфликты носят эпизодический характер, так как давно отработаны механизмы разрешения и улаживания подобного рода конфликтов. Поэтому существенного деструктивного влияния на обстановку в регионе они не оказывают.

Вторым типом выступают конфликты между представителями различных этносов в полиэтнических административно-государственных образованиях. На Северном Кавказе каждая из республик полиэтнична (автор относит к полиэтничным территории, на которых доминирующий численно этнос составляет не более 80% всего населения). Этот тип конфликтов возникает между представителями наиболее многочисленной этнической группы и этническим меньшинством или между титульными нациями и другими национальностями. Такие конфликты исторически более длительные, постепенно приобретают массовый характер, в результате формируются устойчивые стереотипы и конфликтные установки в этнических средах. Помимо длительности эти конфликты представляют особую опасность для сохранения государственно-политического статус-кво полиэтнического субъекта, особенно когда конфликт достигает предельной степени поляризации конфликтующих сторон.

Третьим типом межнациональных конфликтов является конфликт на межсубъектном уровне. Например, конфликты между Северной Осетией и Ингушетией, а также Чечней и Дагестаном. Проявления этноцентризма в этом случае не принципиальны и не определяющие. Эти конфликты обусловлены интересами местной политической элиты субъектов Федерации. Чаще всего политические элиты преследуют свои клановые или групповые интересы и, «разыгрывают этническую карту», или закрывают глаза на разгул национализма с теми же политическими целями. При этом, «важно понимать, что политические элиты кавказских республик способны аккумулировать и

детерминировать этномобилизационный потенциал, что приводит к возникновению определенного торга с местными этноэлитами»¹⁵¹.

Четвертым типом конфликтов являются конфликты между национально-государственными образованиями в регионе и федеральным центром. По серьезности последствий, по интенсивности проявлений и разнообразию форм – эти конфликты самые серьезные и опасные. Эти конфликты тоже преимущественно носят политический характер. В процессе развития конфликта нарастает степень напряженности национальных аспектов конфликтных отношений и постепенно они станут определяющими в конфликте. Например, в конце 1990-х – начале 2000-х годов антирусские настроения в регионах значительно усилились по сравнению с началом 90-х годов. Недопустимо в настоящем и будущем совершать ошибки в региональной и национальной политике, чтобы не усугубить национальные отношения и геополитическую обстановку в регионах России.

В связи с вышеизложенным очевидно, что региональные конфликты на Северном Кавказе в условиях нарастания межэтнической конфликтности не могут быть исключительно локальными. Они оказывают влияние на соседние территории, и активизируют каналы взаимодействия с зарубежной диаспорой, не всегда позитивно настроенной.

В ходе проведенного автором диссертации экспертного опроса, среди прочих, исследовался этнополитический аспект концепта «регион». Экспертам задавались вопросы, направленные на раскрытие их представлений об общем содержании понятия «регион»; о факторах регионального единства; об особенностях этнополитического процесса на региональном уровне. Как уже было указано выше, были опрошены эксперты из всех субъектов Федерации, входящих в Северный Кавказ. Автор приводит те суждения экспертов, которые

¹⁵¹ Салгирев А. Р., Баранов А. В., Костенко Ю. В. Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 7-2 (53). С. 145-147.

представляют мнение всех или большинства опрошенных (более $\frac{3}{4}$ всех экспертов).

Регион в понимании северокавказских экспертов представляет собой территорию, объединенную общностью (либо сходством) следующих условий:

- социокультурные особенности. В эту категорию включались в первую очередь особенности соционормативной культуры этнических общностей региона (нормы поведения, система ценностей и др.);

- общая история. Эксперты отмечали, что общая история является условием формирования схожих социокультурных характеристик. В то же время она выступает самостоятельным фактором регионального единства, например, в похожих оценках (или хотя бы похожих представлениях об исторических фактах) населением региона общих исторических событий. Для Северного Кавказа таким общим историческим фактом является, например, Кавказская война;

- объективно существующие границы, например, государственные или созданные рельефом (Главный Кавказский хребет, Черное и Каспийское моря);

- осознание людьми принадлежности к данному региону. Другими словами, в системе идентичностей личности должна присутствовать, наряду с другими, региональная идентичность. Как правило, в современных российских условиях такая общая идентичность активно усиливается объединяющими стереотипами и даже предрассудками (например, пресловутые «лица кавказской национальности»). Показательно высказывание одного из экспертов, русского по этнической принадлежности: «За пределами региона, например, в Москве, я воспринимаю себя «лицом кавказской национальности», хотя паспорт у меня на улицах не проверяют. Представление о Северном Кавказе у многих людей, которые здесь не живут, мягко говоря, своеобразные. Краснодар иногда воспринимают как пригород Грозного и расспрашивают, не опасно ли у нас. Иногда в общении с жителями других территорий начинаешь осознавать региональные отличия и в то же время схожесть с российскими

горцами. Например, в произношении. Они говорят, как правило, без акцента, и фрикативное «г» нас объединяет».

Заданные географическим положением или рельефом (например, горным) особенности хозяйства, более интенсивный товарообмен в границах региона по сравнению с товарообменом региона с другими регионами – эти характеристики были ранжированы по частоте упоминаний и приведены по убыванию частоты. Обратим внимание на то, что первые позиции заняты характеристиками, которые не имеют отношения к экономике и в целом к факторам, которые определяют материальные условия жизни.

Характеризуя этнополитический процесс на Северном Кавказе и в целом этнополитический аспект концепта «регион», эксперты отметили следующее:

- в рамках региона этнополитический процесс имеет свои особенности. Как правило, это особенности, характерные для этнополитических процессов меньшего, чем регион, уровня (назывался уровень субъекта Федерации). Например, при всем своеобразии этнополитических процессов в северокавказских субъектах РФ, они характеризуются такой общей чертой, как перманентное установление правил этнического представительства во власти как в субъекте РФ, так и в муниципальных образованиях со смешанным составом населения;

- этнополитический процесс отличается от региона к региону уровнем интенсивности, что определяется таким главным фактором, как уровень полиэтничности;

- в рамках региона этнополитические события в его границах воспринимаются как психологически близкие. У населения присутствует повышенный интерес к происходящему сфере этнополитики в непосредственной близости к месту проживания. На границе региона происходит качественное снижение уровня такого интереса.

Исследование этнополитического аспекта концепта «регион» в условиях глобализации позволяет сформулировать некоторые выводы.

«Осмысление региона как целостной геополитической структуры невозможно без теоретической разработки этнополитических аспектов региона, в ходе которой необходим скрупулезный анализ не только процессов взаимодействия этнических элит и этнического представительства во власти, но и традиционных культур представленных в регионе этнических общностей. Актуальность этнополитических аспектов региональной политики повышается в условиях глобализации, поскольку риски глобализации реализуются в России в настоящее время главным образом в сфере этнополитических отношений. В таком регионе, как Северный Кавказ, в силу его геополитического положения и особенностей проявления здесь влияния глобализации, сфера этнополитики является наиболее актуальной с точки зрения конфликтогенности»¹⁵².

Процесс демократизации международных и национально-этнических отношений безальтернативен. Но без четко сформулированной идеологии этнополитики, без ясного понимания специфики и функций этнополитических конфликтов, без объективного анализа стратификации политического процесса в полиэтничном сообществе, без формирования каналов межэтнического общения и взаимодействия процесс демократизации и стабилизации обстановки на Северном Кавказе невозможен.

Концепт «регион» в отношении Северного Кавказа стабилен хотя бы в постоянном состоянии реорганизации принципов функционирования политической системы, т.е. в непрекращающемся стремлении многочисленных и титульных этносов укрепить свой социально-политический статус экономическими и юридическими средствами. Существовавшая советская политическая система блокировала возможность объединения по национальным интересам и отстаивания их. Этнические позиции в социальной структуре существовали, но оказывались «замороженными». Проявление

¹⁵² Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

каких-либо этнических отношений как групповых допускались лишь по вертикали, по отношению к центру, но не по горизонтали – как взаимодействие между собой. Поэтому иерархия этносов существовала по отношению к центральной власти и проявлялась в форме политико-юридических статусов народов (реализация титульного этноса в форме союзной республики, автономной республики и пр.). Она, бесспорно, «проецировалась на характер горизонтальных межэтнических отношений, однако формировалась не ими, не они ее продуцировали. События 1990-х годов привели к тому, что теперь иерархичность выстраивается «изнутри», и исходит не от «центра», а задается аскриптивными характеристиками этносов, которые определяют свое место в социальной иерархии многонационального общества»¹⁵³.

Культура, экономика и политика в Северо-Кавказском регионе имеют свои специфические формы реакции на пространство и реализуются в нем на основе национально-региональной самоорганизации и дифференциации общества. Территориальные общности в регионе сравнительно невелики, но чрезвычайно сплоченны и потому их региональное самосознание отчетливо выражено. «Большую роль в этом играет историко-культурный фактор, проявляющийся в форме бережно сохраняемых комплексов исторической памяти, в стремлении возродить национальные и соблюдать духовно-нравственные, этические традиции и даже поведенческие стереотипы»¹⁵⁴. Потенцируется это стремление желанием сохранения культурной идентичности и своеобразия, а также исторически сложившихся каналов межэтнического взаимодействия в процессах выживания в этнополитически нестабильном регионе. Местный патриотизм здесь является мощным стимулом консолидации как перед лицом «общего врага», так и в периоды межэтнического противостояния.

¹⁵³ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 183-187.

¹⁵⁴ Там же.

Теоретико-методологическое основание современной российской этнополитики не учитывает локальные особенности политических процессов на полиэтническом политическом поле. Приступать к политическим действиям по урегулированию как межнациональных, так и межсубъектных и субъектно-государственных отношений, по нашему мнению, следует лишь после формулирования четкого представления об участниках этих процессов.

Глава 2. Элита, социальное недовольство и политическая лояльность в контексте неинституированного политического процесса

2.1. Роль элиты в неинституированном политическом процессе

Этнополитический конфликт имеет характерные отличительные черты в ряду конфликтов разных видов. Одной из этих черт является активное участие в таких конфликтах власти и этнических элит. В данном параграфе проанализированы особенности и определяющие функции власти и элиты в процессах, протекавших на политическом поле полиэтничного региона, в течение последних десятилетий XX и начала XXI вв. Для объективизации подхода к анализу автор использует, как результаты экспертного опроса, проведенного в ходе подготовки диссертации, так и результаты вторичного анализа социологических исследований.

Ранее в диссертации было обосновано, что культуры этносов Северного Кавказа в значительной степени до сих пор остаются традиционалистскими, а управление – авторитарным. Традиционализм проявляется, в частности, в том, что значение «фамилии», клана здесь имеет существенно большее значение, чем в субъектах РФ, населенных преимущественно русскими. Это придает определенную специфику этнополитическим процессам, обостряя межэтнические и внутриэтнические отношения. В таких условиях власть должна избрать для себя такую тактику управления, которая бы отличалась особой деликатностью и вниманием к национальным традициям.

Анализ роли власти и влияния элит на политическую ситуацию осуществлен на примере Карачаево-Черкесской Республики и основан на

данных исследования, проведенном осенью 1998 г. – зимой 1999 г., а также повторном осенью 2008 г. – зимой 2009 г. и осенью 2018 г. – зимой 2019 г. Целью исследования было выяснение отношения разных групп населения к власти, а конкретно: исполнительной, законодательной, судебной. В рамках данного исследования изучалось отношение населения и к прокуратуре как органу, надзирающему за исполнением законов РФ.

Толчком к проведению такого рода исследований послужило предположение о том, что именно власть является одним из источников регионального конфликта, от власти в значительной степени зависит социально-экономическое положение республики и ее граждан. Политическая стабильность в обществе в полной мере определяется качеством власти, ее целями и методами работы.

Как известно, действие законов на местах и их исполнение – прерогатива власти. Власть осуществляет управленческие функции, от качества которых во многом зависит качество жизни населения. Как она их осуществляет, какие противоречия при этом возникают, переходят они в конфликты или нет, – вопросы, на которые должно было ответить исследование в Карачаево-Черкесии.

Другой задачей было изучение положения населения и нормативно-ценностных ориентаций власти. Власть в республике, как и в большинстве регионов России, ассоциируется с такими понятиями, как «демократизм» или «авторитарность». При этом необходимо отметить, что смысловые значения их претерпели значительные изменения. Если в конце 1980-х – начале 1990-х годов под «авторитарностью» понимали коммунистический и посткоммунистический авторитаризм, а «демократию» связывали с периодом «гласности» М. С. Горбачева и «свободы» времен Б. Н. Ельцина, то к 2000–2005 гг. эти понятия получили новое звучание. С формированием «вертикали власти» наблюдается ограничение самостоятельности регионов, а значит, демократии в контексте трактовки начала 1990-х годов. Многие политологи отмечают, что в первой половине первого десятилетия 2000-х гг. происходит

процесс сокращения дистанции между «авторитаризмом» и «демократией». Так, по мнению некоторых специалистов, «все большее распространение получает определение российского политического режима как гибридного, сочетающего в себе элементы, как авторитаризма, так и демократии»¹⁵⁵.

В начале 1990-х гг. власть молодой Карачаево-Черкесской Республики осуществляла советская партийно-хозяйственная номенклатура. И она правила вплоть до 1999 г., при этом делилась на фракции, создавала совместно с новыми влиятельными авторитетными группами союзы или вступала в них, но в любом случае удерживалась в системе власти. По-другому говоря, советская партийная и хозяйственная номенклатура обеспечила профессиональными политиками регион на долгие годы, несмотря на смену идеологии, и политического режима¹⁵⁶. Период «шоковой терапии» прошел в республике без серьезных конфликтов и чрезвычайных ситуаций, но зато ее потрясли бурные политические процессы и конфликты двух ветвей власти (законодательной и исполнительной) по вопросу формы государственного устройства и новой Конституции Карачаево-Черкесской Республики.

Кроме того, на волне суверенизации в России были провозглашены республики по национальному признаку. Принятая Конституция не находила поддержки у отдельных народов, периодически вызывая политические конфликты у этих народов с властью. Длительное время власть в структурном отношении представляла собой фактически партийно-комсомольскую номенклатуру. В указанные годы в региональной элите происходят процессы разделения на отдельные группировки:

¹⁵⁵ См.: Шакирова Э. В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 203-210; Дорожкин Ю. Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. 2016. Т. 24. № 8. С. 14-18; Розов Н. С. Динамика гибридных режимов и устойчивость/хрупкость неототалитаризма // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 1 (88). С. 30-46.

¹⁵⁶ Дахин А. В. Трансформация региональных элит // Полис. 2003. № 4. С. 108.

- представителей бывшей номенклатуры, активно поддерживавшие исполнительную власть в республике;
- руководителей предприятий, которые вышли из числа хозяйственно-партийной номенклатуры, приватизировав предприятия, которыми руководили, но в то же время, рассчитывающих на государственные заказы;
- «новых» богатых или предпринимателей и бизнесменов, которые воспользовались процессом приватизации и «свободной торговлей»;
- преданных коммунистической идеологии политических групп, выступающих теперь в качестве оппозиции;
- националистических групп с их лидерами, выступающими так же на стороне оппозиции к власти.

Выборы Главы Карачаево-Черкесской Республики в 1999 г. положили начало длительному и жесткому этнополитическому конфликту. Взаимоотношения власти и населения республики в этот период характеризовались недоверием, неприязнью, отчужденностью.

Прошедшие годы сформировали в общественном сознании понятие власти, несколько отличающееся от представлений доперестроечного периода. Так, в 1998 г. на вопрос, какие структуры респонденты относят к власти, они ответили, что кроме официальных ветвей, к ней сегодня примкнули или забрали в свои руки управленческие функции средства массовой информации, представители крупного бизнеса, представители теневой экономики, криминальные группировки. Мнения распределились следующим образом: 56,9% считают, что в республике власть осуществляют представители крупного бизнеса; 52,3% к власти отнесли представителей теневой экономики; 46,3% власть отождествляют с криминальными группировками¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Здесь и далее использованы данные социологических (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) и экспертных опросов (февраль-июнь 2009 г. и февраль-июнь 2018 г.), проведенных автором. (Материалы из личного архива автора). Социологические опросы проводились в г. Черкесске и четырех административных районах Карачаево-Черкесской Республики (Зеленчукский, Карачаевский, Прикубанский, Урупский районы). Опрос проводился с помощью анкеты в индивидуальной

Данные повторного исследования (2008–2009 гг. и 2018–2019 гг.) проведенного в условиях, последовавших после жесткого противостояния новой власти и двух народов, значительно отличаются от вышеизложенных результатов: 69,7% опрошенных указали, что властные функции выполняют криминальные группировки, 59,8% – представители теневой экономики, 46,4% отмечали, что власть – это крупный бизнес. По мнению респондентов, Президент – генерал В. Семенов – не владел полностью ситуацией в республике¹⁵⁸.

Анализ результатов количественного исследования, проведенного в 2018–2019 гг., позволил проследить распределение ответов по социальным и демографическим группам. Так, мнение мужчин и женщин в основном совпали, за исключением ответов, касающихся теневой экономики. Большинство мужчин к структурам власти отнесли представителей теневой экономики (60,2%). В какой-то степени в распределении ответов сказались возрастные различия. Молодежь до 20 лет отнесла к ветвям власти средства массовой информации. Большинство респондентов всех возрастных групп (54,0% – 61,3%) к ветвям власти отнесли представителей крупного бизнеса. О том, что теневая экономика и криминальные группировки олицетворяют собой власть, указывают больше половины респондентов каждой возрастной группы¹⁵⁹.

Отметим, что исследования, проведенные в 1998–1999 гг., соотносятся с результатами 2008–2009 гг. и в той части, что, помимо официальных ветвей власти, в республике функционируют новые нелегальные структуры, которые имеют значительное влияние на официальную власть. Но отличались от тенденций 2018–2019 гг.

форме. Каждый раз было опрошено 500 человек от 18 лет; экспертный опрос проводился среди представителей политико-административной элиты, государственной, муниципальной службы, некоммерческих организаций, научного сообщества. В экспертных опросах приняли участие 45 человек.

¹⁵⁸ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁵⁹ Там же.

Одной из главных задач исследования 2008–2009 гг. стало выявление проблем, связанных с политикой, проводимой властью, вызывающей особую тревогу у населения республики. Совокупность этих проблем выглядит следующим образом:

- кризис в экономике, спад производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве – 84,5%;
- рост безработицы – 99,7%;
- коррупция, взяточничество во властных структурах – 89,4%;
- рост числа уголовных преступлений – 82,3%;
- резкое расслоение на богатых и бедных – 74,5%;
- слабость, беспомощность власти в республике – 91,3%¹⁶⁰.

К этому кругу проблем респонденты отнесли также нехватку продуктов питания, товаров первой необходимости, ухудшение состояния окружающей среды и т.д. Важно подчеркнуть, что республиканская власть в представлениях жителей республики была ответственна за проблемы во всех сферах жизни.

К числу социальных проблем, безусловно, надо добавить испытываемые людьми традиционные трудности в обеспечении жильем, в получении медицинской помощи и удовлетворении ряда других социальных и культурных потребностей. Особенно высокий уровень неудовлетворенности решением этих проблем высказали безработные, временно неработающие, работники промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

В числе острых социальных проблем, волнующих жителей республики, оказались проблемы жизнеустройства старшего поколения и молодежи. Об этом можно судить по тому, что большинство опрошенных выделило их наряду с острейшей проблемой по снижению жизненного уровня. Так на вопрос: «Что Вы можете сказать о деятельности органов власти, различных общественных

¹⁶⁰ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

организаций в области социальной защиты населения КЧР?», получены следующие результаты: 96% опрошенных посчитали, что наиболее незащищенными группами являются старшее поколение и молодежь. И по отношению к ним власть «практически ничего не делает». Причем, среди опрошенных удельный вес молодежи составил около четверти респондентов, а лиц пожилого возраста – около 40%. Стало быть, жизненные обстоятельства этих категорий людей волнует не только их самих, но и основную массу людей наиболее дееспособного возраста и требуют специального изучения и рассмотрения органами власти¹⁶¹.

В перечне ответов на вопрос: «Если Вы испытываете страх, тоску, то кого Вы вините в этом?», обвинение власти в 1998 г. стоит на втором месте, после «нестабильности в экономической жизни республики», а по данным 2008 г. власть стоит уже на первом месте¹⁶².

Так, по данным опроса 1998 г., свыше 50% опрошенных испытывают страх и тоску из-за нестабильности экономики, а в 2008 г. эта цифра увеличилась до 79%; в 1998 г. 39,9% респондентов в этом обвиняют местную исполнительную власть. В 2008 г. их уже 79%, при этом 21,5% направляют свое обвинение в адрес Президента республики. Центральную власть винит меньшее количество респондентов (29,9%). А далее виновниками своего страха, тоски респонденты называют расслоение на богатых и бедных (21,1% – в 1998 г., 53,6% - по результатам исследования 2008 г.), безработицу (15,5% – в 1998 г., 35,9% – в 2008 г.) рост преступности (15,4% – в 1998 г., 72,6% – в 2008 г.). Свыше 70% респондентов (2008 г.) страшатся потерять работу. Страх, тоску испытывают свыше 69,5% (2008 г.) респондентов по причине плохой работы

¹⁶¹ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁶² Там же.

органов правопорядка. Панический страх перед судебными органами отмечают 74,3% респондентов (2008 г.)¹⁶³.

На основании сравнительного анализа результатов социологических исследований в Карачаево-Черкесии 1998 г. и 2008 г. можно сделать вывод, что плохое социальное самочувствие жителей республики определялось несколькими факторами. Среди них необходимо выделить проблему недостаточной политической дееспособности власти в организации жизни республики. Решение актуальных проблем в России до настоящего времени напрямую зависит от государства и его политики в силу обширности полномочий государственной власти на уровне субъекта РФ. Как отмечает Н. П. Медведев, «через органы государственной власти, в первую очередь, осуществляется целенаправленное воздействие на развитие и совершенствование политических, экономических и социальных процессов, происходящих в субъекте Российской Федерации»¹⁶⁴. Именно, в силу этого, способность власти субъекта РФ к эффективному действию является, на протяжении десятилетий, предметом особого беспокойства населения республики, как зафиксировали результаты опросов.

Интересным является сравнение социологических данных, полученных в начале 2008–2009 гг. годов с данными 2018–2019 гг. Совокупность проблем выглядит уже следующим образом:

- кризис в экономике, спад производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве – 47 %;
- рост безработицы – 40 %;
- коррупция, взяточничество во властных структурах – 85%;
- рост числа уголовных преступлений – 20%;

¹⁶³ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁶⁴ Медведев Н. П. Субъект Российской Федерации в условиях государственно-правовых реформ. М.: Институт государства и права РАН. 2006. С. 65.

- резкое расслоение на богатых и бедных – 86 %;
- слабость, беспомощность власти в республике – 91,3%¹⁶⁵.

В многолетней истории взаимоотношений жителей республики (в прошлом – автономной области) и власти всегда ощущался незримый психологический барьер непонимания, подозрительности и страха. С точки зрения государственной (местной) власти, жители республики «живут неплохо», лидируют среди Северо-Кавказских республик по доходам, уровню жизни, потребительской корзине и т.д. (и 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг., и 2018–2019 гг.). В то же время, по мнению опрошенных из числа представителей государственной власти Карачаево-Черкесии, «граждане в своей массе норовят своим непониманием их политики и глухим упрямством свести на "нет" реформаторские усилия»¹⁶⁶. Например, народ не хочет согласиться с результатами приватизации. Но при этом отметим, что процессы приватизации шли в республике в авангарде: в числе первых, и почти в полном объеме, в течение 10 месяцев были приватизированы все местные предприятия промышленности. По мнению представителей власти, безработица в республике не столь высока, как кажется населению. Делается вывод, что население не хочет самостоятельно переходить к ситуации «современности»: для многих характерны иждивенческие настроения, они излишне подвержены влиянию оппозиции, не хотят понять, что не все зависит от власти. По мнению экспертов – представителей власти, преступность в республике значительно снизилась. При этом выросла заработная плата. Правда, делается оговорка, что расчет ее среднего размера велся с учетом окладов госслужащих (работников госаппарата, и ряда служб), превышающих среднюю бюджетную в несколько раз¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

Чтобы понять, что собой представляла республика в 1998–1999 гг. и 2018–2019 гг., надо выяснить какую трансформацию претерпела региональная власть и, как изменилось отношение к ней жителей республики.

«Несмотря на формальное упразднение Советской власти, стиль и методы работы исполнительной и законодательной власти остались прежними, поэтому уместно говорить не о трансформации власти в полном смысле, а об изменениях отношений региональной власти и центральной, об изменении взаимоотношений государственной власти и хозяйственников. Менялся и характер взаимосвязи политической и экономической жизни республики в сторону ее относительной автономности. Появилась относительная независимость субъектов хозяйственной деятельности от государственных структур власти (республиканских, городских, районных и т.д.)»¹⁶⁸.

В то же время, о произошедшей с 1991 г. реформации власти пока можно говорить только условно. Она напоминала обычную ротацию кадрового состава. Так, аппарат обкома и исполком Карачаево-Черкесской автономной области в составе Ставропольского края РСФСР как бы вернулись к работе в прежнем составе, заняв примерно такие же руководящие должности. При этом социальный статус чиновников в значительной степени зависел от их личных связей и собственных способностей. Неудивительно поэтому, что в представлении респондентов (32,8% – 1998 г. и 49,8% – 2008 г.), власть – это, прежде всего, малоэффективная управленческая система, которая создает больше проблем, чем решает их. При этом, по мнению респондентов, многие из чиновников и вовсе не хотят вникнуть в суть проблем и способы их решения¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

¹⁶⁹ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

Между тем, власть решает в соответствии со своими полномочиями ряд важнейших социальных задач, которые без ее вмешательства решиться не могут. Она действует как механизм снятия или смягчения противоречий, которые возникают в силу различия интересов у разных общественных групп. Но власть для жителей республики (44% – 1998 г., 79% – 2008 г., 67 % – 2018–2019 гг.¹⁷⁰) – это распределительный механизм материальных благ и экономических преимуществ. Такая функция делает власть весьма привлекательной для определенных групп. Монопольно решая функции распределения и использования в интересах отдельных групп, а именно – представителей политической и экономической элиты, власть превращается в орудие дестабилизации общества, возникновения резких социальных противоречий, переходящих периодически в конфликты.

В целом, власть, по мнению 68% опрошенных в исследовании 2018–2019 гг. – непредсказуема. Эти неожиданности возникают, на наш взгляд, в тех случаях, когда масштабы проблем, ждущих властных решений, во много раз превышают те, которые они решают. Создается ниша, заполненная противоречиями, которые при определенных условиях переходят в конфликт власти и населения.

Значительная часть респондентов (48,3% – 1998 г., 72,0% – 2008 г., 60 % 2018–2019 гг.¹⁷¹) считает, что власть аморальна. Вопрос об имманентной аморальности власти неоднократно возникал в мировой науке, и ответы на него были весьма разноречивы. Так, с именем Н. Макиавелли связана концепция неприемлемости этических критериев к власти и политике. Другие ученые рассматривали власть как сферу или морального совершенствования, или деградации. Третьи, в основном ученые советского периода, уверяли – без моральных принципов невозможно существование самой власти. По мнению

¹⁷⁰ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁷¹ Там же.

автора, мораль является одним из основных принципов существования такой сложной системы, как власть. Мораль выступает тем ограничителем, который останавливает разрушение власти и ее деградацию. Она является ограничителем стремления власти к использованию своих полномочий для наживы и своекорыстных целей.

Опрошенные в 1998 г. и 2008 г. респонденты обвиняли власть в бесчестности (соответственно: 47,8% и 59,5%)¹⁷². На наш взгляд, связывают они это понятие с неспособностью власти подчиняться в своих действиях и поступках определенным моральным принципам и правилам, исходя из потребностей общества. Но возникает проблема соблюдения и нарушения обязательств власти. Надо полагать, имеющие место в действиях региональной власти, с одной стороны, соблюдение определенных обязательств, а с другой – нарушения большинства из них, дают право обвинить власть в бесчестии. Отметим, что в исследовании 2018–2019 гг. – этот процент ниже: 37 %¹⁷³.

Многие опрошенные (38,7% – 1998 г., 74,5% – 2008 г.) отмечают изолированность власти, оторванность ее от общества. Власть, в их понимании, должна действовать в рамках, установленных законами и Конституцией РФ, и постоянно быть на страже защиты интересов своих граждан. В 2018-2019 гг. подобных ответов было 35 %¹⁷⁴.

Определенный процент респондентов оспаривает легитимность власти. В их понимании власть субъекта в тот период была незаконна. Кроме того, высокий уровень социальной тревоги вызывало у населения отсутствие должной заботы о нуждах людей.

Однако проблема недостаточной дееспособности власти выглядит не самой актуальной, она занимает 4-е место в рейтинге актуальности. Вместе с

¹⁷². Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

тем, столь незначительной эта проблема кажется на первый взгляд. Мы уже упоминали, что решение всех актуальных политических, экономических, социальных проблем пока напрямую зависит от власти, как региональной, так и федеральной, и проводимой ими политики. В таблице № 1 приведены распределения ответов на вопрос о сферах ответственности власти.

Табл. № 1

Сферы ответственности власти в представлении населения Карачаево-Черкесской Республики (в % от числа респондентов)¹⁷⁵:

№№		1998–1999 гг.	2008–2009 гг.	2018–2019 гг.
1.	Рост преступности	56,7	85,3	15
2.	Отсутствие должной заботы о людях	49,8	82,3	80
3.	Ухудшение взаимоотношений работодателями и работниками	49,5	56,7	70
4.	Слабость власти	44,2	72,4	67
5.	Межгрупповые напряжения	35,9	58,9	60
6.	Напряженность между народами	29,7	69,5	67

Именно поэтому в последние годы обвинения в недееспособности республиканской власти, проявленной как в 1999 г., так и в 2009 г., стали основной претензией большинства общественных формирований, оппозиции и значительной части населения. Исследователей должен был насторожить резкий рост количества респондентов, считающих напряженность между народами компетенцией власти.

Для жителей республики большое значение имеет близость властных структур к людям, готовность оказать им содействие, помощь в случае необходимости. О реальном уровне такого сочувствия властей к нуждам населения дают ответы на вопрос (в 2008–2009 гг. / 2018–2019 гг.):

¹⁷⁵ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

«Приходилось ли Вам обращаться с просьбой решить проблему, решение которой зависит от органов власти?».

Табл. № 2

Обращения населения к органам власти (в % от числа опрошенных)¹⁷⁶:

№№		Да
1.	К Главе республики	79,2 / 76
2.	В Правительство республики и его министерства	65,2 / 50,3
3.	В Народное Собрание (республиканским депутатам)	11,5 / 8
4.	В прокуратуру (районную, городскую, республиканскую)	35,6 / 15
5.	В органы внутренних дел (районные, городские, республиканские)	60,0 / 16,7
6.	В Пенсионный фонд	35,0 / 13,8
7.	В суд (районные, городские, республиканский)	40,0 / 22,5

Как показывают приведенные в таблице № 2 распределения ответов, большей частью обращаются к органам исполнительной власти (к Главе республики, в Правительство). То, что между опросами больше 10 лет, но отчеты респондентов практически совпадают, демонстрируют постоянность в пристрастиях населения.

Анализ простых процентных распределений показал, какие гендерные группы чаще обращаются к власти.

Табл. № 3

Распределения ответов об обращениях к власти по полу

(в % от числа ответивших)¹⁷⁷:

№№		Мужчины	Женщины
1.	К Главе республики	49,2	30,0
2.	В Правительство республики	35,0	30,2
3.	В Народное Собрание	9,6	1,9

¹⁷⁶ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

¹⁷⁷ Там же.

4.	В прокуратуру (районную, городскую, республиканскую)	20,6	15,0
5.	В органы внутренних дел (районные, городские, республиканские)	28,0	13,0
6.	В суд (районный, городской, республиканский)	20,0	19,8

Большей частью к власти в Карачаево-Черкесии обращаются мужчины. В то же время, ненамного отстают от них женщины. Проблемы безработицы, низкие семейные доходы, социальная незащищенность, будущее и настоящее детей, наведение порядка, соблюдение законности – проблемы одинаково болезненны как для мужчин, так и для женщин. И для их решения они вынуждены обращаться в различные органы. Для общества с высоким уровнем традиционализма, каким является общество Карачаево-Черкесии, это очень важный показатель модернизации социальных отношений, а именно – повышения уровня социальной активности женщин.

По социальным группам, нуждающимся в помощи власти, картина выглядит так (результаты исследования 2008–2009 гг.).

Табл. № 4

Социальные группы, нуждающиеся в помощи власти¹⁷⁸:

№ №		Пенсионеры	Безработные	Индив. трудов. и посред. деят.	Фермер	Временно не работающие	Гос. учреждения	Акционер. промышл. предпр.	Частн. предпр.	Обществен. орган.
1	К Главе республики	23,3	21,1	10,6	35,0	30,0	16,5	17,7	27,4	20,0
2	В Правительство и министерства	33,3	50,7	47,8	60,0	45,0	34,2	36,9	36,1	60,0
3	В Народное Собрание	16,7	35,9	15,3	60,0	16,7	11,3	25,4	14,3	80,0
4	В суд	16,7	17,4	28,3	10,0	18,3	24,5	17,7	23,0	70,0
5	В прокуратуру	13,3	21,1	23,8	5,0	18,3	22,3	13,8	12,0	60,0
6	В органы внутренних дел	26,7	24,8	56,7	35,0	35,0	33,6	17,7	27,4	60,0

¹⁷⁸. Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

7	В Пенсионный фонд	60,0	13,7	32,2	60,0	18,3	19,7	21,5	4,3	70,0
---	-------------------	------	------	------	------	------	------	------	-----	------

Практически все социальные группы, за исключением студентов и домохозяек, обращаются в органы власти достаточно часто. Сравнение результатов опроса по различным группам показало, что, несмотря на скептическое отношение к власти, значительная часть опрошенных сохранила уверенность в том, что власть решает все. Такое мышление осталось от периода патерналистского государства, когда решение всех вопросов, касающихся жизни людей, их работы, удовлетворения потребностей, полностью зависело от органов власти. У большинства опрошенных остались прежние стереотипы доверия к власти. Власть же государственная как в прошлом, так и в настоящем, считает, что она знает интересы народа и действует во имя народа. Для советского периода была характерна материалистическая модель, основанная на доверии к власти и исходящей от нее идеологии. Доверие к власти и политической системе было характерной чертой народа при социализме.

К сожалению, как свидетельствуют результаты опроса, республиканская власть в период его проведения о том, что она избрана для решения проблем народа, помнит только в период выборных кампаний. И далее действует, забывая, кем и для каких целей она избрана. На наш взгляд, не все вопросы входят в компетенцию органов власти, но положение человека в современном обществе настолько сложно, противоречиво, что ему поневоле приходится, как и в прежние годы, идти к властям. И доверие к ней, естественно, вырабатывается на основе той помощи, которую население получает. Опросы показали, что лишь десятая часть населения считает, что власть оказывает определенное положительное влияние на жизнь в республике. Практически во всех социальных группах большинство ей не доверяет. На вопрос: «Каким образом решались Ваши проблемы?», в 2008–2009 гг. были получены ответы (в % к числу опрошенных):

Мнение о решении проблем властью (в % от количества опрошенных)¹⁷⁹:

№№		Глава	Правительство	Депутаты	Суд	Прокуратура	Милиция	Пенсионный фонд
1	Быстро решали проблему	0,3	1,9	0,7	1,5	2,2	0,6	2,9
2	Отложили решение на неопределенное время	1,1	2,3	1,2	0,4	0,1	0,2	3,2
3	Постоянно обещают, но не решают	45,0	82,0	29,0	41,0	18,0	35,0	32,0
4	Отказали в решении	11,0	39,0	7,0	32,0	22,0	14,0	2,9
5	Не решают, потому что нужно дать деньги	72,0	61,0	5,4	86,0	77,0	83,0	5,7
6	Власть решает свои проблемы, им не до нас	99,0	89,0	8,3	84,0	75,0	81,0	39,0
7	Власть сплошь коррумпирована, им не до нас	99,0	84,0	59,0	89,0	76,0	97,0	18,0
8	Круговая порука во власти, мы далеки от них	94,0	82,0	64,0	95,0	89,0	80,0	36,0
9	Власть ненаказуема за нарушение наших прав	97,0	85,0	50,0	90,0	80,0	92,0	47,0

Результаты анализа распределений ответов, приведенные в таблице, однозначны: большинство населения Карачаево-Черкесии не доверяет властям. Доля тех, кто связывает защиту своих интересов и прав с исполнительной властью, крайне низка. Существует прямая зависимость между отношением к власти и формой решения проблем, с которыми к ним обращаются. По мнению опрошенных, власть решает свои проблемы, поэтому она не может и не хочет решать проблемы тех, от имени которых занимается управлением. Круговая порука и коррупция в структурах власти, чувство вседозволенности, нарушение законов, взяточничество – неполный перечень факторов формирующих

¹⁷⁹ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

отношение к ней. Таково же мнение, выявленное в ходе опроса населения также о прокуратуре.

Практически во всех социальных группах, за исключением студентов и домохозяек, отношение к решению их проблем тремя ветвями власти отрицательное.

Хотелось бы обратить внимание на следующее: мнения мужчин и женщин о республиканской власти совпадают. Разница в ответах по вопросу характеристики исполнительной власти незначительна.

Табл. № 6

Гендерный аспект оценки власти (мужчины и женщины, в % к числу опрошенных)¹⁸⁰:

	Варианты ответов	Женщины	Мужчины
1.	Профессионально грамотные люди	7,1	8,1
2.	Строго выполняют должностные обязанности	5,9	5,7
3.	Защищают интересы республики	5,7	4,6
4.	Интересы республики ставят выше личных	3,1	2,4
5.	Увеличили количество рабочих мест	1,3	2,4
6.	Власть коррумпирована	75,9	89,0
7.	Защищают интересы свои и определенных групп	88,4	70,4
8.	Работают на себя и свое окружение	74,2	62,8
9.	Невысокий профессионализм	65,7	71,1
10.	Низкие деловые качества аппарата	64,6	76,3
11.	Расстановка кадров не отвечает интересам народов Карачаево-Черкесской Республики	76,7	68,5

Таблица № 6 демонстрирует критическое мнение по отношению к власти, как мужчин, так и женщин. Таким образом, женщины имеют собственное представление о власти. Это указывает на относительно высокую социальную активность женщин республики. В то же время отметим, что женщины не

¹⁸⁰ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

столько критично оценили характеристики представителей власти, связанные с ее профессионализмом.

Неоднозначно отношение жителей республики и к судебной власти. Невзирая на изменения общественной системы, отношение к судебной власти осталось прежнее. В современном обществе в судебные инстанции обращаются не только по уголовным делам. Судебные органы в новом обществе должны объективно разрешить спорные проблемы между гражданами республики и властью. Возникает заколдованный круг: чиновник не хочет, в лучшем случае не может решить проблему. Есть примеры, когда люди обращались во все инстанции городской и республиканской власти в течение 5-7 лет. Вынуждены были обратиться в суд, вопрос не решался и там или решался в пользу власти. К сожалению, судебная система, как и раньше, зависит от исполнительной власти, о чем свидетельствуют данные проведенных исследований. Из 23% обратившихся в суд, лишь полтора процента были быстро решены, остальным в решении было отказано. Почти треть обратившихся считают, что их проблемы не решают, потому что нужны деньги, другая треть отмечает, что судьи решают свои проблемы, «им не до нас»; такое же количество респондентов отмечает, что судебная власть коррумпирована. Свыше 40% обратившихся в суд, уверены в том, что круговая порука в органах судебной власти мешает им объективно решать судебные проблемы¹⁸¹.

В ходе исследования мы попытались выяснить у респондентов, всех, кто обращался и не обращался в суд, наиболее характерные черты судебной власти республики. По мнению мужчин и женщин, характеристики выглядят следующим образом

¹⁸¹ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

Отношение к судебной власти КЧР (в % к числу опрошенных)¹⁸²:

№		Мужчины	Женщины
1	Не верю в честность и независимость судей	33,3	35,3
2	Судьи часто нарушают законы сами	18,7	20,3
3	Судьи зависят от исполнительной власти	20,3	16,8
4	Круговая порука	26,3	25,0
5	Взяточники, сплошь коррумпированы	38,7	38,3
6	Защищают свои интересы	17,3	23,3
7	Низкий профессиональный уровень	17,3	15,9
8	Высокий профессионализм	7,3	11,8
9	Честно выполняют свой профессиональный долг	7,3	11,8

Как очевидно, отношение к судебной власти несколько более позитивно по сравнению с отношением к власти исполнительной. В то же время, более трети опрошенных отмечают коррумпированность судей, не верят в их честность и независимость. Мнения мужчин и женщин в основном совпадают.

По возрастным группам отношение к судебной системе выглядит следующим образом.

Отношение к судебной власти КЧР по возрастным группам
(в % к числу опрошенных)¹⁸³:

№		До 20 лет	21-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	Свыше 60 лет
1.	Высокий профессионализм	27,8	10,9	9,5	9,7	2,2	10,3
2.	Честно выполняют свой профессиональный долг	22,2	4,3	6,8	6,5	6,5	6,9
3.	Защищают свои интересы	16,7	6,5	16,2	6,5	8,7	6,9
4.	Взяточники, сплошь коррумпированы	11,1	28,3	17,6	17,7	17,4	13,8
5.	Низкий профессиональный	0,0	4,3	9,5	6,5	8,7	3,4

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

	уровень						
6.	Круговая порука	0,0	6,5	13,5	22,6	23,9	28,8
7.	Судьи зависят от исполнительной власти	11,1	19,6	17,6	22,6	13,0	24,1
8.	Часто нарушают законы сами	22,2	15,2	14,9	29,0	17,4	20,7
9.	Не верю в честность и независимость судей	33,3	3,4	37,8	38,7	34,8	27,6

Таким образом, налицо достаточно ровное распределение ответов по всем возрастным группам. В то же время, мнение о высоком профессионализме судей падает с повышением возраста респондента, за исключением группы старше 60 лет. Такая характеристика, как «честно выполняют свой профессиональный долг», дана судьям возрастной группой до 20 лет. Представители других возрастных категорий поддерживают эту характеристику в незначительном количестве. То, что судьи взяточники и сплошь коррумпированы, отмечают все возрастные группы, но наиболее категоричны молодые люди (21-30 лет). «Круговая порука» характерна для судей, по мнению всех возрастных групп, за исключением совсем юных. Причем, чем старше возраст, тем больше респондентов отмечают этот признак.

То, что судьи, по сей день, зависимы от исполнительной власти, для респондентов является фактом, не подлежащим сомнению, хотя официально считается, что третья ветвь власти – независимая и ее главный арбитр – законы. Все возрастные группы утверждают, что судьи сами нарушают законы. Одна треть опрошенных по всем возрастным группам не верит в честность и независимость судей.

Уровень профессионализма судей высоко оценивают две группы: работники сельского хозяйства и студенты. Достаточно высоко они оценили, по сравнению с другими группами, такую характеристику как «честно выполняют свой долг» (23,3%; 21,1%). Остальные группы дают невысокие оценки данной характеристике регионального судейского сообщества.

Взяточничество как характерный признак судебной власти, признают 1/3 опрошенных работников сельского хозяйства, столько же индивидуалов,

близки к ним временно не работающие. Остальные группы оценивают характеристикой в пределах 20%.

В круговой поруке судебную власть обвиняют почти половина опрошенных работников сельского хозяйства (45%) и общественные организации (46%). Того же мнения придерживается треть работников – индивидуалов, четвертая часть пенсионеров.

Не менее интересен вопрос об отношении населения к законодательной власти: большинства опрошенных законодательная власть как законотворческий орган не интересует. Их отношения строятся исходя из принципа «депутат – избиратель». Основа, на которой строятся взаимоотношения такого типа – встречи, реализация предвыборных обещаний, решение социально-экономических проблем. При этом большинство респондентов отметили, что встречи не столь часты, как этого им бы хотелось. Большинство из них забыло имена своих депутатов, не говоря уже о встречах. Депутатские приемы практикует незначительная часть депутатского корпуса. Жители республики о законотворческой деятельности знают только из публикаций в местных газетах, большинство из которых носят скандальный характер.

На вопрос: «Какая из характеристик, на Ваш взгляд, больше подходит законодательной власти?» были получены ответы представителей самых разных социальных групп, возрастных категорий, этнических общностей.

Уровень профессионализма республиканских депутатов все группы оценили невысоко (в зависимости от социальной группы – от 0% до 16,7%)¹⁸⁴. Это обусловлено, по мнению автора, недостаточной информированностью населения, редкими встречами с депутатами, а также слабой освещенностью работы законодателей в СМИ. Большинство респондентов не знало, какие

¹⁸⁴ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

законы принимаются и какова цель их принятия. К концу первого десятилетия XXI в. ситуация существенно не изменилась.

Отметим, что избрание в сентябре 2008 г. Президентом Карачаево-Черкесской Республики Б. С. Эбзеева, в прошлом – члена Конституционного Суда России, позитивно изменило вербальные установки республиканской власти по отношению к ряду острых социально-политических проблем. Так, характеризуя свое отношение к коррупции, Б. С. Эбзеев заявил агентству «Интерфакс» в одном из первых интервью в новой должности: Чиновник, неважно какого уровня, обладает возможностью либо дать, либо не дать. Соответственно, пока вот это «дать либо не дать» будет присутствовать, сохранится и питательная почва для злоупотреблений властью, а если хотите, и самой откровенной коррупции. Когда те или иные социологические центры приводят данные своих исследований о том, что самые большие коррупционеры в России – автоинспекторы, работники сферы образования либо медицины, у меня это вызывает ироническую улыбку. Я думаю, что коррупционные явления в равной мере характерны для всей системы исполнительной, законодательной и судебной власти»¹⁸⁵.

Безнаказанность и могущество богатых вызвали к жизни еще одну – культурно-этическую – деформацию прежних общественных отношений: традиционное на Кавказе уважение к старшему по возрасту незаметно и постепенно перерастает в уважение к богатому и успешному. Так формируется новая «национальная элита», которая существенно отличается по своим характеристикам от элиты предыдущего периода. В рамках данной диссертационной работы изучение элит Северного Кавказа является важным направлением достижения цели исследования, поскольку общепризнано большое влияние на этнополитические и модернизационные процессы групп элит.

¹⁸⁵ Эбзеев Б. Лучшая политика – честная политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=38653&sec=1483> (дата обращения: 19.12.2019).

Для сравнения и формулирования выводов по Северо-Кавказскому региону в целом рассмотрим, как оценивают эффективность государственной власти уровня субъекта РФ в некоторых других республиках. Оценку ситуации в Дагестане осуществим на основании проведенного 10 – 11 сентября 2008 г. ВЦИОМ опроса жителей этой республики (данные фонда «Перспектива»). 57% опрошенных, отмечает плохую работу правоохранительных органов республики, 41% - судов различного уровня, 38% - ведомств экономического блока. 65% считают уровень преступности в республике высоким, 77% отмечает высокий уровень распространения коррупции в республике. 80% дагестанцев отмечают, что сталкиваются, практически постоянно, с вымогательствами денег со стороны представителей государственной власти при обращении. 70% подчеркивают, что в сфере государственной власти присутствует клановость. У представителей власти отсутствует участие, вежливость, компетентность, стремление помочь нуждающимся в помощи, а если и встречается, то крайне редко - 77%, 71%, 71% - соответственно¹⁸⁶.

Причиной высокого уровня коррупции в республике Дагестан большая часть респондентов считают неэффективность республиканских властей, а точнее 34% - назвали жадность, аморальность чиновников, а 36% - считают неэффективность властей и несовершенство законов¹⁸⁷.

Таким образом, констатируем, что показатели отношения к республиканской власти и оценки ее эффективности очень близки у жителей различных территорий Северного Кавказа. Люди отмечают высокий уровень коррупции, низкий профессионализм власти, отсутствие ориентации представителей власти на гражданина как на клиента, то есть получателя государственных услуг.

Автор диссертации полагает, что исследование власти в качестве фактора этнической идентификации недостаточно для достижения цели нашего

¹⁸⁶ ВЦИОМ: Коррупция и преступность в Республике Дагестан: аналитический обзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2633> (дата обращения: 19.12.2019).

¹⁸⁷ Там же.

исследования. На этническую идентификацию влияют референтные группы, которые не относятся непосредственно к власти, но играют большую роль в этнополитических процессах региона. Это было одной из гипотез исследования, и в ходе подготовки диссертации предстояло уточнить, какова роль элитных групп в этнической идентификации и самоидентификации, каким образом эти группы должны быть классифицированы применительно к субъектам РФ на Северном Кавказе.

Политическая элита – особый класс. Еще античные философы, а в XX в. – В. Паретто называли ее аристократией, «а priori придавая ей высокие качественные характеристики»¹⁸⁸. Позднее Г. Моска первым сформулировал сущность и функции политической элиты, как монополиста власти и пользователя всеми преимуществами, которые она предоставляет¹⁸⁹. Принадлежность к элите, по мнению ряда исследователей, задается особыми качествами принадлежащих к ней людей. Так, ряд исследователей определяют политическую элиту как меньшинство общества, которое, управляет большинством, поскольку обладает творческим мышлением и опытом обращения с властью. Несмотря на то, что среди управляемых также присутствуют творческие и мыслящие люди, далеко не все умеют управлять людьми, поскольку это и искусство и наука¹⁹⁰.

В дальнейшем, в бурно развивающемся мире научно-технической, научно-технологической, образовательной, информационной революциями, стали вырабатываться и новые подходы в исследовании политической стратификации, в частности и элитистский (Р. Арон, А. Бентли, Дж. Бернхейм,

¹⁸⁸ Кравченко И. И. Элита политическая. Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Т.2., М., 1999. С. 641.

¹⁸⁹ . Там же.

¹⁹⁰ См.: Дмитриченко А. А. Региональная политическая элита в современной России: теоретические традиции исследования // Развитие современного региона: вопросы науки и практики сборник научных статей. 2018. С. 86-91; Римский В. Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 150-149; Вараксина А. О. Анализ влияния системы рекрутирования политических элит на особенности функционирования системы государственного управления России // Научные исследования. 2019. № 1 (27). С. 18-19.

Д. Белл, Р. Даль, П. Шаран, Р.-Ж. Шварценберг и др.)¹⁹¹, продолжающий традицию анализа элиты как относительно сплоченной группы, выполняющей властные функции. Этот подход обеспечивает и выявление разнородности современной элиты, ее структуру и способы влияния на общество.

Актуальность исследования элит для регионального политического процесса определил А. В. Поляков: нельзя осмыслить региональный политический процесс, если не установлены основные показатели состояния элиты – основного из ведущих субъектов процесса¹⁹².

В современной отечественной политической науке исследование этнических элит лишь начинается. В то же время, по нашему мнению, этническая элита обладает, гораздо большим, влиянием в полиэтничном обществе, находящемся в процессе модернизации, чем элита политическая. Возможно, в российской науке это небрежение можно объяснить несколько скептическим отношением к элитизму классиков марксизма-ленинизма. Но и их стратификация с выдвиганием «нового класса» – «партийной бюрократии» по М. Джиласу¹⁹³, лишь подтверждала наличие у этого класса элитарных устремлений. В полиэтничном сообществе, оставив в стороне «высокое» происхождение, новая элита сумела присвоить не только властные полномочия, но и социально-психологические, утверждая и реализовывая свои стративные позиции через деформацию традиционно-культурных представлений собственных этносов об авторитете и могуществе.

¹⁹¹ Bentley A. The Process of Government. A Study of Social Pressures. Cambridge, 1967; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Бернхейм Дж. Макиавеллисты. М., Мир, 1985; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., Прогресс, 1986. С. 330-342; Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство. Лекция в память о Стейне Роккане, прочитанная в Бергене 16 мая 1984 г. // <http://kant.narod.ru/dahl.htm>; Шаран П. Сравнительная политология. М., 1992; Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. В 3 ч. М., 1992.

¹⁹² Тумов А. А. Выборы как политический «инструмент» в руках региональных элит: случай Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал "Кавказология". 2018. № 3. С. 173-198.

¹⁹³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

В предыдущих параграфах мы неоднократно использовали понятие «элита». Этимологическое значение его – лучший. В словаре «элитой», в числе прочего, называются «наиболее видные представители какой-либо части общества, группировки и т.п.; в эксплуататорском обществе – верхний слой господствующего класса или отдельных его групп»¹⁹⁴.

Переходный характер экономики, неполнота законодательной базы, отсутствие прозрачных и четких «правил игры» позволяет экономической и политической элите создавать сверхсостояния, конвертировать власть в собственность, а собственность во власть. Происходит, по сути, процесс капитализации власти, которая служит интересам отдельных группировок. Власть становится важнейшим видом капитала.

На наш взгляд, наиболее полной трактовкой элиты является определение, данное О. В. Гаман-Голутвиной: «элиты – категории лиц, обладающих властью, – вне зависимости от того, какие факторы обусловили их властное положение: происхождение, финансовое состояние, личные заслуги». Она же дает четкое определение и политической элите: «политическая элита включает лиц, принимающих стратегически важные решения, ... политическую элиту правомерно будет определить как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/ непринятие) важнейших стратегических решений и обладающих необходимым для этого ресурсным потенциалом»¹⁹⁵.

Наряду с точкой зрения О. В. Гаман-Голутвиной есть и другие определения, представляющие интерес для нашего исследования. Так, по мнению американских политологов Г. Л. Филда и Дж. Хигли, «элита – это те люди, которые в силу своего стратегического положения, занимая руководящие

¹⁹⁴ Жуков И. К. К определению понятия «Политическая элита» // Вестник Омского государственного университета. 2010. № 3. С. 179-183.

¹⁹⁵ Гончаренко О. В. Трансформация института губернаторства в России в контексте современных процессов элитобразования. Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2009. С. 72.

должности в государственных и частных организациях (в правительственных структурах, партиях, профсоюзах, в военной администрации, религиозных организациях, в системе образования, культуры, средств массовой коммуникации и т. п.) достаточно влиятельны для того, чтобы от них зависели принятие решений и национальная политика»¹⁹⁶. Механизмы этого влияния достаточно разнообразны, но главный из них – богатство, за счет которого появляется возможность помыкать обнищавшими соплеменниками.

Если остановиться на вопросах генезиса элиты, то она выросла из недр правящего класса. Правящий класс – более широкое понятие и характерно для нерыночных обществ и для советского периода. По мнению А. М. Колядина, «правлящий класс трактуется в более широком социальном понятии, элита соответствует определенным требованиям: знанию правил "аппаратной игры", идеологической терпимости наличию нужных связей»¹⁹⁷. Часть элиты прошла управленческую карьеру в советское время. Значительная часть республиканского чиновничества вышла из советского времени, где занимала элитные и предэлитные позиции в конце 1980-х годов.

Примечательно, что в наши дни совершенно необязательно иметь партийное членство или высокий социальный статус, чтобы относиться к элите. Гораздо важнее быть материально обеспеченным, богатым и влиятельным человеком. Все чаще обеспеченные люди стремятся прийти в политику и стать частью политической элиты, которая имеет доступ к тем стратегическим ресурсам, которые позволяют принимать участие в формировании государственной политической стратегии¹⁹⁸.

В субъектах РФ на Северном Кавказе сформировались следующие группы элит:

¹⁹⁶ Field G.L., J. Higley Elitism. London. Routledge and Kegan Paul, 1980. p. 4 – 5; Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11. № 2. P. 181-199.

¹⁹⁷ Колядин А. М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 45-53.

¹⁹⁸ Титов В. Н. Политическая элита и проблемы политики. М., 1998. С.110.

– политическая, представленная в настоящее время высшим должностным лицом субъекта РФ, его администрацией, правительством, законодательной, судебной ветвями власти, высшими представителями правоохранительных органов, верхушкой национально-общественных движений, региональных отделений политических партий;

– экономическая элита. К этой группе относятся финансисты, банкиры, владельцы больших пакетов акций предприятий, бизнесмены, высшие менеджеры крупных акционерных обществ и частных предприятий;

– этническая элита – руководители общественно-политических и национальных движений, этнически ориентированные интеллектуалы (главным образом из гуманитарной сферы).

Выделение данных групп было осуществлено автором на основании результатов проведенного автором диссертации в 2009 г. экспертного опроса. Большой блок вопросов экспертного интервью был посвящен выявлению характеристик элитных групп территорий, входящих в Северный Кавказ. Выделение политической и экономической элиты экспертами является ожидаемым, это типичные элитные группы. Однако необходимо отметить некоторые особенности региональных элитных групп. По мнению экспертов, на Северном Кавказе для элитных групп титульных этносов характерно стремление к вхождению «семей», или родовых групп, как в политическую, так и в экономическую элиты. Имея своих представителей в этих группах, семьи приобретают устойчивость: представители экономической элиты финансируют продвижение своих родственников в политическую элиту, а те, в свою очередь, оказывают чрезвычайно важную политическую поддержку в экономической деятельности и защите интересов. Достаточно часто жизненный путь члена семьи определяется в раннем детстве, исходя из ее интересов, определяемых главой рода. По выражению одного из экспертов: «Иногда ребенок еще в колыбели, а уже известно, в какой вуз он будет поступать, кем станет после окончания, и как будет отрабатывать на семью». Для региона Северного

Кавказа, по мнению опрошенных экспертов, актуально выделение такой элитной группы, как этническая элита. При этом автор понимает под этнической элитой не совокупность элитных групп определенного этноса, а особую элитную группу, для которой характерна специализация на оформлении, представительстве и защите интересов, позиционируемых в качестве этнических интересов. К этой группе принадлежат главным образом этнически ориентированные представители творческой интеллигенции, ученые (как правило, представители гуманитарных наук), некоторые партийные активисты, руководители этнических некоммерческих организаций. Данная элитная группа идеологически обеспечивает интересы политической и экономической элит. Ее роль особенно велика в периоды социально-политических трансформаций, связанных с переделом собственности и влияния¹⁹⁹.

Таким образом, «функционирование политических элит на Северном Кавказе осуществляется на патрон-клиентальной основе с сильным преобладанием политико-административных элит. В данной элитной организации существует руководитель, глава ("патрон") и группа – помощники, советники, заместители и так далее, то есть формируется "клиентела". При перемещении патрона из одной должности на другую вместе с ним перемещается и его клиентела. При отстранении от должности патрона разрушается и его "обойма", которая может нести сильные репутационные потери ("бывшие"). Данная элитная организация может существовать только при вертикальной протекции, под эгидой более влиятельного чиновника. Она несет в себе достаточно сильный конфликтогенный потенциал и противоречия»²⁰⁰, так как построена «по закрытой системе, а распределение политических и экономических

¹⁹⁹ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

²⁰⁰ Салгириев А. Р., Баранов А. В., Костенко Ю. В., Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 7-2 (53). С. 145.

ресурсов выстроено по авторитарному принципу»²⁰¹. Простые люди не могут занять должности, где сконцентрированы властные полномочия, без одобрения «патрона», его покровительства²⁰².

Особенности положения всех групп региональных элит обуславливаются тем, что они являются влиятельными субъектами политического процесса. В то же время имеют собственные интересы и немалые ресурсы для их отстаивания. На политической сцене региона выделяются те, кто располагает реальной властью, кто принимает политико-управленческие решения, строит свою политику на кланово-родственных отношениях, а «для вновь избранных лидеров политических элит важным становится выстраивание системы отношений с федеральным центром в целях дальнейшего успешного продвижения интересов своих республик. Это является немаловажным обстоятельством, так как бюджеты республик продолжают оставаться дотационными по причине неразвитой экономики»²⁰³.

Результаты проведенного автором в 2009 г. экспертного опроса позволяют сделать вывод, что в общественном представлении высший слой политической элиты, в лице исполнительной и законодательной власти, не ощущает никаких обязательств по отношению к населению. Главным мотивом своей деятельности, по мнению опрошенных, является решение кадровых проблем, лоббирование своих интересов при составлении бюджета республики, вопросы дотаций, которые исчезают, не дойдя до адресата. Кроме того, многие уверены, что существующая правовая база, не давая необходимых гарантий собственникам (в том числе и элите), толкает на правонарушения, позволяя стать собственником криминальным путем.

²⁰¹ Баранов А. В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2018. Т. 4 (14). № 2. С. 5-18.

²⁰² Салгириев А. Трайбально-клановое строение политических элит на Северном Кавказе как фактор политической напряженности // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 31-38.

²⁰³ Скороходова В. П. Некоторые особенности проведения парламентских выборов 2016 г. в республиках Северного Кавказа // Философия права. 2017. № 2 (81). С. 111.

Можно выделить следующие характеристики элиты субъектов РФ Северного Кавказа:

– политическая элита сформировалась из прослоек советской партийно-хозяйственной номенклатуры, общественных деятелей национальных движений, предпринимателей, представителей криминального бизнеса;

– становление элиты происходило и в настоящее время происходит бессистемно, зачастую процесс приобретает стихийный характер. Руководящий принцип – необходимо оказаться «в нужном месте, в нужное время, обладая определенными финансовыми возможностями»;

– для региона характерен клановый тип как политической, так и экономической элиты, основанный на личных и родственных связях и отстаивающий интересы клана. В борьбе за власть кланы часто вступают в борьбу друг с другом;

– укреплению региональных элит способствовали экономический, социальный, духовный кризис российского общества. Местные элиты в период 90-х годов XX в. максимально дистанцировались от федерального центра и его политики и демонстрируют способность решать проблемы социально-политической стабильности самостоятельно, используя, как правило, авторитарные методы;

– для региональных элит характерна авторитарно-патриархальная культура, являющаяся препятствием на пути модернизации как самих элит, так и населения, для части которого республиканская (краевая) элита является референтной группой.

Конфликты в высших эшелонах российской власти, характерные для периода 90-х годов XX в., позволяли региональной элите часто переходить от безусловного подчинения к прямому неподчинению, вплоть до противодействия. Именно от таких элит зависит общественная жизнь одного из важнейших регионов России. Они в значительной степени влияют на направление национальной политики в регионе, тем самым ставя его в

зависимость от собственных интересов. По их вине периодически ухудшаются межнациональные отношения. Они искусно апеллируют к своему народу, к общности происхождения и общности культурного наследия. Опираясь на символические ценности этнических культур, они обеспечивают себе поддержку, при этом духовные ценности народа используют как оружие в борьбе за власть.

В тоже время, по мнению участников нашего экспертного опроса, в регионе есть и такие группы, интересы которых соответствуют интересам массовых социальных групп. Свою экономическую и политическую деятельность они строят, исходя из сохранения стабильности и культурного наследия своих народов, гармоничного развития межэтнических отношений, необходимости социально-экономической модернизации и укрепления демократии²⁰⁴. К сожалению, они составляют меньшинство во всех современных элитных группах и не обладают политическим весом. Как полагает автор, одной из задач административной реформы в регионе является изменение состава и, соответственно, качества региональных элит. Важнейший принцип этой реформы – переход к управлению по результатам, существенное повышение эффективности работы исполнительной власти могут и должны стать инструментом реструктуризации региональных элит (в первую очередь политической элиты).

Необходимо указать на некоторые выявленные в ходе экспертного опроса отличия элитных групп республик Северного Кавказа, с одной стороны, и Краснодарского и Ставропольского краев – с другой. На «русских» территориях Северного Кавказа в результате более высокого уровня модернизации существенно смягчены негативные характеристики местных элитных групп. В частности, до недавнего времени практически отсутствовало представительство членов одной семьи в разных элитных группах, передача

²⁰⁴ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

руководящих должностей по наследству детям. Однако, как указывают некоторые эксперты, в двух северокавказских краях начался процесс деградации местных элит. Они приближаются своими негативными характеристиками к элитам республик. Так, уже имеются факты передачи по наследству должностей членам семьи²⁰⁵.

В результате процесса монополизации власти количественно доминирующими в республиках Северного Кавказа группами происходят некоторые изменения во взаимоотношениях элит. Как отметил аналитик К. Казенин применительно к Карачаево-Черкесской Республике, «если на рубеже XX и XXI вв. основным содержанием политической жизни Карачаево-Черкесии было противостояние карачаевских и черкесских лидеров, то теперь наиболее заметные позиции в обеих противоборствующих группировках занимают этнические карачаевцы. (По данным переписи 2002 г., основные народы Карачаево-Черкесии и процентном отношении распределяются так: карачаевцы – 38,5%, русские – 33,6%, черкесы – 11,11%, абазины – 7,3%, ногайцы – 3,3%.)»²⁰⁶. И потенцирован этот внутриэтнический конфликт был депрессивным состоянием экономики. Различные источники соглашаются в том, что спад экономического производства в республике в 1990-е годы был далее более серьезным, чем даже в соседних регионах Северного Кавказа. По уровню безработицы на Северном Кавказе Карачаево-Черкесия отставала и отстает только от Чечни и Ингушетии. Но оставалось еще кое-что, что могло заинтересовать экономически активные элиты: ОАО «Кавказцемент»; Фирма «Меркурий» – предприятие, контролирующее более 10% общероссийского рынка минеральной воды; «Химзавод» – Черкесское химическое производственное объединение имени З. Цахилова, один из лидеров

²⁰⁵ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

²⁰⁶ Казенин К. (гл. ред ИА REGNUM). Карачаево-Черкесия в 2007 году: основные игроки и ставки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum117/topic4691/> (дата обращения: 19.12.2019).

лакокрасочной промышленности в России; курорты Архыза и Домбая, считавшиеся «точкой роста» в республике, однако так и не получивших существенных инвестиций.

Результаты экспертного опроса свидетельствуют о том, что психологический барьер между чиновниками и народом, основанный на высоком уровне недоверия, не исчезает. При этом необходимо отметить, что население идентифицирует чиновников, с которыми люди вынуждены общаться, с верховной властью субъекта Федерации. И именно с ними массовое сознание справедливо связывает ухудшения своего состояния: не решаются коммунальные проблемы, не обеспечивается личная безопасность людей, не ведется борьба с нарушителями общественного порядка и т.д. И это несмотря на то, что люди с пониманием относятся к сложностям бытового характера. Не получив удовлетворительного ответа на свои вопросы на местах, они в поисках справедливости устремляются в республиканский центр, где их чаще всего не принимают или отделяются обещаниями.

В экономически и политически нестабильном регионе процессы разочарования и деструктивного поведения вызревают достаточно быстро. Наблюдаемое экспертами в условиях социально-экономического кризиса снижение доверия к властям, естественно отразилось и на степени доверия к декларируемым концепциям межнационального согласия.

Межнациональные отношения – дело живое, творческое и соответственно нормативные акты необходимо обновлять, дополнять и переписывать согласно требованиям времени, которые существенно укрепят правовую базу коренных малочисленных народов. «Правильное сочетание национальных, общеевропейских и общероссийских норм предполагает в некоторых случаях добровольное, осознанное самоограничение национальных интересов во имя реализации общих задач»²⁰⁷. Слабое знание теорий наций и национальных

²⁰⁷ Воробьев С. М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Дисс. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. С. 73.

отношений, непрофессионализм многих чиновников привело к тому, что государственная власть в Карачаево-Черкесии во время обострения межнациональных отношений не смогла принять адекватных мер и поставила в тяжелейшее положение государственную власть Российской Федерации. Если углубиться в историю конфликтов в Карачаево-Черкесии, то можно вспомнить, как в период первых выборов Главы Республики в 1999 году, Народное Собрание, Правительство, Избирком раскололись по национальному признаку. Так же раскололись и коллективы предприятий, организаций, госслужащие, студенческая молодежь.

Положением воспользовались отдельные кандидаты на пост Главы республики и их сподвижники. Примененные «грязные» избирательные технологии и вовсе взорвали ситуацию. «Поднятые на гребень волны противостояния руководители национальных общественных движений многое сделали, чтобы активизировать худшее в прошлом во взаимоотношениях народов»²⁰⁸. И это становится возможным только благодаря слабости властей, ибо объективные факторы не несут в себе фатальной неизбежности межнациональных конфликтов. Если бы федеральная власть заняла четкую позицию в преодолении межнационального конфликта в Карачаево-Черкесии с первых дней его возникновения ситуация стала бы изменяться в лучшую сторону. Она же, избрав тактику невмешательства, фактически поддержала политику нарушения закона и общепринятых правил. Такая позиция крайне опасна, особенно когда требуется принимать нестандартные меры.

«Власть в этом случае должна широко и в полном объеме использовать методы убеждения, опоры на исторически сложившиеся традиции и обычаи, устоявшиеся принципы нравственности, показа экономической и социальной выгоды. Важно, чтобы субъект государственной власти находился в правовых рамках и осуществлял свою волю в форме, установленной законом»²⁰⁹. И тогда,

²⁰⁸ Воробьев С. М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. С. 76.

²⁰⁹ Там же. С. 75.

не требуя подчинения, власть добивается добровольного согласия народов с её волей.

Физическое или иное принуждение в сфере межнациональных отношений, как показывает опыт, не дает положительных результатов. Государству, по-видимому, следует многое переосмыслить, ибо с критического осмысления действительности начинается движение в сторону познания причин, порождающих конфликтные ситуации в регионе.

Эта необходимость заслуживает внимания, поскольку выборы глав и президентов, в многонациональных субъектах Российской Федерации всегда вызывают обострение межнациональных противоречий, перерастающих часто в конфликты. Это имело место в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии.

По мнению автора, выборы руководителя Карачаево-Черкесской Республики всегда будут основным поводом для выхода наружу накопившихся недовольств. К числу главных недовольств можно отнести следующие:

во-первых – анализ экономики Карачаево-Черкесии свидетельствует о непрекращающемся спаде производства. Федеральная дотация республики возросла с 30% до 85%. Растет уровень безработицы. Более 65% населения оказалось за чертой бедности²¹⁰. По уровню благосостояния Карачаево-Черкессия занимает одно из последних мест, хотя в 1991 году она входила в десятку более благополучных субъектов Российской Федерации. Резко усилилось расслоение людей по уровню доходов;

во-вторых, это связано с крупными просчетами в отборе (а не подборе) кадров и их расстановке;

в-третьих, с момента преобразования Карачаево-Черкесской автономной области в республику (3 июля 1992 г.) началась борьба по вопросу, какой

²¹⁰ Кавказ-РБК: СКФО оказался в аутсайдерах рейтинга по уровню безработицы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/> (дата обращения: 19.12.2019).

должна быть республика: президентской или парламентской. Возникли несогласованные действия по формированию законодательного органа - Народного Собрания, затем – по содержанию Конституции республики до её принятия в марте 1996 года. Все это привело к тому, что власть ослабила выполнение своих государственных (как федеральных, так и республиканских) функций. Важнейшие вопросы экономики, политики, сферы межнациональных отношений решались по указке отдельных чиновников или по инициативе национальных общественных организаций и движений. А властные структуры, озабоченные только своим статусом в молодой республике, постоянно запаздывали, работали «вдогонку», что значительно снижало их авторитет среди населения и вызывало недоверие.

Следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство, связанное с тем, что «возникающие в полиэтничном регионе проблемы межэтнических отношений не могут эффективно регулироваться до тех пор, пока они анонимны, то есть не оглашены, не востребованы и не способны влиять на принимаемые властными органами решения»²¹¹. Власть, не способная сотрудничать с реальными политическими силами, не имеет и не может иметь широкой политической и социальной основы. Кризисы в управлении межнациональными отношениями неизбежны для той власти, которая не умеет находить компромиссные варианты, проявляя терпимость по всяким инакомыслиям. Продуманная межнациональная политика власти цементирует многонациональное общество прочнее, чем страхом закона, репрессии и преследования, которые не всегда и не всем дают положительных результатов.

«Стремление реализовать демократические принципы приводит к усилению межгруппового (межэтнического) неравенства и способствует

²¹¹ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

сохранению межэтнической напряженности»²¹². Решение данной проблемы совместными усилиями власти, национально-культурных автономий, общественных национальных организаций, должно стать приоритетной региональной задачей. Назрела необходимость комплексно рассматривать, не только законодательные или кадровые вопросы, которыми обычно ограничивается национальная политика на региональном уровне, но и практические меры по социально-культурному развитию малочисленных народов в целом, включая меры по созданию условий для повышения качества жизни массовых социальных групп.

Изучение влияния власти и элит на политическую и этнополитическую ситуацию позволяет сделать ряд выводов.

«На Северном Кавказе в результате высокой представленности среди управленцев новейшего периода представителей советской номенклатуры, стиль и методы работы исполнительной и законодательной власти в 90-е гг. XX в. оставались в основном прежними, поэтому уместно говорить не о трансформации власти в полном смысле, а об изменениях отношений региональной власти и центральной, об изменении взаимоотношений государственной власти и хозяйственников. Менялся характер взаимосвязи политической и экономической жизни в сторону их относительной автономности. Сформировалась относительная независимость субъектов хозяйственной деятельности от государственных структур власти (республиканских, городских, районных и т.д.)»²¹³.

Для региона актуально выделение такой элитной группы, как этническая элита. Под этнической элитой понимается не совокупность элитных групп

²¹² Наипов Б. Х. Социальная безопасность на региональном и местном уровнях: состояние, тенденции развития и механизмы политического регулирования: на примере республик Юга России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 151.

²¹³ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

определенного этноса, а особую элитную группу, для которой характерна специализация на оформлении, представительстве и защите интересов, позиционируемых в качестве этнических интересов. К этой группе принадлежат главным образом этнически ориентированные представители творческой интеллигенции, ученые (как правило, гуманитарии), некоторые партийные активисты, руководители этнических некоммерческих организаций. Данная элитная группа идеологически обеспечивает интересы политической и экономической элит. Ее роль особенно велика в периоды социально-политических трансформаций, связанных с переделом собственности и влияния.

«Политические конфликты на Северном Кавказе обладают явно выраженной спецификой, главным элементом которой является высокий уровень этнизации»²¹⁴. Данная специфика проявляется в том числе, через проекцию политического процесса, который «начинал приобретать разнообразные формы, приводящие к созданию национальных культурных обществ, движений, ассоциаций, землячеств, конгрессов, съездов народов для решения многообразных задач»²¹⁵. Все конфликты в политической сфере в той или иной степени «воспринимались общественным мнением как вызванные определенными этническими группами или используемыми данными группами в своих целях. Борьба в сфере экономики, борьба политических элит за власть рассматривается через призму этнических интересов (интересов элит этнических общностей)»²¹⁶. Активным фактором этнизации политических конфликтов являются зарубежные диаспоры автохтонных этносов Северного

²¹⁴ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

²¹⁵ Ветренко И. А. Политические проблемы управления «российским Кавказом» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 123.

²¹⁶ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 183-187.

Кавказа. Таким образом, «этноконфессиональные процессы становятся сущностным фактором политической жизни региона, определяющим весь ход его общественно-политической жизни. Активизация этноконфессионального фактора обусловила широкое распространение межэтнических и внутриэтнических конфликтов в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Ставропольском и Краснодарском крае и т. д.»²¹⁷.

«Обострения этнополитической ситуации и конфликты в транзитных обществах, к которым относится российское, достаточно часто провоцируются элитами, стремящимися к переделу сфер влияния. Политический транзит с его нестабильностью отношений власти, а также готовность больших по численности групп поддержать требования элит создают для этого благоприятные условия. Возникающие в полиэтничном регионе этнополитические проблемы не решаются до тех пор, пока они остаются вне публичного поля, то есть, не оглашены, не востребованы и не способны влиять на принимаемые властными органами решения. Этим определяется взаимосвязь уровня демократии и конфликтной опасности: в демократических обществах существуют лучшие возможности для управления конфликтом, поскольку этнополитические проблемы достаточно быстро переходят в сферу публичной политики»²¹⁸. Учитывая чрезвычайно высокую роль власти во всех сферах общественной жизни в России и в регионе, ее роль ответственность в управлении конфликтами высоки. Кризисы в управлении межэтническими отношениями неизбежны для власти, которая не представляет интересы хотя бы основных элитных групп.

²¹⁷ Ветренко И. А. Политические проблемы управления «российским Кавказом». С. 123.

²¹⁸ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

2.2. Политические факторы социального недовольства как особенность неинституированного политического процесса

«Этнополитический процесс определяется сложной системой факторов, среди которых присутствуют социально-экономические. Социальное самочувствие населения – индикатор эффективности проводимой властью политики. Власть объективно должна быть заинтересована в оценке общественных настроений, выявлении наиболее опасных тенденций в развитии территории. Для Северного Кавказа это особенно актуально в связи с тем, что в условиях высокой полиэтничности ухудшение социального самочувствия может спровоцировать рост напряженности межэтнических отношений или же может быть сознательно использовано для дестабилизации социально-политической ситуации»²¹⁹.

В предыдущем параграфе нами использовался такой метод исследования, как вторичный анализ материалов, полученных социологами Карачаево-Черкессии о политической составляющей социального поля республики. Был обоснован модельный характер Карачаево-Черкессии для других территорий Северного Кавказа. Теперь же, следуя логике исследования, необходимо создать объективную картину динамики изменений социального самочувствия населения.

Исследование показывает, что все народы республики в первую очередь беспокоил отрицательный имидж республики как источника терроризма и

²¹⁹ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук). С. 183-187.

нестабильности, который вырабатывался на протяжении предыдущих лет. Эта проблема для республики – застарелая, она замалчивалась властью, которая упорно делала вид непричастности выходцев из республики к международному терроризму. Вместо того чтобы открыто осудить, принять адекватные меры к органам правопорядка, позволившим в течение многих лет находить на территории республики пристанище радикальным ваххабитам, власть дистанцировалась от этой общероссийской проблемы, не относя ее к основным. С помощью традиционно подконтрольных власти республиканских СМИ, формировалось убеждение, что и ваххабизм, и другие формы терроризма рождаются на сопредельных территориях, а в Карачаево-Черкесии условий для их поддержки нет. И это притом, что наряду с этнополитическими и политическими конфликтами, начиная с начала 1990-х гг., одним из факторов межнациональной напряженности являлся религиозный экстремизм, создававший условия для широкого распространения радикальных форм ислама. Об этом позволяют судить мнения самих ваххабитов в 1994–1995 гг., которых легко можно было найти в любом районе республики.

В 2017 г. по заказу Министерства Карачаево-Черкесской республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати было проведено исследование рисков распространения экстремизма и терроризма в Карачаево-Черкесской Республике. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы: «неприятие радикализма, экстремизма, терроризма любых форм насилия и принуждения имеет у народов Карачаево-Черкесии глубокие традиции, в том числе детерминируемые учением Ислама, и нашедшие свое отражение в традиционной культуре и исторической памяти этносов региона; учреждения образования республики вносят некоторый вклад в дело профилактики экстремизма и терроризма, тем не менее, их работа в указанной сфере носит фрагментарный характер, сказывается недостаточная методическая

проработанность антиэкстремистской и антитеррористической работы в системе образования»²²⁰.

В ходе исследования также был выявлен ряд факторов, способствующих распространению экстремизма и терроризма в регионе, в числе которых: «1) глубокое социально-статусное и экономическое расслоение общества, поляризация интересов граждан; 2) относительно высокий уровень безработицы; 3) слабое развитие производства и промышленности; 4) коррупция и клановость; 5) отсутствие доступных для рядовой молодежи социальных лифтов; 6) недостаточность программ экономической помощи малоимущей части населения, стимулирования и развития предпринимательства среди молодежи; 7) «неуклюжие» действия в осуществлении антиэкстремистской и антитеррористической работы, способные дискредитировать власть и тем самым пополнить ряды экстремистов; 8) качество образования»²²¹.

Таким образом, благодатной почвой, на которую сеялись зерна религиозного экстремизма, являются высокий уровень безработицы, развал экономики, потеря идеалов и т.д. Особенно в бедственном положении оказалась молодежь, которая не имела возможности зарабатывать деньги, содержать семью. В тоже время, рядом с ними жили люди, которые быстро разбогатели, не прилагая особых усилий. И все это – на фоне уничтожения нравственно-этических культурных норм, постоянно растущего чувства тревоги. К тому же, с конца 1980-х годов окрепла и активизировалась организованная преступность и уголовный терроризм.

Как мы уже упоминали, в полиэтничном обществе обычно остро стоит проблема толерантности. Современная Карачаево-Черкесия находится в состоянии постоянной социально-политической трансформации. Этот процесс

²²⁰ Койчнев А. А.-Д. К вопросу о профилактике религиозного экстремизма в Карачаево-Черкесии // Ислам и исламоведение в современной России: сб. докладов Всероссийского исламоведческого форума. 2019. С. 326-333.

²²¹ Там же. С. 330.

вызывается множеством факторов. Среди них – признание этнической группы казаков, претендующей на особый правовой статус, появление ксенофобии, мигрантофобии, на что не обращалось внимание ни властей, ни научно-политологической общественности. Проблемы ксенофобии и толерантности требуют особого внимания: разработка научно-практического понимания их истоков помогла бы выработать некоторые шаги по предотвращению конфликтов, стабилизации межэтнических отношений. Вопросы толерантности и безопасности являются важными элементами социально – политического полиэтничного поля и имеют принципиально важное значение в многонациональной республике, являются необходимым условием ее безопасности, снижения социальной напряженности.

Следует уточнить, что в своем анализе мы используем понятие безопасность в связи с вопросами общественной безопасности, вернее безопасности общества. Условий социальной безопасности множество. Мы остановимся на одном из них – социальной толерантности, т.е. на степени ее сформированности в обществе, который определяется в ходе социологических исследований. Особенно важен ее уровень в конфликтных ситуациях, которые в республике повторяются достаточно часто.

Низкий уровень конструктивной толерантности выявлен социологами в рамках политических и этнополитических конфликтов. Показателем конструктивного согласия является общественное согласие и объединяющая всех национальная идея. Важным показателем уровня толерантности является легитимность власти. Так, А. А. Керимов определяет легитимность как «проявление поддержки со стороны населения, основанную на согласии с властью на базе предлагаемых ею и разделяемых обществом ценностей на конкретном историческом этапе развития»²²². Уровень же легитимности власти в Карачаево-Черкесии периодически подвергается сомнению. Так было в ходе

²²² Керимов А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы. Дисс. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2019. С. 157.

этнополитических кризисов в республике 1990-х гг. Под толерантностью понимается в данном контексте признание политической власти населением. К числу показателей легитимности власти в Карачаево-Черкесии относятся: уровень принуждения для признания власти, попытки свергнуть власть, протестное поведение, результаты выборов, референдумов, демонстраций в поддержку или против решений власти. В Карачаево-Черкесии, в период принятия Конституции Республики, формирования государственного правления, обострились этнополитические конфликты, значительная часть населения республики не признавала исполнительную власть и подвергала сомнению ее политическое право. В 1999 г., когда избирался Глава республики, этнополитический конфликт приобрел затяжной характер. Острая фаза данного конфликта продолжалась восемь месяцев. В последующие годы его безуспешно пытались урегулировать, но приход к власти в 2003 г. очередного Президента Республики также сопровождался политическим конфликтом, но уже инициированным представителями его национальности.

Условием стабильности в полиэтничном регионе является взаимное уважение разных народов к мнению друг друга. С сожалением приходится констатировать, что терпимость в межэтнических отношениях на Северном Кавказе пока не достигла уровня самовоспроизводства и нуждается в постоянной внешней поддержке.

В сложных условиях социально-экономического и политического транзита, в процессе поиска эффективного управления, власть должна использовать научно обоснованные методы, которые позволяли бы с минимальными затратами получать оперативную и достаточно полную информацию о происходящих процессах и соответствующим образом на них реагировать. Одним из таких методов является социально-политический мониторинг, целью которого является оценка социального, психологического самочувствия; материального благосостояния населения и их изменение; уровень социально-психологической напряженности; отношения населения к различным ветвям власти; политическая ситуация; гражданская и политическая

активность населения; становление местного самоуправления; оценка состояния и изменения социально-экономической сферы, образования, культуры, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и его услуг; оценка населением общественной и экологической безопасности.

Мониторинг фиксирует в динамике изменения социального самочувствия и дает основания для принятия управленческих решений. Важность данной методики подтверждается обязательным введением мониторинга в практику оценки эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в соответствии с указами Президента России № 825 от 28.06.2007 г. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» и № 607 от 28.04.2008 г. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»²²³. Однако, с учетом малого срока функционирования системы государственного мониторинга в России, в настоящем исследовании мы можем опираться лишь на результаты ранее проведенных социологических исследований в различных субъектах РФ Северного Кавказа.

Исследование социального самочувствия населения Карачаево-Черкесии проводилось в условиях экономических санкций в России, которые на момент опроса стали, ощутимы и в Карачаево-Черкесии²²⁴.

²²³ Консультант Плюс: указы Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/2533.html/> (дата обращения: 19.12.2019).

²²⁴ Здесь и далее использованы материалы социологических исследований: Политика-09: независимый информационно-аналитический портал: Самочувствие жителей КЧР оценили с помощью математических расчётов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://politika09.com/vlast-i-obshhestvo/samochuvstvie-zhitelej-karachaevo-cherkesii-otsenili-s-pomoshhyu-matematicheskikh-raschyotov/>; Кавказский Узел: Проблемы политических и межнациональных отношений в Карачаево-Черкесской Республике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/9709/>; Центр современной кавказской политики (ЦСКП "Кавказ"): На Северном Кавказе исследуют социальное самочувствие населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yuga.ru/news/390944/> (дата обращения: 19.12.2019).

На вопрос: «Как Вы оцениваете экономическое положение в городе?» (опрашивались жители г. Черкесск) были получены ответы:

- 50% респондентов считают его плохим;
- 27% респондентов убеждены, что оно очень плохое;
- 20% респондентов отмечают, что среднее;
- 3% респондентов затрудняются ответить.

Таким образом, три четверти всех респондентов негативно оценивают экономическую ситуацию. Такая высокая негативная оценка ведет к некоторому нарастанию в обществе пессимизма, отчуждения, конфронтации. По мнению опрошенных горожан, сложившаяся ситуация в республике выглядит следующим образом:

- 3% респондентов считают, что терпеть бедственное положение уже невозможно;
- 30% респондентов отмечают: «Жить трудно, но можно терпеть».

Предыдущее процентное распределение показывает, что ухудшение экономической ситуации не приводит к пропорциональному росту протестных настроений. Однако это было мнение горожан. Значительно хуже по данным опроса обстановка на селе. Экономическое положение считают:

- плохим и очень плохим 83%;
- средним 10%;
- остальные затрудняются ответить.

В ходе исследования респондентам задавались вопросы, непосредственно направленные на оценку протестного потенциала населения. 20% респондентов предлагают: «Пора переходить к выражению активного недовольства такой жизнью»; 6% респондентов отмечают: «Все не так плохо и можно жить»; 1% респондентов затрудняются ответить.

Вызывает тревогу то, что 63% опрошенных жителей Карачаево-Черкесии в резкой форме высказывают неудовлетворенность своим положением. Особое беспокойство вызывает тот факт, что треть этих респондентов (20%)

предлагают перейти к активным действиям выражения недовольства сложившимися условиями жизни. Такая ситуация чревата непредсказуемыми последствиями. В их числе может оказаться желание оппонентов Главы, мэра нарушить зыбкое равновесие, сложившееся на момент опроса в городе.

Не удовлетворены своим положением на селе 74%, но перейти к активному недовольству предлагают лишь 12%. При этом необходимо учитывать, что далеко не все сторонники радикальных действий на вербальном уровне готовы подтвердить свои заявления практическими действиями.

Политическая ситуация в республике, на момент анализа была внешне спокойной, несмотря на высокий уровень экономической и социальной напряженности. На вопрос: «Как Вы оцениваете политическую ситуацию в республике?» ответы распределились следующим образом:

- 38% респондентов отметили, политическая ситуация в республике относительно спокойная;
- 32% респондентов считают ее напряженной;
- 17% респондентов критической, взрывоопасной;
- 11% респондентов абсолютно спокойной;
- 2% респондентов затруднялись ответить.

Таким образом, население Карачаево-Черкесии разделилось примерно в равных долях на рассматривающих политическую ситуацию как спокойную и считающих ее напряженной. Подобная двойственность всегда опасна, поскольку говорит о неопределенности общественных настроений и возможности их колебаний. Поэтому необходимо систематическое изучение общественного мнения, целью которого явится диагноз социально-экономической и политической ситуации в республике. Такие исследования призваны вскрыть невидимые, но подводные, глубинные причины, их влияние на социальное поведение сегментарных групп населения. Это, в свою очередь, даст возможность эффективного управления общественными процессами.

Вызывает определенную тревогу позиция 17% респондентов, считающих политическую ситуацию в республике критической и взрывоопасной. При этом причины политической взрывоопасности они находят в экономической, социальной, политической политике власти.

К числу экономических причин критического состояния в республике респонденты отнесли: задержку зарплаты (50%), безработицу (40%), резкое ухудшение жизненного уровня (42%).

Социальные факторы, способствующие росту политического напряжения в республике, респонденты находят в росте преступности (25%), авторитарном стиле руководства республикой (33%), слабости, беспомощности республиканской власти (13%), оторванности власти от народа.

Сложное экономическое и социальное положение сложилось у безработных, временно не работающих, пенсионеров. Разорившиеся колхозы, совхозы и промышленные предприятия, не получившее развитие фермерство высвободили огромное количество рабочих рук. Ограниченные возможности заниматься индивидуально-трудовой деятельностью, частным предпринимательством выбросили на улицу большую армию безработных. В провинциальных городах, в отличие от крупных, где сосредоточены финансы, сырье, перерабатывающие и обслуживающие отрасли, возможности для перехода к рыночным отношениям ограничены. Карачаево-Черкесия, обладая хорошими сырьевыми, рекреационными, сельскохозяйственными ресурсами, шла длительное время по пути развития вывоза из республики производимой продукции и природных ресурсов.

К числу политических причин взрывоопасности респонденты отнесли коррупцию, взяточничество в высших эшелонах власти (38%), разжигание межнациональных отношений отдельными лицами (17%), угроза национализма и экстремизма (10%), ущемление прав личности и отдельных народов (18%).

«Значимым фактором конфликтного потенциала является сохраняющаяся относительная бедность населения региона. По данным Росстата, в 2018 г. самые низкие средние заработные платы по стране были в

Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Ингушетия и Карачаево-Черкесской Республике»²²⁵. На этом фоне особую тревогу вызывает у населения безудержный рост цен на продукты питания, как на рынках, так и в продовольственных магазинах. В связи с этим многие респонденты выразили свое пожелание мэру г. Черкесска незамедлительно заняться этой проблемой. Понимая, что проблемы цен и ценообразования должны решаться центральной властью и республиканской, тем не менее, свои надежды они возлагают на мэра города. При этом отмечают, что в начале своей деятельности мэр в большей степени обращал внимание на уровень цен. В сложившейся ситуации – регулирование цен на отдельные продукты питания – одна из важнейших политических задач, решение которой определит в будущем симпатии избирателей. Как мы видим, одним из основных факторов воздействия на общественное мнение является рост цен. Учитывая, что этот фактор концентрирует число недовольных, следует именно здесь предвидеть очаг усиленного напряжения. Отсутствие комплекса мероприятий (индексация доходов, выплата компенсаций в связи с резким повышением цен) по социальной защите населения города и республики усугубляет взрывоопасную ситуацию.

Приобрели хронический характер и проблемы безработицы в городе и селе. Темпы прироста безработицы растут в связи с общим кризисом. Кроме того, официальный уровень безработицы всегда отличается от реального. Безработные свой нынешний статус объясняли следующими причинами:

- 35% безработных не могут устроиться на работу после окончания учебного заведения;
- 23% являются безработными из-за ликвидации предприятия;
- 19% стали безработными из-за сокращения штатов;

²²⁵ Информационный портал «Финкан»: Средняя зарплата в России по регионам в 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fincan.ru/articles/71_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2019-godu (дата обращения: 26.11.2019).

- 17% в связи с увольнением по собственному желанию;
- 3% в связи с тем, что долго не работали;
- 2% не сработались с руководством предприятия.

Обстоятельства административного увольнения респондентов в городе связаны со стагнацией производства: вначале сокращение объемов производства, затем закрытие, массовые увольнения. Как следует из материалов исследования, принудительной причиной безработицы оказались увольнения в связи с сокращением производства. Среди респондентов, попавших в выборку, не оказалось безработных, высвобожденных из производства в связи с перепрофилированием предприятия, изменением его специализации.

Причинами увольнений по собственному желанию послужили: требование администрации написать заявление по собственному желанию, низкий заработок, неоплачиваемые отпуска, задержки в выплате зарплаты, конфликты с руководством и т.д. Большой проблемой для города является безработица – по причине отсутствия рабочих мест для окончивших учебные заведения.

Возникает вопрос, соответствует ли потребности города, республики то количество специалистов, выпускаемых нашими учебными заведениями? Ответить на этот вопрос без специальных исследований сложно. В анкету был включен вопрос, фиксирующий обращение респондента в службу занятости:

- 58% безработных не обращались;
- 42% обращались.

Безработица влияет на социально-психологическое состояние респондентов. Так, по данным исследования, при длительном сроке безработицы ощущения, испытываемые опрошенными, выглядят следующим образом:

- 26% страх, чувство незащищенности;
- 20% психологический дискомфорт;

- 17% затрудняюсь ответить;
- 15% апатию, безразличие;
- 15% безысходность, тоску;
- 4% безразличие, так как в работе не нуждаются;
- 3% резкое ухудшение здоровья.

В условиях социально-политического кризиса предсказать поведение безработных сложно. Однако можно уверенно констатировать, что этих людей могут использовать представители этнических элит в собственных целях для обеспечения массовой поддержки, участия в коллективных акциях.

Еще одной причиной конфликтов можно считать коррумпированность органов власти. С этим согласен 41% опрошенных. Наконец, надо признать тот факт, что коррумпированность власти сопровождалась фатальным пренебрежением к социальному благу. Основная часть населения, столкнувшаяся со снижением жизненного уровня и незащищенностью, пошла по пути прогрессирующей ностальгии по прошлому, «твердой руке» в руководстве, дисциплине и порядку.

Следует также обратить внимание на ухудшение качественных характеристик криминальной обстановки, что проявляется в:

- усилении агрессивно-разрушительных мотивов преступного поведения,
- возрастании роли тяжких преступлений, сопровождающихся насилием;
- активизации роста числа разбойных нападений;
- интенсивном расширении криминогенной социальной базы за счет увеличения маргинального слоя люмпенизированных групп населения.

К числу конфликтогенных факторов следует отнести и подорожание оплаты коммунальных услуг, недоступность высшего образования для детей, резкое ухудшение здоровья.

Резкое ухудшение здоровья вызвано рядом факторов, носящих объективный и субъективный характер. К числу субъективных факторов относятся – ухудшение здоровья из-за невозможности получить во время

квалифицированную медицинскую помощь. Резкий рост цен на лекарства, отсутствие их в лечебных учреждениях, лишает многих респондентов возможности получения медицинских услуг.

Так на вопрос: «Доступны ли для Вас цены на лекарства?» респонденты ответили следующим образом:

- 82% нет;
- 5% да;
- 3% затруднились ответить.

На вопрос: «Устраивает ли Вас медицинское обслуживание в городе?» ответили:

- 62,4% нет;
- 28,1% да;
- 9,5% затруднились ответить.

Многие респонденты жалуются на грубость медперсонала, неуважительное отношение к больным. Некоторые отмечают дифференцированное отношение к больным в зависимости от их материального положения и способности платить за лечение.

В особо тяжелом положении находятся семьи, где имеются безработные, а их количество в городе имеет тенденцию к росту. Материальные условия существования семей, в которых имеются дети, на фоне подорванных систем дошкольного и внешкольного воспитания, оздоровительного отдыха, коммерциализации образования, ослабления социальной инфраструктуры ведут к дезадаптации и определяют стратегию большинства из них, как стремление к выживанию.

Поэтому и получили мы удручающие ответы на вопрос о материальном положении семей респондентов:

- 33% отметили положение семьи как очень плохое;
- 32% как плохое;
- 28% как среднее;

- 2% отметили положение семьи как очень хорошее;
- 5% затруднились ответить.

Опрос свидетельствует об ухудшении социального самочувствия семьи, роста ощущения беспокойства, тревоги, неуверенности в будущем, ущемлении социальных и гражданских прав, снижении толерантности. В процентном выражении ответы респондентов о самочувствии семей следующие:

- 47% ответили, что появилась неуверенность в будущем;
- 35% ощущают страх за себя и своих близких;
- 20% испытывают раздражение, неприязнь к власти и безысходность;
- 16% семей чувствуют неприятие богатых, большинство из которых разбогатело нечестным путем;
- 8% семей одолевает чувство страха, апатии;
- 8% делает выразить протест;
- 1% желание уйти из жизни.

Число ответивших превышает 100%, т.к. респонденты могли назвать несколько причин плохого самочувствия семей.

Осмысление приведенных выше результатов исследования приводит к выводу о том, что в условиях, когда авторитарные механизмы власти уже не действуют, а демократические еще не развились, стратегия развития должна быть, сформирована в следующих направлениях:

- национальная идентификация и самоидентификация, возрождение национальных культур и адаптация их традиционных социальных и этнокультурных институтов к новым политическим условиям;
- поиск самостоятельного пути развития с учетом этнополитической составляющей;
- рыночные реформы, рост инвестиционной привлекательности и сближение по основным социально-экономическим показателям с развитыми регионами России;

– гласность и прозрачность принимаемых властью решений.

Идеология, на наш взгляд, должна выражаться в принципах национального согласия, равенства прав всех народов, населяющих республику. Неразрешенность основных социально-политических проблем приводит к повышению уровня социально-политической напряженности, для которой характерны атмосфера эмоционального возбуждения и недовольства массовых социальных групп существующим положением.

Таким образом, очевидно, что высокий уровень неудовлетворенности социальными, экономическими условиями жизни естественно ведет и к повышению уровня конфликтности. Это подтверждается и исследованиями в городах, селах, районах и в целом по республике. В то же время, необходимо уточнить условия, в которых неудовлетворенность жизненной ситуацией приводит к конфликту.

Интересные результаты получены в ходе изучения ответов респондентов, дифференцированных по этническим группам. Так, представители основных этносов Карачаево-Черкесии ответили на вопрос «Как Вы считаете, какие из приведенных высказываний более соответствует сложившейся ситуации республике?».

Табл. № 9

Характеристика ситуации представителями различных этносов КЧР
(в % от количества опрошенных)²²⁶:

№		Абазины	Ногайцы	Карачаевцы	Черкесы	Русские
1	Все не так плохо и можно жить	0	0	0	11	6
2	Жить трудно, но можно терпеть	16	10	42	25	28
3	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	50	33	42	28	53

²²⁶ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

4	Пора уже переходить к выражению активного недовольства такой жизнью	33	23	14	38	13
5	Затрудняюсь ответить	1	34	2	---	0

Треть ответивших абазин, 38% черкесов считают «пора уже переходить к выражению активного недовольства такой жизнью». Отметим, что в этнополитической сфере такая установка абазин привела к созданию в 2009 г. национального района.

Высокую степень неудовлетворенности жизнью демонстрируют абазины, черкесы, русские, карачаевцы, что проявилось в ответах на вопрос «Если Вы не удовлетворены своей жизнью, то в какой степени?».

Табл. № 10

Оценка удовлетворенности жизнью представителей этнических общностей (в % от количества опрошенных)²²⁷:

№		Абазины	Ногайцы	Карачаевцы	Черкесы	Русские
1	Уровень недовольства очень высокий	33	0	32	38	34
2	Уровень недовольства высокий	33	0	34	35	36
3	Уровень недовольства средний	16	33	32	13	20
4	Уровень недовольства невысокий	0	33	0	14	4
5	Затрудняюсь ответить	18	34	2	0	6

Максимальный удельный вес в социальной напряженности занимают политические факторы – 82%. Более половины респондентов – 62% – оценивают политическую ситуацию в КЧР неудовлетворительной. В тоже

²²⁷ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

время экономическую ситуацию оценивает неудовлетворительно значительно меньшая доля респондентов – 28%. Поэтому потребовалось провести анализ социального самочувствия респондентов, исходя из национальной принадлежности.

Анализ результатов социологических опросов населения Карачаево-Черкесии позволяет сделать следующие выводы:

1. Жители республики не удовлетворены политической и экономической ситуацией. Факторами особенного беспокойства являются рост цен на продукты питания, задержки заработной платы и пособий на детей.

2. Не удовлетворено население деятельностью исполнительной власти республики, а также органов правопорядка. Общественное мнение ставит им в вину коррумпированность и защиту их собственных интересов.

3. Значительная часть населения испытывает страх, тоску, раздражение, неприязнь, ненависть.

4. Конкретные формы протеста населения сами по себе являются только реализацией накопившегося социального недовольства, однако практическое осуществление протестной активности сопряжено с наличием достаточно развитых политических субъектов, например оппозиция в лице национальных общественных движений, выборная компания.

5. Правомерно говорить о потере веры значительной части горожан в результаты протестных акций.

6. Наблюдается готовность части населения приспособливаться к сложным условиям жизни.

Автор полагает, что важнейший аспект проблемы, исследуемой в данном параграфе, состоит в воздействии социального самочувствия на отношение к власти. Рассмотрим отдельные социальные группы и их отношение к власти через эмоционально окрашенные образы по результатам опроса, проведенного автором среди населения Карачаево-Черкесской Республики в 2018-2019 гг. На вопрос: «Какая из характеристик, на Ваш взгляд, больше подходит

исполнительной власти?», в 2018–2019 гг. работники аграрного сектора республики дали следующие ответы.

Табл. № 11

Характеристики власти представителями аграрного сектора Карачаево-Черкесской Республики (в % от количества опрошенных)²²⁸:

		Фермеры
1	Профессионально грамотные люди	0,0
2	Строго выполняют должностные обязанности	1,0
3	Защищают интересы населения республики	1,0
4	Интересы республики ставят выше личных	0
5	Увеличили количество рабочих мест	0
6	Власть коррумпирована	80
7	Защищают интересы свои и определенных групп	75
8	Работают на себя и свое окружение	75
9	Невысокий профессионализм	75
10	Низкие деловые качества аппарата	50
11	Расстановка кадров не отвечает интересам народов	70

Во всех невзгодах работники аграрного сектора винят власть, ту, которая поближе. Она олицетворяет собой все их неприятности. Непонятная экономическая реформа, особенно в сельском хозяйстве, которая, кроме развала сельского хозяйства, ничего не дала, также связывается в сознании сельского населения с властью. На фоне общего беззакония и безответственности, роста коррупции в высших эшелонах власти, обогащение руководителей сельхозпредприятий выглядит чем-то неестественным. Резкое социальное расслоение наиболее ясно проявляется на селе. Поэтому, давая характеристику власти, сельчане отмечают, прежде всего, что исполнительная власть работает только на себя и свое окружение, защищает свои интересы и интересы определенных групп, она коррумпирована, кадровую политику

²²⁸ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

решает, опять-таки, только в пользу своих собственных интересов. По мнению респондентов, уровень ее профессионализма, выполнения должностных обязанностей по защите интересов населения республики, крайне низки.

Их отношение к власти определяется через призму личных невзгод. На вопрос: «Какая из характеристик, на Ваш взгляд, больше подходит исполнительной власти?», были получены следующие ответы (в % к числу опрошенных).

Табл. № 12

Характеристики власти безработными, временно не работающими, пенсионерами Карачаево-Черкесской Республики (в % от количества опрошенных)²²⁹:

		Временно не работающие	Безработные	Пенсионеры
1	Профессионально грамотные люди	8,3	7,4	10,0
2	Строго выполняют должностные обязанности	8,3	3,7	13,3
3	Защищают интересы населения	8,3	7,4	16,7
4	Интересы республики ставят выше личных	0,0	0,0	0,0
5	Увеличили количество рабочих мест	0,0	0,0	0,0
6	Власть коррумпирована	65,0	48,1	26,7
7	Защищают интересы свои и определенных групп	41,7	70,4	50,0
8	Работают на себя и свое окружение	98,0	66,7	63,3
9	Невысокий профессионализм	16,7	10,0	11,1
10	Низкие деловые качества аппарата	8,3	11,1	13,3
11	Расстановка кадров не отвечает интересам народов	25,9	8,3	23,3

Наиболее часто повторяющимися характеристиками власти временно не работающие, безработные и пенсионеры назвали: власть коррумпирована,

²²⁹ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

защищает интересы свои и определенных групп; работает на себя и свое окружение.

Наибольший интерес для нас представляют характеристики, которые в 2018–2019 гг. дали власти люди экономически активные работающие жители республики.

Табл. № 13

Характеристики власти работающими жителями Карачаево-Черкесской Республики (в % от количества опрошенных)²³⁰:

		Индивидуальная трудовая деятельность	Работники АО	Работники ЧП
1	Высокий профессионализм	6,7	0,0	4,3
2	Строго выполняют должностные обязанности	0,0	3,8	4,3
3	Защищают интересы населения	6,1	3,8	8,7
4	Интересы республики ставят выше личных	1,1	0,0	4,3
5	Увеличили количество рабочих мест	0,0	0,0	4,3
6	Власть коррумпирована	75,0	85,0	63,0
7	Защищают интересы свои и определенных групп	74,4	73,8	60,9
8	Работают на себя и свое окружение	85,0	65,0	75,0
9	Невысокий профессионализм	85,0	69,0	64,0
10	Низкие деловые качества аппарата	79,0	69,0	87,0
11	Расстановка кадров не отвечает интересам народов КЧР	78,0	92,0	82,0

Как и в предыдущем случае, наиболее характерной чертой исполнительной власти экономически активные жители республики назвали: защиту собственных и групповых интересов, а также работу на собственное

²³⁰ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

обогащение. Мнения не расходятся и при распределении следующих признаков: «власть коррумпирована» и «низкие деловые качества аппарата».

В таблице ниже приведены ответы других групп респондентов на тот же вопрос и в то же время.

Табл. № 14

Характеристики власти представителями других социальных групп населения Карачаево-Черкесской Республики (в % от количества опрошенных)²³¹:

		Студенты	Служащие	Общественные организации
1	Профессионально грамотные люди	1,1	12,9	0,0
2	Строго выполняют должностные обязанности	10,5	6,5	0,0
3	Защищают интересы населения республики	10,5	14,5	0,0
4	Интересы республики ставят выше личных	5,3	6,5	0,0
5	Увеличено количество рабочих мест	0,0	0,0	0,0
6	Власть коррумпирована	21,1	41,9	40,0
7	Защищают интересы свои и определенных групп	47,4	51,6	50,0
8	Работают на себя и свое окружение	36,8	56,5	20,0
9	Невысокий профессионализм	47,4	19,4	0,0
10	Низкие деловые качества аппарата	15,8	12,9	70,0
11	Расстановка кадров не отвечает интересам народов КЧР	26,3	27,4	0,0

Вопрос профессионализма власти в большей степени интересует студентов, что вполне объяснимо. Для них профессионализм является одной из основных предпосылок их будущего. Систематически сталкиваясь с этим понятием, большинство из них (69%) попытались оценить уровень профессионализма исполнительной власти.

²³¹ Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

Необходимо подчеркнуть, что среди представителей всех опрошенных категорий меньше всего количественно было представителей некоммерческих (общественных) организаций. Этим объясняется ряд отсутствующих ответов на вопросы в данной категории респондентов. Представители общественных организаций, в большинстве своем находящиеся в оппозиции, считают, что власть профессионально не состоялась. Столь же категоричны они в оценке таких качеств, как «выполнение должностных обязанностей», «власть коррумпирована», «низкие деловые качества», «защита личных интересов и интересов определенных групп». Общественные организации хорошо знают власть, ее основные характеристики. Зачастую их члены в прошлом работали с теми, кто представляет сегодня исполнительную власть. Другой части, которая занималась общественной деятельностью в организациях, возникших с целью возрождения культуры, истории этносов, приходится иметь дело с представителями исполнительной власти. Поэтому их оценки носят не созерцательный характер, а действенный, практический.

Служащие в исследовании представлены работниками образования, здравоохранения, служащими ряда государственных учреждений. Эту группу по-другому можно назвать представителями бюджетной сферы. Они более осторожны в оценке профессиональных качеств. Так, лишь 19,4% отмечают «невысокий профессионализм», и 12,9% считают представителей власти «профессионально грамотными людьми». То же самое можно сказать и о деловых качествах власти. Но когда вопрос касается степени коррумпированности, защиты личных интересов и интересов отдельных групп, работы «на себя», мнение служащих столь же категорично, как и остальных групп населения республики.

Исследования подтверждают, что политический конфликт является частью политического процесса и может развиваться на любом политическом поле. Политические конфликты в Карачаево-Черкесии 1990–1993 гг., 1993–1995 гг., 1998–1999 гг., 2000–2002 гг. имели самостоятельный характер, так как причины их возникновения и декларации об этих причинах не всегда

совпадали. В тоже время они были частью регионального конфликта и развивались на одном политическом поле. Политические конфликты в республике обладают определенной спецификой, в частности – высоким уровнем этнизации. И на наш взгляд, именно это является тормозящим фактором не только общего развития республики, но и фактором постоянного, ввиду слабости национальной политики, напряжения межнациональных отношений. Борьбу экономических групп за передел собственности, борьбу политических элит за власть постоянно отягощал и отягощает этнический фактор, когда пять народов уже внутри назревшего экономического или политического конфликта, начинают предпринимать беспрецедентные меры по «защите» своих интересов, он не только затягивается, но и переходит в банальное русло межнационального противостояния.

Для понимания природы воздействия социального самочувствия на этнополитическую ситуацию необходимо привлечь, помимо социологических исследований в Карачаево-Черкесской Республике, материалы других субъектов РФ на Северном Кавказе. Автор использует для вторичного анализа результаты исследования «Межэтнические отношения в молодежной среде Краснодарского края», проведенного в апреле 2008 г. Центром социальных и маркетинговых исследований в рамках государственного контракта с Департаментом молодежной политики Краснодарского края²³². Данное исследование предоставляет адекватный для вторичного анализа в целях нашей работы материал. Так, исследование краснодарских авторов проведено на молодежной выборке, что расширяет эмпирическую основу для выводов. Нас интересует влияние социального самочувствия на этнополитическую ситуацию. В то же время известно, что молодежь является группой, наиболее активной в своих социальных контактах. В силу этого большинство межэтнических конфликтов начинаются в молодежной среде. М. В. Савва указывает, что в

²³² Результаты социологического исследования «Межэтнические отношения в молодежной среде Краснодарского края» // Конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края. Методики снижения. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 37-79.

Краснодарском крае чаще всего межэтнические конфликты происходят среди молодежи, в силу того, что она наиболее активно взаимодействует на межличностном уровне и, соответственно, увеличивается вероятность участия в этих конфликтах. Далее по инерции в эти конфликты включаются представители взрослого поколения, и конфликт закрепляется в сознании, как этнический конфликт²³³. Кроме того, проведенное краснодарскими политологами и социологами исследование было направлено не на изучение социального самочувствия самого по себе, а в связи с этническими и этнополитическими процессами. Наконец, эмпирическую основу для выводов данное исследование расширяет в силу того, что оно проведено не в очередной республике Северного Кавказа, а в Краснодарском крае, где количественно и политически доминируют русские.

Цель исследования: выявить основные показатели социального самочувствия молодежи Краснодарского края в сфере межэтнических отношений.

Задачи исследования:

- дать оценку социального самочувствия молодежи;
- выявить проблемное поле группы;
- оценить уровень социальной напряженности в молодежной среде Краснодарского края;
- выявить особенности восприятия молодежью этнических отношений на Кубани;
- определить уровень протестного потенциала молодежи;
- оценить степень консолидированности группы в аспекте реализации ее протестного потенциала.

Метод исследования: исследование проводилось комплексным методом с использованием метода как качественного (фокус-групповые дискуссии), так и

²³³ Савва М. В. Методы профилактики молодежного этнического экстремизма // Конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края. Методики снижения. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 17.

количественного исследования (массовый опрос молодежи в возрасте 16–24 лет по формализованной анкете). Количественный опрос проводился по квотно-репрезентативной выборке, объем которой составил 450 респондентов в возрасте 16–24 лет на городских и сельских опросных участках. Распределение респондентов по полу, возрасту, уровню образования пропорционально распределенным генеральной совокупности, согласно данным переписи населения 2002 г.

Блок социального самочувствия в нашем исследовании был представлен вопросами о степени удовлетворенности собственной жизнью, жизнью своей семьи, о настроении общества в целом глазами респондентов.

Ответы респондентов показывают, что в целом участники исследования оценивают свою нынешнюю жизнь весьма позитивно:

Рис. № 1

Ответы на вопрос «Скажите, пожалуйста, довольны ли вы своей жизнью?»
(валидные проценты)

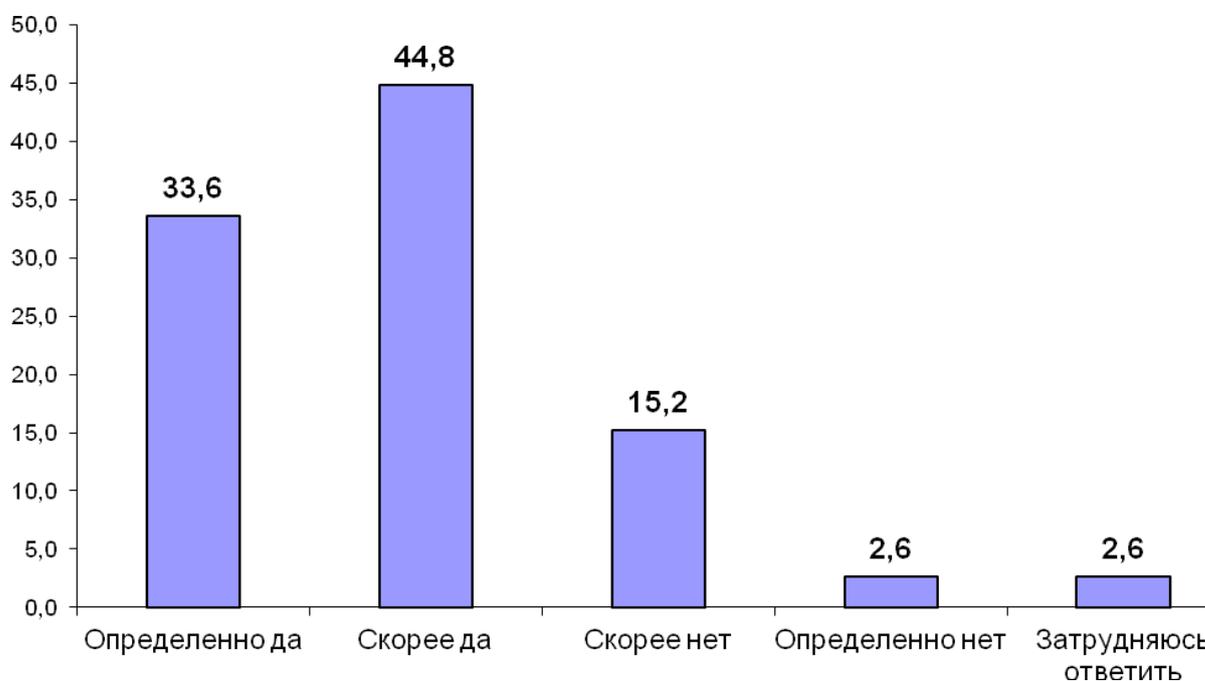

График демонстрирует, что большинство ответов относятся к положительным – «определенно да» и «скорее да». Позитивный настрой в целом характерен для молодежи и отражает более положительное, чем в 90-е

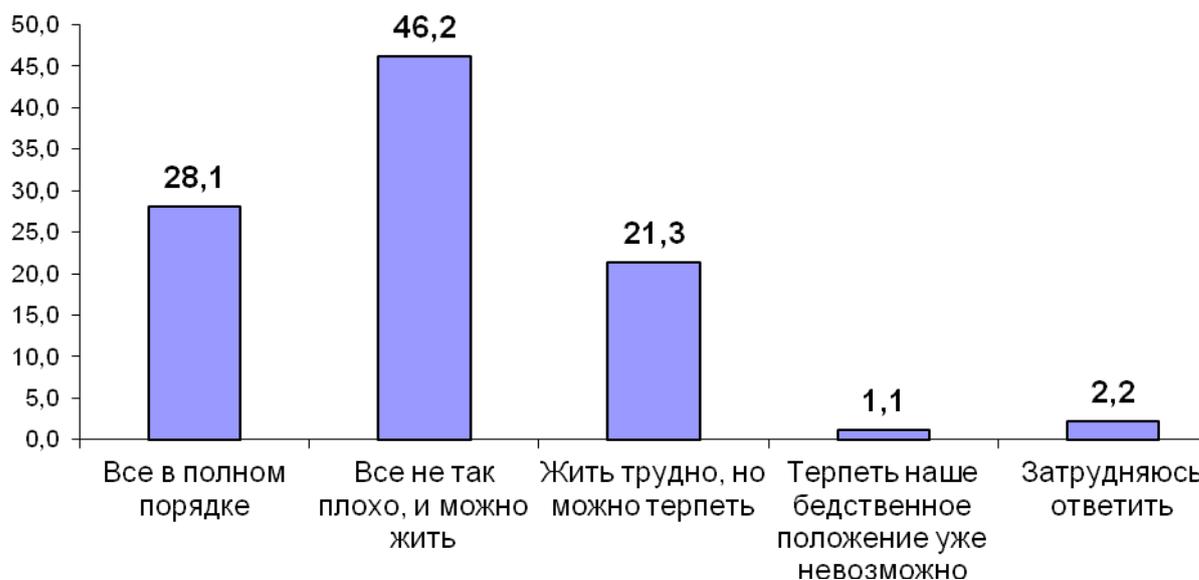
годы прошлого века, состояние общественного сознания. Краснодарские исследователи подчеркивают, что необычайно высока доля респондентов, определенно довольных своей жизнью, — около 1/3 опрошенных, а также обращают внимание на тот факт, что в оценке удовлетворенностью собственной жизнью, нет существенной разницы между двумя возрастными группами, принимавшими участие в исследовании (16–24 года и 25–30 лет), а также сельским и городским населением.

Таким образом, для кубанской молодежи накануне начала мирового финансового кризиса была характерна в целом позитивная оценка своей жизненной ситуацией.

Ниже приведен рисунок, уточняющий оценку респондентами жизненной ситуации. Он иллюстрирует ответы на вопрос «Какое из следующих высказываний более всего соответствует вашей жизненной ситуации, жизни вашей семьи»? Таким образом, расширяется круг объектов – помимо собственно респондента, нужно оценить также жизнь ближайшего социального окружения.

Рис. № 2

Оценка респондентами Краснодарского края жизненной ситуации

В ходе исследования краснодарских авторов социальное самочувствие оценивалось на трех уровнях: личное самочувствие, самочувствие «ближнего круга» — семьи, близких людей, и самочувствие социума в целом (в субъективном восприятии индивида). Оценка самочувствия «ближнего круга» уже несколько менее оптимистична. Так, 1/5 участников исследования из предложенного набора высказываний выбрали нейтральное: «жить трудно, но можно терпеть», хотя уровень оптимистических оценок по-прежнему очень высок. Около 75% ответили, что жизнь их вполне устраивает.

Еще более тревожной выглядит оценка молодыми кубанскими респондентами социального самочувствия общества в целом. На первом месте в рейтинге расположено такое чувство, как «надежда». Это характерная черта молодых людей, которое можно определить как имманентный молодежный оптимизм. В то же время второе место делят между собой чувства свободы и усталости, безразличия. О том, что усталость и безразличие характерны для нашего общества, свидетельствуют и результаты проведенных краснодарскими исследователями фокус-групп. В основном такие настроения типичны для сельской молодежи из старшей возрастной группы (25-30 лет)²³⁴.

Таким образом, социальное самочувствие молодых жителей Краснодарского края характеризуют, с одной стороны, удовлетворенность, с другой — усталость. Как подобный уровень социального самочувствия отразился на готовности к конфликту?

Для оценки вероятности открытых конфликтов респондентам в ходе количественного исследования краснодарскими учеными были предложены двухуровневые вопросы: один из них предполагал абстрактную оценку настроений, существующих в социуме (насколько возможны в вашем населенном пункте конфликты), второй уточнял степень личной готовности респондента принять участие в конфликте.

²³⁴ Результаты социологического исследования «Межэтнические отношения в молодежной среде Краснодарского края» // Конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края. Методики снижения. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 41.

Ответы на вопрос «Как вы считаете, насколько возможны в вашем населенном пункте в течение ближайших трех лет следующие конфликты: в которых участвуют большие группы населения: забастовки, пикеты, митинги, демонстрации?»

		Совершенно невозможны		Вряд ли возможны		Вполне возможны		Неизбежны	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1	Конфликты на национальной почве	85	18,9	189	42	160	35,6	16	3,6
2	Конфликты на религиозной почве	104	23,1	137	52,7	101	22,4	8	1,8
3	Конфликты на почве задержек заработной платы, пенсий, стипендий, пособий	83	18,4	150	33,3	178	39,6	39	8,7
4	Конфликты на почве несправедливых решений администрации промышленного предприятия/учебного и т.п. заведения	71	15,8	175	38,9	179	39,8	25	5,6
5	Конфликты на почве промышленного, офисного или жилого строительства в вашем районе	94	20,9	206	45,8	126	28	24	5,3
6	Конфликты на почве обмана вкладчиков, пайщиков долевого строительства и т.п.	96	21,3	179	39,8	138	30,7	37	8,2
7	Конфликты на почве несправедливых решений или бездействия местных властей	81	18	170	37,8	170	37,8	29	6,4
8	Конфликты на почве несправедливых решений федеральных властей	104	23,1	214	47,6	116	25,8	16	3,6
9	Конфликты на почве несправедливых судебных решений	95	21,1	209	46,4	125	27,8	21	4,7
10	Конфликты на почве загрязнения окружающей среды	111	24,7	188	41,8	141	26,4	32	7,1

Таблица процентных распределений демонстрирует, что наиболее вероятны конфликты с администрацией любого уровня на почве несправедливых решений и ущемления экономических прав, а также конфликты на национальной почве. При этом этнические конфликты оцениваются в качестве менее вероятных: количество ответов респондентов, считающих, что такие конфликты вряд ли возможны, превышает количество ответов «вполне возможны». Однако в целом участники исследования не считают, что обстановка в обществе в ближайшие три года может накалиться до уровня открытых конфликтов. Значительная часть ответов группируется вокруг позиции: «совершенно невозможны», а еще большая часть — вокруг более корректного в рамках достаточно долгосрочной перспективы — «вряд ли возможны». Исключение составляют, как уже было сказано, проблемы, связанные с действиями власти.

Авторы исследования сделали вывод, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации рост напряженности произойдет именно в этом направлении. При этом велика вероятность выступлений, направленных против власти даже в том случае, если в качестве детонатора выступит локальный этнический конфликт (как это было, например, в Кондопоге).

Авторы исследования в Краснодарском крае делают на основании его результатов ряд выводов. Уровень социального напряжения относительно невысок, но настораживает разнообразие отмеченных участниками исследования тенденций — от агрессии до отчуждения, атомизации людей. Такой разброс трендов напоминает маятник, способный, набрав инерцию, качнуться либо в одну, либо в другую сторону. О чем идет речь? О том, что общество, все более, разделяется на группы - «богатые – бедные», «местные – приезжие», «молодые – старые» и т.п. Эти группы все больше обособляются, между ними все меньше точек соприкосновения. Крайней формой существования этой тенденции может быть «война всех против всех» в случае каких-либо экономических или политических катаклизмов. Но и при достаточной стабильности такое разделение общества скрывает под собой

серьезную угрозу общественному единству, без которого невозможно построение гражданского общества, достижение общенациональных целей. Тревога, которую испытывают участники исследования в Краснодарском крае по этому поводу, — ясный показатель того, что эти негативные процессы в обществе идут, ставят под угрозу его дальнейшее развитие и способствуют «застыванию» (стагнации).

Вместе с тем можно отметить некоторый рост толерантности в обществе, по крайней мере, на уровне сознательных рациональных пожеланий. Участники исследования на Кубани выросли уже в постперестроечные годы. К этому времени сложилась более сложная социально-классовая структура общества, по сравнению с той, в которой большую часть жизни прожили их родители. Необратимость приобрели миграционные процессы. Фактом обыденной жизни стало большое количество идеологических парадигм — «государственники» и «либералы», «левые» и «правые», «западники» и «почвенники», «идущие вместе» и «несогласные». Молодые люди понимают, что единственным способом взаимодействия в этом обществе может быть взаимная терпимость, умение защищать свои ценности цивилизованным путем. К сожалению, такое понимание не всегда реализуется на практике, да и нет пока в достаточном количестве разработанных и, главное, признанных обществом механизмов для разрешения всех случающихся конфликтов.

Например, механизмы для разрешения этнических конфликтов сравнительно разработаны и легитимны (то есть, приняты обществом как результативные). А вот механизм для разрешения конфликтов между гражданами и властью тоже разработан, но не легитимен для общественного мнения, так как работает только в пользу власти. Не разработаны и не легитимны механизмы разрешения конфликтов между бедными и богатыми, между собственниками и наемными работниками. Вероятно, причина в том, что конфликты эти в нашей стране сравнительно недавнего происхождения, и их еще не успели достаточно изучить. Переход от общества, которое мечтает быть толерантным и терпимым, к обществу, которое на самом деле станет таким,

возможно только в результате создания легитимных механизмов цивилизованного разрешения общественных конфликтов. При этом неважно, будут ли эти механизмы созданы «сверху» усилиями специалистов — конфликтологов и государственных структур, или же возникнут «снизу». Вполне вероятно, что разработка и налаживание таких механизмов и станет стимулом для общественной консолидации, хотя бы на уровне отдельно взятых населенных пунктов.

Межэтнические отношения в молодежной среде в Краснодарском крае на данный момент воспринимаются как спокойные. Вместе с тем есть две «болевые точки»: неоднозначное отношение к иностранным рабочим (гастарбайтерам) и появление группы бизнес-мигрантов. К сложностям интеграции последней группы добавляется конфронтация по социальным параметрам, по оси «богатые – бедные». Бизнес-мигранты – это не те мигранты, которые бежали из «горячих точек» или из мест стихийных бедствий, спасая свою жизнь и жизнь своей семьи в «горячих» 90-х годах прошлого века. Ту волну миграции в целом пережили – частично ассимилировали, частично смирились и с нерусской речью на улицах, и с чужими обычаями. Что-то даже позаимствовали. Но «новые мигранты» раздражают молодежь. Они приезжают ради открытия своего дела, имея ввиду, более широкий рынок сбыта, обусловленный, более высокой, потребительской активностью. Эта категория мигрантов, как правило, обладает достаточными средствами и для открытия бизнеса, и для урегулирования вопросов с разрешительными документами, и для комфортабельного обустройства на новом месте. При этом зачастую «новые мигранты» не делают попыток интегрироваться в местное сообщество, замыкаясь, с одной стороны, в рамках своей этничности, а с другой, — в рамках принадлежности к «среднему классу», значительно превосходящему по своим материальным возможностям основную массу населения. Это с неизбежностью раздражает население, особенно в сельской местности, где каждый человек «на виду», воспринимается как высокомерие, отсутствие уважения к «местным» и создает повышенный уровень социального напряжения. Такое напряжение

проявляет себя сразу в двух группах претензий: «не уважают местные обычаи» и «не уважают простых людей». Таким образом, налицо предпосылки, как к этническим, так и к социальным конфликтам²³⁵.

Авторы еще одного актуального для нас исследования, проведенного в Краснодарском крае, указали на важность такого фактора профилактики конфликтов, как высокий уровень социальной модернизации. Так, В. Ю. Реммлер, выделяя основные причины отсутствия по результатам исследования молодежного религиозного экстремизма, назвала следующие:

- отсутствие социальной базы для экстремизма;
- высокий уровень модернизации в молодежной среде;
- профилактическая работа государственных, общественных и правоохранительных структур²³⁶.

По мнению автора диссертации, это верный вывод. Высокий уровень модернизации предполагает внутреннюю свободу и толерантность. Но главное – незавершенная модернизация создает основу для внутренних противоречий и роста агрессивности. На материалах исследования Северного Кавказа М. В. Савва делает вывод о том, что в регионе модернизация не сбалансирована в разных областях жизни. Среди молодого поколения раскрепощенное и независимое поведение начинает превалировать, а влияние старших – ослабевать. Можно говорить «о разрушении традиционных механизмов социального контроля в результате вестернизации»²³⁷. Но в этот же период не изменилось традиционное представление о «чужих», как о недругах и о

²³⁵ Результаты социологического исследования «Межэтнические отношения в молодежной среде Краснодарского края» // Конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края. Методики снижения. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 78-79.

²³⁶ Реммлер В. Ю. Результаты социологического исследования «Положение молодежи в Краснодарском крае. Выявление основных показателей социального самочувствия молодежи Краснодарского края в сфере межконфессиональных отношений» // Кубанская молодежь и религия. Вопросы профилактики экстремизма. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 79.

²³⁷ Наипов Б. Х. Социальная безопасность на региональном и местном уровнях: состояние, тенденции развития и механизмы политического регулирования: на примере республик Юга России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 71.

допустимости безнравственного поведения в отношении «чужаков» еще очень устойчиво. Эти факторы увеличивают конфликтность в городах²³⁸.

Отметим, что в условиях относительного социального благополучия массовых социальных групп сохраняется существенная диспропорция между большинством населения и наиболее обеспеченными слоями. Эта ситуация воспринимается как несправедливая, особенно в случаях, когда представители обеспеченных групп позволяют себе демонстративно пренебрежительное отношение к другим людям (наглядное нарушение законов или общепринятых норм поведения).

Исследование социального самочувствия молодежи Краснодарского края дает основания уверенно предположить, что взаимосвязь социального самочувствия и этнополитического процесса является достаточно сложной. Даже в условиях относительного социального благополучия сфера межэтнических отношений остается потенциально конфликтоопасной. Позитивная оценка собственной жизненной ситуации может сочетаться у человека с депривацией, вызванной его оценкой состояния ближайшего социального окружения или «своего народа в целом». При этом сохраняется возможность сознательного направления заинтересованными в дестабилизации политическими силами протестных настроений в русло межэтнических отношений.

«Институт проблем молодежи» для выявления социального самочувствия молодежи Кабардино-Балкарии провел исследование на тему: «Какие проблемы волнуют молодежь республики», и пришел к выводу, что проблемы различных молодежных групп неодинаковы по своей сути и, следовательно, требуется разное их решение²³⁹. Об итогах исследования рассказал на заседании

²³⁸ Савва М. В. Особенности этнополитической ситуации в Краснодарском крае // Конфликт-диалог-сотрудничество. Бюллетень. № 3. Март-май 2000. М., 2000. С. 23.

²³⁹ Кавказский Узел. «Институт проблем молодежи» Кабардино-Балкарии исследовал социальное самочувствие молодых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142998/> (дата обращения: 19.12. 2019)

Общественно-консультативного совета при президенте республики директор Института З. Шебзухов. Результаты данного исследования представляют для нас интерес в сопоставлении с результатами изучения социального самочувствия кубанской молодежи.

По мнению З. Шебзухова, молодежь – неоднородная общность, поскольку нет в современном обществе единого социального пространства. Эксперт отмечает, что «Следует разделять молодежь сельскую и городскую, вузовскую и невузовскую, рабочую и безработную, молодых предпринимателей и наемных работников и т.д.. Результаты проведенного опроса показали, что среди проблем, которые доставляют им наибольшее беспокойство, молодые люди на первое место ставят – деньги (44% опрошенных), здоровье (37%), возможность получения образования или повышения квалификации (24%), карьеру (15%), возможности для отдыха и развлечений (14%)»²⁴⁰.

Сам эксперт из Кабардино-Балкарии выделил следующие характерные молодежные проблемы: «первая – неспособность молодых людей адаптироваться к изменившейся социальной среде. Традиционным способам адаптации молодежь сегодня мало кто обучает, поскольку преемственность поколений трансформирована настолько, что старшее поколение не воспринимается молодыми людьми как образ для подражания; вторая проблема – отсутствие положительных навыков общения, и третья – социальное неравенство в молодежной среде»²⁴¹.

По мнению эксперта, «ситуацию усугубляет отсутствие системы ценностей, которая позволяла бы молодым людям адекватно реагировать на обширный и разнообразный информационный поток, создаваемый

²⁴⁰ Кавказский Узел: «Институт проблем молодежи» Кабардино-Балкарии исследовал социальное самочувствие молодых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142998/> (дата обращения: 19.12.2019).

²⁴¹ Там же.

электронными СМИ и Интернетом, а также патернализм, который молодым людям прививают в большинстве случаев сами родители»²⁴².

Опасным для общества в молодежной среде является, как низкий уровень толерантности, так и низкий уровень гражданственности, который препятствует адекватному и системному восприятию вызовов современности. Завышенные материальные амбиции и статусные ожидания, желания получить все и сразу, приводит к тому, что молодежь не видит своего будущего в своей республике. Такого мнения придерживается З. Шебзухов. В качестве возможных негативных последствий данных проблем, эксперт называет два варианта реакции молодых: первый вариант – «активная реакция, которая выражается в молодежной преступности, как желании отомстить, в религиозном экстремизме (как поиск новых ценностей в религии, способных быстро все вокруг изменить), в национализме (способ обвинить других в своих неудачах); второй вариант – пассивная реакция»²⁴³. Эксперт называет ее «маргинальным поведением – это попытка уйти от решения проблем путем употребления наркотиков и алкоголя»²⁴⁴.

В качестве одного из способов решения проблемы эксперт предложил «повышение престижа средних специальных учебных заведений, что, по его мнению, позволило бы через несколько лет решить не только проблему недостатка кадров среднего персонала в республике, но и не дать возможности большей части молодежи пополнить ряды армии пассивных маргиналов»²⁴⁵. «Одним из механизмов решения молодежных проблемы, по мнению З. Шебзухова, могла бы стать широкомасштабная социальная реклама в СМИ и пропаганда в обществе системы ценностей (духовных, нравственных,

²⁴² Кавказский Узел: «Институт проблем молодежи» Кабардино-Балкарии исследовал социальное самочувствие молодых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142998/> (дата обращения: 19.12. 2019).

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

культурных) и культуры межнационального общежития, а также реализация образовательных проектов в области гражданского просвещения наиболее активной части молодежи, людей, работающих с молодежью, и лидеров общественного мнения»²⁴⁶.

Изучение воздействия социального самочувствия на этнополитические процессы позволило автору сформулировать ряд выводов.

«Социальное самочувствие массовых групп населения является важнейшим фактором этнополитических процессов на Северном Кавказе. При этом уровень жизни нельзя считать главным элементом социального самочувствия»²⁴⁷. Большое значение в формировании социального самочувствия имеет субъективная оценка человеком, как собственного положения, так и положения группы, с которой он ассоциирует себя. «В современных условиях Северного Кавказа такой группой обычно является этническая общность. Глобализация привела к росту ожиданий населения, поскольку она приблизила в социальном смысле и сделала достижимыми стандарты потребления экономически развитых стран»²⁴⁸.

«Несоответствие растущих ожиданий населения и ресурсных возможностей удовлетворения этих ожиданий, на Северном Кавказе, является чрезвычайно острым и определяет высокий уровень социальной депривации. Конкретные формы протеста населения сами по себе являются лишь реализацией накопившегося социального недовольства, однако практическое осуществление протестной активности сопряжено с обязательным наличием достаточно развитых политических субъектов, например оппозиция в лице

²⁴⁶ Кавказский Узел: «Институт проблем молодежи» Кабардино-Балкарии исследовал социальное самочувствие молодых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/142998/> (дата обращения: 19.12.2019).

²⁴⁷ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

²⁴⁸ Там же.

национальных общественных движений»²⁴⁹. Принимая во внимание степень влияния элит, как на население субъектов РФ, так и на властные структуры, необходимо формировать такую систему взаимодействия этих структур и центральной власти, которая бы направляла деятельность элит на улучшение социального самочувствия населения.

Даже в условиях относительного социального благополучия массовых социальных групп существуют условия для конфликтных проявлений в этнической сфере, поскольку сохраняется существенная диспропорция между большинством населения и наиболее обеспеченными слоями. Эта ситуация воспринимается как несправедливая, особенно в случаях, когда представители обеспеченных групп позволяют себе демонстративно пренебрежительное отношение к другим людям (наглядное нарушение законов или общепринятых норм поведения). Принадлежность представителей такой группы одновременно к этническим «иным» канализирует протестные настроения в этническое русло. В случае использования подобных конфликтных ситуаций этническими элитами проблема приобретает этнополитический характер.

«Наиболее вероятным направлением развития конфликтов в регионе в случае ухудшения социально–экономической ситуации является конфронтация по линии «население – власть». Достаточно высока вероятность выступлений, направленных против власти даже в том случае, если конфликт начался в другой сфере (экономические или этнические отношения). Рост конфликтного потенциала в значительной степени определяется усилением в условиях социально-экономического кризиса депривации массовых социальных групп. Усиление чувства несправедливости происходящего как лично с собой, так и со своей этнической общностью провоцируется ухудшением экономической ситуации, но затем становится относительно автономным процессом»²⁵⁰.

²⁴⁹ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук). С. 183-187.

²⁵⁰ Там же.

Взаимосвязь социального самочувствия и этнополитического процесса является достаточно сложной. Даже в условиях относительного социального благополучия сфера межэтнических отношений остается потенциально конфликтоопасной. Позитивная оценка собственной жизненной ситуации может сочетаться у человека с депривацией, вызванной его оценкой состояния ближайшего социального окружения или «своего народа в целом». При этом сохраняется возможность сознательного направления заинтересованными в дестабилизации политическими силами протестных настроений в русло межэтнических отношений.

2.3. Политическая лояльность в рамках неинституированного политического процесса

Автор диссертационного исследования понимает этническую идентичность в соответствии с трактовкой Г. У. Солдатовой: этническая идентичность – это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. Она должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» - этническое бессознательное²⁵¹. Значение этнической идентификации в современных условиях определили О. Волкогонова, И. Татаренко: согласно современной теории аффилиации, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе. «Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества семейная и этническая принадлежность (восприятие себя членом «семьи» - маленькой или большой) становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда – повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, «охранение» и обособление своей национальной мифологии, культуры, истории от других»²⁵². Существенное влияние на этот процесс оказала глобализация. По мнению М. В. Саввы, «главными факторами наблюдаемого повсеместно «взрыва этничности»

²⁵¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: «Смысл». 1998. С. 43.

²⁵² Лебедев С. Г. Этнонационализм в системе политических процессов трансформирующихся обществ. Дисс. ... канд. полит. наук. Иваново, 2004. С. 13.

стали индустриализация, урбанизация и «информационная революция» - качественное изменение информационной среды, значительно возросшая скорость передачи информации и увеличение ее объема. В результате развития индустриальной цивилизации ослабляются или исчезают многие социальные связи. Становятся менее прочными браки, отдаляются друг от друга родственники, прерывается связь поколений. Но человек как социальное существо продолжает остро нуждаться в защите и поддержке. Повышение значимости этничности является своеобразной компенсацией других социальных отношений. Люди как бы «уходят» в свою этничность - причастность к этнической общности дает необходимые ориентиры и опору в жизни, ощущение защищенности, а иногда национальные связи помогают решать вполне конкретные житейские проблемы»²⁵³. Политические процессы должны анализироваться с учетом «этнического парадокса современности». В последние десятилетия в глобальном масштабе этничность резко расширила свое присутствие во всех сферах жизни человека и общества, в том числе в политике.

Россия находится в ситуации политического транзита. «В настоящее время осуществляется одновременно несколько масштабных взаимосвязанных процессов перехода: от патерналистского типа государства к субсидиарному, от контролируемой государством экономики к свободному рынку; от общества с высоким удельным весом элементов традиционной культуры к модернизированному постиндустриальному обществу. Подобным переходам сопутствуют изменения в социально-психологической сфере: смена идеалов, ценностных ориентаций, установок поведения. Для этого периода характерны политическая нестабильность, рост напряженности, периодически переходящие в конфликт»²⁵⁴. Н. М. Лебедева подчеркивает определяющую роль социальных

²⁵³ Савва М. В. Этнический статус: анализ социально-политического феномена. Дисс. ... д-ра полит. наук. М., РАГС. 1999. С. 7.

²⁵⁴ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук) // С. 183-187.

категорий в изменениях идентичности: для того, чтобы произошли серьезные изменения в идентичности (социальной, этнической, личностной) необходимо радикальное изменение социальных категорий в обществе, служащих основой многообразных процессов идентификации личности. Такие изменения, безусловно, имели место на пространстве бывшего Советского Союза. Исчезла самая крупная социальная категория, с которой прежде вольно или невольно идентифицировался человек, живущий в СССР, а именно – «советский народ», исчезли значимые прежде социальные категории идеологического характера, неизмеримо больший вес и значение приобрели такие формы групповой идентичности, как этническая, гражданская, религиозная, региональная; возросла значимость личной идентичности²⁵⁵.

В полиэтничном регионе наряду со множеством факторов, определяющих такую ситуацию, большую роль играют этнополитические. К таким факторам относится этническая идентификация и самоидентификация. В период административно-бюрократического правления насаждался унитаризм и однообразие в развитии этнических общностей. Процессы демократизации способствовали открытому выражению накопившегося недовольства в национальной политике и поисками виновных. В подобной ситуации достаточно легко осуществляется направление социального недовольства в сферу этнических отношений. Происходят процессы обострения проявлений «национального самосознания», продиктованного стремлением реализовать собственные социальные, национальные интересы, что приводит к напряжению в межнациональных отношениях с последующими конфликтами.

В отечественной науке достаточно часто можно встретить утверждение, что все конфликты возрастают на экономической почве и лишь потом обретают

²⁵⁵ Лебедева Н. М. Этническая толерантность в поликультурных регионах России: [Монография] / Лебедева Н. М., Таболина Т. В., Гаюрова Ю. А. [и др.] ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. акад. наук. Науч. изд. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. С.10.

политический и межнациональный характер. Этот основанный на постулатах марксизма подход к пониманию природы конфликтов, по мнению автора, достался российской науке в наследие от науки советской. С ним можно было бы согласиться, если бы не 70-летний советский опыт экономической унификации. Казалось бы, в межгрупповом сознании тогда должно было укорениться чувство удовлетворения общим равенством, снимая все поводы к противостоянию. Но поскольку равенство, как показала история, невозможно ни при каких политических устройствах государства, то и глубоко внутри СССР зрело, но тщательно скрывалось, негативное отношение к коммунистическому руководству, к всемогуществу красного партбилета и сопутствующей ему «зеленой улицы» для владельца наверх, к руководящим креслам и разнообразным льготам.

Недовольство людей, живущих в полиэтничном регионе, качеством своей жизни не приводит к конфликтам до тех пор, пока в общественном мнении не возникает (или не привносится) идея о «национальном вопросе» как причине низкого качества жизни. Далее многое зависит от институтов межнационального взаимодействия, которые должны перевести ситуацию из конкурентного, параллельного в интегративное состояние. Только это может создать условия для этнополитической стабильности и предотвратить назревание острого конфликта. Таким образом, усилия социологов, политологов, культурологов должны быть направлены на изучение и выработку практических рекомендаций по институционализации этничности в многонациональном регионе.

В ходе проведенного автором диссертационной работы экспертного опроса (характеристики исследования были описаны выше) была сделана попытка произвести ранжирование признаков идентичности в северокавказском социуме. Все эксперты указали на тесную взаимосвязанность и взаимообусловленность признаков, составляющих систему этнической идентичности. При этом для современных условий эксперты указали на особую и первостепенную значимость такого элемента системы этнической

идентичности, как групповая солидарность. Она трактуется в качестве элемента, имеющего высокую прикладную значимость. По мнению участников экспертного опроса, сильная власть, гарантирующая права личности, исключает необходимость использовать помощь группы. Власть обеспечивает поддержку человеку и, соответственно, человек при необходимости рассчитывает на власть. Для этого нужно создать условия, при которой власть станет сильной или избрать сильную власть, к которой у населения будет большой кредит доверия. Альтернативой доверию власти является всеобъемлющая власть, с жесткими методами контроля. Образцом такой власти является власть Советского Союза, вернее, система власти. При авторитарной власти снизился уровень групповой этнической солидарности, люди спокойно обращались к представителям власти для решения проблемных вопросов. Но в конце 80-х гг. XX в. вместе с началом кризисного периода, начинается кризис власти. Власть проявила себя, как слабая и ненадежная, что привело к увеличению интереса населения к своим этническим корням и групповому способу решения проблем. В этнической среде в одном социо-культурном и территориальном ареале всегда сильная этническая конкуренция такие статусные ресурсы, как земля или чиновничьи «кресла». Очень развито представление о «своих» и «чужих» в этнических группах и распределение этих ресурсов подчинено этим правилам. Даже в бытовых конфликтах и в таких же локальных противоречиях поддержку оказывают родственники, которые по определению принадлежат к «своей» этногруппе.²⁵⁶

В доказательство этому примеру отметим, что исследователи довольно давно отметили структурно-типологическое сходство между родственными и этническими группами. Например, Б. Барбер во время исследования стратификационной структуры, выявил, что в различных обществах родственные общности, а далее и их производные этнические общности

²⁵⁶ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

выполняют, по сути, одинаковые функции – репродуктивную – воспроизводство рода, функцию социализации подрастающего поколения, функцию психологической поддержки, статусную функцию и т.д.²⁵⁷.

Эксперты нашего исследования на второе по значимости место поместили общую систему ценностей. По мнению ряда экспертов, общая система ценностей играет большую роль, поскольку на ней основывается убеждение в позитивных отличиях своей этнической общности, то есть позитивная этническая идентичность. Другими словами, мнение о том, что представители какой-либо этнической общности превосходят других, основывается на убеждении, что они исповедуют более благородные, правильные и высшие ценности. Представление о позитивном характере своей этничности в условиях бурных социально-политических трансформаций и потерь становится чрезвычайно значимым, поскольку иногда остается единственным «островком позитива» в системе идентичности личности. Религиозная принадлежность входит в общую систему ценностей этнической общности.

Значение языка как элемента этнической идентификации существенно ниже по сравнению с уже приведенными. Эксперты приводили примеры, когда незнание языка своей этнической общности не мешало человеку воспринимать себя в качестве носителя определенной этничности. В этом же качестве этого человека воспринимали другие члены этнической общности.

Таким образом, проведенный автором экспертный опрос помог осуществить ранжирование элементов системы этнической идентичности в своеобразных социально-политических условиях Северного Кавказа. По убыванию значимости для членов этнических общностей эти элементы располагаются следующим образом:

²⁵⁷ Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: «Прогресс». 1972. С. 240.

- групповая солидарность (чувство причастности индивида к группе и обязательства по защите индивида группой);
- общая система позитивных ценностей (включая конфессиональную принадлежность);
- представление об общем происхождении;
- принадлежность к общей «родной» территории;
- язык.

Известно, что национальная идентичность – результат взаимодействия этнических и политических компонентов. «Национальная идентичность, по существу, включает своих этнических или культурных предшественников в собственно политическую конфигурацию»²⁵⁸. Таким образом, национальная идентичность предполагает в равной мере как культурную, так и политическую идентичность. Но существует базовое различие между культурной и национальной идентичностью, которое заключается в том, что в основе культурной лежит институционализированное сознание, влияющее на политическую конфигурацию всего общества, а в основе национальной идентичности – национальное сознание, являющееся источником процессов идентификации и дифференциации. По своей природе национальная идентичность объединяет признающих ее людей, которые воспитываются в одном социо-культурном пространстве²⁵⁹.

Для представителей северокавказских этносов большое значение имеют такие понятия, как «земляк», «местный». Под местными следует понимать институты, способные выступить в качестве посредников при разрешении конфликтов, размыть пограничные зоны между этно-группами. Эти институты могут иметь как формальный, так и неформальный характер, но их общая

²⁵⁸ Халюзин В. А. Динамика политической жизни традиционного общества: на примере Северного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Пятигорск. 2011. С. 112.

²⁵⁹ Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис. 1999. № 6. С. 99-100.

задача – не допустить перетекание конфликта в вооруженное противостояние или открытое насилие. Функции таких институтов чаще всего берут на себя представительства духовенства, переговорщики, способные договориться о формальном или неформальном разделе власти и доступе к ресурсам (сообщественная демократия по А. Лейпхарту), активные транснациональные сети доверия, власти или выгоды, достаточно влиятельные, чтобы подавить этнические притязания. «Но на Кавказе эти сети, которые в большинстве случаев имеют интернациональный характер и потому в известной степени содействуют общественной безопасности, довольно часто складываются в «теневой» или криминальной экономике»²⁶⁰. И наше экспертное исследование показало, что, как ни странно, при определенных условиях криминальные сообщества укрепляли, хотя и ненадолго, стабильность в районах этнополитического риска. Интернациональный характер неформальных «теневых» институтов участники экспертного опроса объясняли как экономическими факторами, так и традицией. К экономическим факторам относятся, например, узкие рамки экономик всех субъектов Федерации на Северном Кавказе. Активная и прибыльная экономическая деятельность предполагает здесь обязательность кооперации в региональном масштабе. В свою очередь, это требует создания и поддержания устойчивых отношений с «теневыми» институтами других республик. При этом, например, криминальные полиэтничные сообщества не распадаются, как правило, даже в ситуации конфликта на соответствующей территории. Региональной традицией являются отношения побратимства («куначество») между представителями разных взаимодействующих этнических общностей.

Многолетние исследования социально-психологического состояния общества в регионе позволяют нам снять возможную разницу между

²⁶⁰ Ушаков С. В. Социокультурный анализ этнополитического конфликта: на примере конфликта в Чеченской Республике. Дисс. ... канд.полит. наук. Ставрополь, 2004. С. 132.

понятиями «самосознание» и «самоидентификация». На региональном материале они обретают более синонимичный характер.

«Понятия этничности и этнической идентичности определенно относятся к понятию социальная группа, вернее к определенному критерию, по которой выделяют эту социальную группу. Для вычленения или определения отдельной социальной группы, как правило, используются такие критерии, как общность языка, культуры, конфессии, и другие характеристики»²⁶¹. В эмпирических исследованиях определяющими чертами национальной общности доминируют этнические признаки: язык, культура, обычаи.

По мнению респондентов, опрошенных в Карачаево-Черкесии в 1993 году²⁶², политика игнорирования десятилетиями национальных проблем, в их числе изучение родного языка, привели к размыванию этого элемента этнической идентичности. Только половина, а то и меньше опрошенных абазин, ногайцев, карачаевцев, черкесов говорят и пишут на родном языке. Треть опрошенных, говорят на родном языке, но писать не могут. Последующие исследования свидетельствуют о том, что ситуация с языками не изменилась. Вероятно, отмеченное выше снижение значимости языка в качестве «этнического маркера» определяется, среди прочего, объективным снижением уровня его бытования. По мнению экспертов, в условиях роста национального самосознания этносов растет потребность в возрождении культуры, истории, этнографии, национальной литературы. Отсутствие научной литературы по истории, этнографии народов республики позволяет отдельным представителям народов заниматься пропагандой выгодного этнического аутостереотипа, националистической трактовкой истории своего народа. Одним из признаков самоидентификации жители республики считают национальность в паспорте. Появление новых паспортов без указания национальности вызывает недовольство со стороны многих представителей титульных народов

²⁶¹ Хесли В. Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. 1996. № 6. С. 41.

²⁶² Социологическое исследование: Проблемы межнациональных отношений. М., 1993.

Карачаево-Черкесии. По мнению респондентов, это свидетельствует об ущемлении национального достоинства «коренных жителей республики».

В Дагестане в условиях реальной полиэтничности значение этнической принадлежности настолько велико, что опрошенные нами эксперты, отметили следующую особенность поведения жителей этой республики: называя в разговоре кого-либо – неизвестного собеседника, рассказчик почти всегда называет его этническую принадлежность. В случаях, когда упоминается человек, родители которого относятся к разным этносам, рассказчик обязательно называет национальность, как отца, так и матери. Отметим, что элементы такого вербального поведения характерны для населения других республик Северного Кавказа, однако, наиболее ярко они выражены именно в Дагестане. Автор связывает это с наиболее высоким индексом этнической мозаичности данной республики.

Если выделить «четыре "этнических источника", питающих этническое самосознание: "родовой", "психологический", "культурный" и "социальный", то при органической взаимосвязи этих источников выявляется их известная автономия. "Родовой" источник, питаемый сознанием общности происхождения и исторических судеб народа, есть продукт социально-биологической природы, объединяющий "своих по роду и племени" в своей или иноэтнической среде»²⁶³. Стремление к формализации своей национальности они связывают с вопросами демократизации общества, провозглашением суверенитета, решением своих национальных проблем.

Наиболее ярко влияние политических процессов на этническое самосознание может быть выявлено на примере Карачаево-Черкесской Республики. Концепция суверенизации в начале 90-х гг. XX в. стала

²⁶³ Шарапов В. В. Структура и функции этнического самосознания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. №. 10. С. 189.

доминирующей в политике этнических элит Карачаево-Черкесии, возбуждала национальное самосознание. В этот период политическое руководство республики не имело стратегии отношения республиканской власти к проблеме суверенитета. Этнический фактор стал играть решающую роль в политической жизни республики. Первоначально совпадающие, интересы развития демократии и национально-общественных движений стали все более расходиться. Кроме этого, было нарушено взаимопонимание между национально-ориентированными общественными движениями в республике. В значительной степени напряженность создавалась и создается национальными элитами. Стремясь к власти, большинство из них прикрывались защитой национальных интересов, создавали конфликтную ситуацию. В Карачаево-Черкесии понятие суверенитета используется местной элитой в качестве символа для обеспечения себе места в политическом пространстве. «Картина национально-этнической напряженности усугубляется еще двумя проблемами. С большим трудом решаются вопросы практической реабилитации репрессированных народов, равно как и немногочисленных народов, по отношению к которым должна быть выработана этносберегающая политика»²⁶⁴. «Незавершенность политической реабилитации оказывает существенное воздействие на этническую идентификацию: старая травма и передающиеся через историческую память представления о ней компенсаторно активизируют поиск позитивных характеристик идентичности своего ранее репрессированного этноса. Помимо этого, требования реабилитации, имеющие в значительной степени символически-психологический характер, воспринимаются как чрезмерные представителями других этносов региона. В конечном итоге это приводит к росту конфликтного потенциала в межэтнических отношениях»²⁶⁵.

²⁶⁴ Вельм И. М. Этническое самосознание в структуре менталитета: опыт социально-философского анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 4. С. 12.

²⁶⁵ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук). С. 183-187.

В начале 1990-х гг. и позже, политическая ситуация в такой модельной для Северного Кавказа республике, как Карачаево-Черкесия, отличается сложностью политических и этнополитических процессов. Провозглашение свободы каждого народа, самореализация духовного потенциала стали возможны в условиях суверенизации. Рост национального самосознания – процесс противоречивый, не всегда последовательный. Результаты исследований показывают высокий уровень, политизированности мышления значительной части населения в те годы и в настоящее время. Предельно упрощаются сложнейшие общественные процессы, сводя все к одной схеме борьба – результат, что позволяет манипулировать поведением людей²⁶⁶. И в основе такого рода борьбы – этнополитические проблемы, которые сводятся к верховенству одной нации над другими или провозглашению отдельных автономий. Все вышеизложенное свидетельствует о наличии острых межнациональных проблем в республике. Исследования показали, что большинство опрошенных признают наличие межнациональных проблем, причем показатели по этому вопросу остаются стабильными в течение нескольких лет (1993-1996 гг.) – это, в среднем, 70% населения (77,1 % в 1997-1998 гг.).

Процесс самоидентификации народов Карачаево-Черкесии связан не только с сохранением языка, культуры, истории, но и соблюдением коллективных прав народов. Национальная проблема в полиэтничном регионе требует особо «пристального внимания на каждом изменчивом историческом этапе его развития»²⁶⁷. В основе спора в республике между народами нет национальной нетерпимости. Спорят о том, чтобы уравнивать права народов независимо от их численности. Они «настаивают на соблюдении не столько прав человека и гражданина, сколько их коллективных, этнических прав»²⁶⁸.

²⁶⁶ Социологическое исследование: Проблемы межнациональных отношений. М., 1993.

²⁶⁷ Темиров У. Э. Национальный вопрос – это национальные, этнополитические, этноэтнические, юридические отношения // Жизнь национальностей. 2018. № 3-4. С. 14-18.

²⁶⁸ Там же.

Эти проблемы являются наиболее сложными в национальной политике. И для их разрешения требуется понять, «что национальный вопрос включает в себе, как этнонациональные, так и этнополитические, юридические отношения»²⁶⁹.

По утверждению Э. Смита, «национальная идентичность может быть понятна только как результат взаимодействия между этническими и политическими компонентами»²⁷⁰. Исследования этого автора по исторической социологии национальной идентичности при реконструкции генезиса наций, начиная от их предшественников в этнических общностях, показали прямую взаимосвязь между ранних форм этничности с современными национальными идентичностями. В национальную идентичность включены этнические идентичности предков, которые интегрировались в политическую конфигурацию. То есть, в современности она состоит из традиций и альтернативных качеств договорной природы, которая задана политической идентичностью. В этом контексте следует понимать, что национальная идентичность предполагает, как культурную, так и политическую идентичность²⁷¹. Зачастую эти особенности не учитываются исследователями и формулируется ошибочный вывод о том, что в основе этнополитических конфликтах лежат не решенные этнонациональные проблемы, а не этнополитические.

Причиной этнополитического конфликта 1999 г. в ходе выборов высшего должностного лица Карачаево-Черкесии явилась этническая принадлежность будущего Главы республики. Конфликтующие стороны в течение 7 месяцев вели борьбу, настаивая каждый на своем варианте урегулирования конфликта: карачаевцы – на вступлении В. М. Семенова на должность Главы республики,

²⁶⁹ Темиров У. Э. Национальный вопрос – это национальные, этнополитические, этноэтнические, юридические отношения. С. 14-18.

²⁷⁰ Тороканова Ф. Сущностная характеристика национальной идентичности // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 2. С.41.

²⁷¹ Кузнецов К. А., Щелин П. А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 31-36

черкесы – на отделении или вхождении черкесских районов в состав Ставропольского края. Стратегия каждой конфликтующей стороны в конфликте 1999 г. состояла во включении в конфликт центральных органов и отдельных должностных лиц, то есть его институционализация.

Необходимо отметить, что каждая из конфликтующих сторон была четко структурирована – имелись штабы, политические лидеры, многотысячные, бессрочные митинги представителей абазинского, черкесского и части русского народов, пикет карачаевцев, направленный против министра внутренних дел. С уверенностью можно было сказать, что предстоящие выборы президента республики будут сопровождаться очередными этнополитическими конфликтами.

Можно с уверенностью констатировать, что после этнополитических конфликтов в Карачаево-Черкесии, подобных тому, что произошло в 1999 г., был достаточно длительный период высокой межэтнической напряженности. По результатам социологических исследований (2001 г.) индекс напряженности в республике был высоким и составлял 59,8%. Наиболее высокий удельный вес в социальной напряженности занимают этнические, политические факторы. В настоящее время он равен 53 %.

Основными субъектами социальной напряженности в республике являются группы, возложившие на себя ответственность за выражение мнения своей этнической группы или уполномочившие себя (политическая, экономическая, интеллектуальная элиты, ассоциированная с ними власть). Они монополизировали права на институционализацию политических и этнических интересов, при этом под видом интересов доверителей могут защищать свои собственные интересы.

Политические конфликты сложны для анализа в связи с множественностью и сложностью интересов участников борьбы в полиэтничном регионе. Эта борьба приобретает ожесточенный характер даже в том случае, когда требования этнических групп не носят радикального характера (как это было в 1999 г. в Карачаево-Черкесской Республике). Как

правило, ответной реакцией власти на требования этнических элит бывает ужесточение политики по отношению не только к национально–общественным движениям, но и к большим группам представителей этих этносов, прибегая к принуждению и подавлению. Результатом такой политики становится радикализация требований лидеров меньшинств, и начинает в полной мере проявляться кумулятивный эффект конфликта.

Этнополитические конфликты в Карачаево-Черкесии носят ценностный характер, потому что власть представляется здесь, как общественно значимое благо или ценность. Ценность власти представляется инструментальной, в данном контексте, потому, что власть рассматривается, как средство достижения всевозможных благ, высокого статуса, всевозможных целей или просто в виде господствующей ценности²⁷².

Сложнейшей проблемой для республики являются вопросы регулирования и разрешения конфликтов. Как было указано выше, после выборной кампании 1999 г. в республике этнополитический конфликт продолжался в течение 7 месяцев. Противостояние конфликтующих сторон усугублялось тем, что каждая из сторон рассчитывала на помощь чиновников из федерального центра, влиятельных политиков, журналистов. Достигнутое соглашение, в основе которого был компромисс, не сняло основных противоречий, а устранило лишь отдельные моменты конфликта. «Разрешение конфликта – это не просто ослабление его насильственного и разрушительного потенциала, но устранение онтологического содержания самого конфликта, его предмета, его почвы»²⁷³. Автор полагает, что более корректно говорить не о разрешении, а об урегулировании этнополитического конфликта.

²⁷² Коблева З. Х. Политическая власть: сущность и основные характеристики // Информация как двигатель научного прогресса: сб. ст. Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во: ООО «ОМЕГА САЙНС». 2018. С. 159-161.

²⁷³ Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Изд-во УРСС, 2000.С. 203, 204.

Наряду с управленческими аспектами урегулирования конфликтов в современной конфликтологии, под руководством профессора Е. И. Степанова, созданы технологии и процедуры управления конфликтами. Определенный интерес для наших условий имеет регулирование этнополитических конфликтов. Особую значимость приобретает компромисс. Компромисс в нашем понимании – нахождение способов, способствующих уменьшению, смягчению жесткого противоборства. На основе компромисса была сформирована исполнительная власть, законодательная. В то же время ухудшение экономической и политической ситуации в Карачаево-Черкесии, кадровая политика президента и его администрации, рост преступности, коррупции, рост теневой экономики, теневые процессы в политике, в правовой сфере, в сфере высшего и среднего образования в течение длительного периода вели к отчуждению людей от власти, резко ослабляли эффективность закона, затеняли всю социальную систему²⁷⁴.

Напряженность в этнополитической сфере в Карачаево-Черкесии нарастала в течение 2000–2008 гг. Одна из сторон конфликта (черкесы, абазины и часть русских) была недовольна ситуацией, в которой она оказалась за последние два года. Часть русских и карачаевцев, которые поддерживали во время избирательной кампании президента, перешли в оппозицию. Напряженность начала перерастать в конфликт между властью и оппозицией. В данном случае компромисс был ограничен во времени и в политическом пространстве. По мнению большинства конфликтологов, компромисс является неотъемлемой частью разрешения или урегулирования конфликтов. «Они не исчерпывают полностью предмет конфликта, в особенности, если речь идет о принципах и ценностях»²⁷⁵. Компромиссы каждой из конфликтующих сторон воспринимаются как уступка, не гарантирующая мирного исхода. «Компромиссы в республике не ведут к политическому консенсусу, как

²⁷⁴ Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. С. 203-204.

²⁷⁵ Там же.

способу принятия политического решения, при котором решение большинства не имеет силы, если возражает хотя бы один из участников»²⁷⁶. В полиэтничной ситуации один из участников возражает почти всегда.

Рассматривая зафиксированный уровень протестной активности в Карачаево-Черкесии, следует учесть некоторые моменты. Например, падение жизненного уровня может увеличить уровень протестного поведения. Социальное недовольство, создавая напряжение, может перейти, как мы уже указывали в предыдущей главе, в те или иные виды протестного сознания. Социальное и политическое состояние респондентов, по данным многолетних исследований, оказалось очень подвижным. Оно испытывает колебания под влиянием психологических и идеологических факторов. К их числу нужно отнести воздействие СМИ, обещания национальных лидеров, движений, партий.

«Основными субъектами этнополитического конфликта в республике являются группы, выражающие мнение своего народа или присваивающие себе это право (элита)»²⁷⁷. Главное в действиях этих групп и лидеров – мобилизация по национальному признаку в целях достижения политической власти. «Такая этнизация политики является серьезной угрозой не только для детонации этнического конфликта по конкретным проблемам, но и может вызвать длительную межэтническую войну. Остроту межэтнических конфликтов может усилить поддержка из этнической солидарности одной из групп, участвующих в столкновении, со стороны родственной этнической общины за рубежом»²⁷⁸.

Особенностью конфликтогенной ситуации в Карачаево-Черкесии являются не только межнациональные, но и внутриклановые столкновения.

²⁷⁶ Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. С. 203-204.

²⁷⁷ Эбзеев А. А. Анациональные дисфункции конфликтов и их политические последствия на Северном Кавказе // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 26-30.

²⁷⁸ Григорян Д. К., Ароян А. С., Веренич И. Г., Островский В. А. Роль этнополитических элит в возникновении и развитии межэтнических конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 79.

Идентификация участников конфликтов произошла еще с начала 1990-х гг., с тех пор субъекты конфликтов, за редким исключением, не менялись.

Придерживаясь методологии Е. И. Степанова и ряда других ученых, для полной характеристики субъектов конфликта в республике, мы остановились на количественном и качественном уровне состава национальных общественных организаций, объеме ресурсов и т.д.²⁷⁹. Как правило, состав национальных общественных организаций не превышает нескольких десятков членов, но в период конфликтов он растет. С приближением выборов меняется и качественный состав: в них вливаются финансисты, политики, руководители частных и акционерных предприятий и т. д. Отличительной чертой каждой из конфликтующих сторон является жесткость декларируемых требований, прикрываемая защитой национальных интересов.

Интересный методологический подход к проблемам разрешения конфликтов на Северном Кавказе разработал Цюрхер Кристоф, преподаватель и научный работник Института восточноевропейских исследований Берлинского свободного университета. По его мнению, большинство авторов заняты проблемой «горячих» конфликтов, но «нет работ, где бы исследовались бесконфликтные исходы»²⁸⁰. Он считает, что «любая компаративная схема, претендующая на охват общих причинных связей, обречена на провал, если в ней не учитывается значение "местного"»²⁸¹.

Изучив этнополитические конфликты в Карачаево-Черкесской Республике, можно сформулировать некоторые выводы и предложения:

- этнополитические и социальные конфликты в республике имеют тенденцию повторяться через 3-4 года, что дает основание говорить об

²⁷⁹ См.: Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы: (По результатам исслед. проектов) / Степанова Е. И.; Рос. акад. наук, Центр конфликтологии, Ин-т социологии. М.: ИС, 1996.

²⁸⁰ Цюрхер К. Мультикультуризм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Политические исследования. № 6. 1999. С.105, 114-115.

²⁸¹ Там же.

определяющем влиянии электорального цикла на уровень этнополитической конфликтности;

- этнические элиты, недопредставленные, по их мнению, во власти, готовят свои народы к противостоянию с существующей властью с тем, чтобы ключевые позиции во власти заняли представители их этнической общности;

- в общественном сознании народов полиэтничной республики процесс идентификации связывается не только с сохранением атрибутики национальной принадлежности (психологический аспект), но и главным образом с политическими процессами (этнополитический аспект);

- характер взаимодействия конфликтующих сторон обуславливает эскалацию этнополитического конфликта. При этом предметом спора чаще всего является верховная власть в субъекте РФ для каждого этноса.

Некоторые аспекты этнической идентификации проявляются в отношении представителей различных этносов к республиканской власти. Восприятие власти в качестве «своей» и, соответственно, выражение лояльности к ней типично для Северного Кавказа. Однако уточнять особенности этого «этнического аспекта» отношения к власти необходимо на материалах количественных исследований. Автор использует результаты репрезентативного опроса населения Карачаево-Черкесской Республики, проведенного в 1998–1999 гг. Данное исследование актуально для нашей диссертационной работы в связи с тем, что оно зафиксировало состояние этнического самосознания в период острого этнополитического конфликта, связанного с противостоянием двух кандидатов на пост Главы республики.

Табл. № 16

Оценка власти представителями этнических общностей

(в % к числу опрошенных)²⁸²:

²⁸² Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // Материалы из личного архива автора.

№	Варианты	Абазины	Карачаевцы	Русские	Черкесы	Ногайцы
1	Профессионально грамотные люди	3,5	9,7	3,7	1,4	4,0
2	Строго выполняют должностные обязанности	2,5	5,6	3,4	2,1	4,0
3	Защищают интересы республики	1,5	5,3	1,9	4,3	12,0
4	Интересы республики ставят выше личных	2,3	2,8	2,3	2,1	4,0
5	Увеличили количество рабочих мест	0,0	5,6	1,1	0,0	0,0
6	Власть коррумпирована	89,0	44,0	91,0	85,0	28,0
7	Защищают интересы свои и определенных групп	82,6	60,0	77,8	74,9	52,0
8	Работают на себя и свое окружение	99,5	63,9	87,6	74,9	32,0
9	Невысокий профессионализм	73,2	80,8	85,0	86,1	16,0
10	Низкие деловые качества аппарата	87,9	72,2	74,1	80,2	24,0
11	Расстановка кадров не отвечает интересам народов КЧР	76,3	89,1	70,7	76,7	32,0

Как показывают приведенные в таблице процентные распределения ответов на вопросы, по некоторым позициям существенных различий в ответах представителей разных этносов нет, за исключением ногайских респондентов. Для последних характерна в целом высокая лояльность к республиканской власти. В то же время наблюдаются существенные различия в оценках власти между карачаевцами и другими этническими группами по таким позициям, как уровень коррумпированности, работа на себя и свое окружение. По таким позициям, как «профессионализм» и «деловые качества», карачаевские респонденты не выделяются на фоне респондентов другой этнической принадлежности. Автор диссертации предложил объяснить данное противоречие, выявленное в ходе количественного исследования экспертам при проведении экспертного опроса в 2009 г. По мнению экспертов, именно

восприятие власти карачаевскими респондентами как «своей» определяла их лояльность в ответах на данные вопросы. Такое объяснение является единственным в контексте этнополитической ситуации того периода, поскольку уровень коррумпированности республиканской власти того периода был чрезвычайно высоким. Эксперты предположили, что обвинения в коррумпированности и использовании служебного положения в личных целях расценивались респондентами как наиболее тяжелые и дискредитирующие власть²⁸³. Таким образом, именно эти обвинения нельзя было признать из соображений лояльности к ней. В то же время обвинение в низком профессионализме воспринималось как допустимое, менее дискредитирующее. Участники количественного опроса – карачаевцы признавали эту проблему власти ради сохранения собственной позитивной идентичности (как выразился один из участников экспертного опроса: «Нельзя же было все черное назвать белым»). Высокий уровень лояльности ногайских респондентов к власти по целому ряду позиций можно объяснить также этнической мотивацией – в тот период республиканская власть дала целый ряд обещаний по решению проблем ногайского населения.

Отношение к власти со стороны автохтонных этносов республики всегда отличалась высокой сложностью и динамичностью. В период проведения использованного нами количественного исследования черкесы, абазины обвиняли исполнительную и законодательную власть в игнорировании интересов малочисленных народов в избирательной системе, в кадровых вопросах. Карачаевцы требовали от власти осуществить политическую реабилитацию своего народа. Русские были недовольны главным образом кадровой политикой власти. При этом существующие у представителей каждого этноса проблемы объяснялись массовым сознанием именно этническим фактором, то есть целенаправленно негативным отношением

²⁸³ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

власти к данному этносу. Таким образом, отношение к власти было встроено в систему этнической идентификации.

Исследование этнической идентификации и самоидентификации как фактора политической напряженности позволило автору сформулировать ряд выводов.

Этничность была и остается общепризнанным и одним из наиболее ярких индикаторов различий между людьми. В большой роли этничности, по мнению автора, состоит специфика общественного развития всего Северного Кавказа, которая должна привлекать самое пристальное внимание конфликтологов. Самоидентификация и идентификация здесь высокоактуальна как на личностном, так и на групповом уровне. Основными в системе этнической идентификации являются следующие признаки: язык, общее происхождение, привязанность к общей территории, религия, общая система ценностей, личностная солидарность с группой и групповая солидарность по отношению к личности. По этим признакам личности достаточно легко атрибутировать, и в полиэтничном обществе они обеспечивают определенные групповые, коллективные права на политическое представительство, например, или на автономию. Ущемление этих прав с очень высокой вероятностью влечет за собой конфликт, позиционируемый как этнический.

«Этническая самоидентификация является важным фактором политической напряженности в современных условиях Северного Кавказа. Как процесс, так и результат этнической самоидентификации испытывают сильное влияние глобализации: повышается как значимость этнической принадлежности человека и группы, так и уровень позитивного восприятия «своей» этнической общности. При этом этническая самоидентификация в регионе тесно связана с "этнической территорией". Все политические процессы в регионе необходимо рассматривать с учетом этнического фактора, поскольку автохтонные этносы сохраняют память о субъективно понимаемых границах

своей "исторической родины"²⁸⁴. Символическое значение понятия «исторической родины» в регионе чрезвычайно велико. «Эффективной этнополитической стратегией в такой ситуации становится поиск вариантов взаимного удовлетворения территориальных интересов этнических общностей и государственных образований (республик, краев), например, так, как это произошло в Карачаево-Черкесии с созданием новых национальных абазинского и ногайского районов»²⁸⁵.

«Элементы системы этнической идентичности в своеобразных социально-политических условиях Северного Кавказа ранжируются по степени значимости в общественном мнении. По убыванию значимости для членов этнических общностей основные элементы этой системы располагаются следующим образом:

- групповая солидарность (чувство причастности индивида к группе и обязательства по защите индивида группой);
- общая система позитивных ценностей (включая конфессиональную принадлежность);
- представление об общем происхождении;
- принадлежность к общей «родной» территории;
- язык»²⁸⁶.

«В регионе большую роль в процессах управления этнополитическими конфликтами играют неформальные транснациональные «сети доверия». На Северном Кавказе эти сети довольно часто складываются в «теневой» или криминальной сфере»²⁸⁷. «При определенных условиях криминальные

²⁸⁴ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе. С. 183-187.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

²⁸⁷ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе. С. 185.

сообщества укрепляли, хотя и ненадолго, стабильность в районах этнополитического риска. Интернациональный характер неформальных «теневых» институтов определяется как экономическими факторами, так и традицией»²⁸⁸. К экономическим факторам относятся, например, узкие рамки экономик всех субъектов Федерации на Северном Кавказе. Региональной традицией являются отношения побратимства («куначество») между представителями разных взаимодействующих этнических общностей.

«На Северном Кавказе незавершенность политической реабилитации оказывает существенное воздействие на этническую идентификацию: старая травма и передающиеся через историческую память представления о ней компенсаторно активизируют поиск позитивных характеристик идентичности своего ранее репрессированного этноса. Помимо этого, требования полной реабилитации, имеющие в значительной степени символически-психологический характер, воспринимаются как чрезмерные представителями других этносов региона. В конечном итоге это приводит к росту конфликтного потенциала в межэтнических отношениях. В общественном сознании полиэтничных субъектов РФ Северного Кавказа процесс этнической идентификации связан не только с сохранением атрибутики национальной принадлежности (символически-психологический аспект), но и с политическими процессами, в частности, с процессами суверенизации, оформления государственного устройства (этнополитический аспект)»²⁸⁹. Конфликты в 90-е гг. XX в. в регионе стали формой взаимодействия и способом мышления этнических элит, общественных организаций, интеллигенции и других референтных групп. Политический конфликт – наиболее распространенная форма политического процесса в регионе. Практически все

²⁸⁸ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

²⁸⁹ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе. С. 186.

типы возникающих здесь конфликтов приобретают этнополитический характер. Политический конфликт рассматривается как форма политической борьбы этнических элит.

«В условиях глобализации этническая идентичность существенно актуализируется. Рост этнического самосознания является защитной реакцией на унификацию национальных различий и выражает потребность человека в причастности к группе. Традиционные культуры Северного Кавказа в настоящее время испытывают большие «модернизационные перегрузки», вызывающие дезадаптацию некоторой части представителей этносов региона и создающие условия для повышения конфликтного потенциала»²⁹⁰.

Роль государства в современных условиях должна сводиться не столько к подавлению сторон конфликта, сколько к устранению противоречий, ведущих к конфликту. Без научно обоснованных теорий и практик эта проблема не будет решена. Проблемы межэтнических отношений в полиэтничном регионе требует особо пристального внимания на каждом этапе исторического развития республики, а также понимания, что урегулирование конфликта предполагает комплексное решение как этнонациональных, так и этнополитических, правовых, социальных вопросов, активной работы с общественным сознанием. Позитивную роль в этом сыграло бы вмешательство третьей стороны в лице государственных структур России, общественных организаций.

²⁹⁰ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе. С. 186.

Глава 3. Политическая дезинтеграция и интеграция как векторы неинституированного политического процесса

3.1. Дезинтеграционный вектор неинституированного политического процесса

Процессы дезинтеграции политического пространства проявляются на разных уровнях, но наиболее очевидные из них – на межрегиональном (внутри российского государства) и внутрирегиональном (например, деятельность этнических движений на Северном Кавказе, призывающих к политической локализации и сепаратизму).

Распад Советского Союза и коммунистической системы в странах социалистического лагеря, а также дискредитация идей интернационализма оказали деструктивное влияние на процессы, протекающие на Северном Кавказе, дезинтегрируя общество. Дезинтеграционные процессы в полиэтническом обществе Северного Кавказа, учитывая геополитическую значимость региона, проявляются в виде этнополитической иерархизации. Большую роль в ходе дезинтеграционных процессов, как было показано выше, играет эндогамная и экзогамная делегитимизация руководящих элит. Низкая легитимность элиты морально компенсируется развитием внутри региона сетей или коопераций отдельных этносов, которые используют в качестве инструментов влияние и авторитет международных организаций, диаспор для разрешения межэтнических и социальных противоречий. Попытка заново запустить интеграционный процесс, обусловлена актуализацией накопленного опыта в процессе длительного периода истории мирного сосуществования этносов, на основе их общих геоэкономических и геополитических целей.

Помешать этому процессу может только, так называемый «эффект стервятника»²⁹¹. Все это говорит о том, что в современном политическом процессе и пространстве существуют политические силы, заинтересованные в достижении геополитического доминирования и иметь возможность управлять этнополитическими конфликтами внутри региона. Наиболее часто этими силами являются социальные силы внутрорегиональные, например, в 1990-е гг. такими силами являлся слой интеллигенции. Более того, говоря об интеллектуальном сегменте этноэлит, следует отметить, что они стояли у истоков всех современных национальных движений. Этнократические идеи, которые транслировала региональная правящая элита, дестабилизировала социальную и политическую ситуацию в регионе.

Бизнес-элита, политическая и светская элиты в межэтническом конфликте играли откровенно провокационную роль в отношении этнополитических движений. В период стабилизации этнополитической обстановки бизнес-элита, как ни странно, выполняет функцию интеграционную, а интеллигенция, напротив, функцию поддержания конфронтационных настроений, прикрываясь национальной идеей.

Политическая элита, в силу своего положения и возложенной на нее миссии старается поддержать мирные инициативы и политическую стабильность, при которой гарантируется ей руководящее положение. Хотя, в редких случаях, правящая прослойка может быть заинтересованной в культивировании национальной идеи для обеспечения направления к политическому суверенитету.

На государственном уровне немаловажное значение имеют ментальные структуры, проявляющиеся в комплексах или синдромах, но еще большую роль они имеют на региональном уровне, в частности на Северном Кавказе, где очень сильна инерция традиционализма. Политические процессы на Северном

²⁹¹ Андреев Н. И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2011. № 3. С. 70-81.

Кавказе невозможно правильно оценить, если не учитывать психологические особенности и факторы местных народов. Неправильное понимание этих факторов может повлиять на формы и способы политической жизни, а иногда даже может определять их, обуславливая деятельность политических элит и народов элиты.

Кроме выше перечисленных, при изучении процессов дезинтеграции на Северном Кавказе, следует не забывать о таких факторах, как: «экономические сложности переходного периода; социальные проблемы, приводящие к радикализации общественных настроений; активность потока мигрантов (в том числе возвращающихся в регион); снижение доверия к общероссийским и международным институтам, из-за их неспособности эффективно содействовать урегулированию региональных конфликтов»²⁹².

Все эти факторы тесно переплетаются в системе внутригосударственных и межэтнических отношений в регионе Северного Кавказа. Внутренние социально-экономические трудности, а также политическая нестабильность и страх перед неопределенностью, способствуют росту миграционных настроений в этом регионе и отток населения в центральные области России, а оттуда – в Восточную и Западную Европу.

Во второй главе нашего исследования мы очертили серьезные проблемы, связанные с институционализацией регионального конфликта. Именно по этой причине политическая интеграция на Кавказе не завершилась, а если быть точным – зашла в тупик. Элиты как больших, так и малых этносов здесь стремятся вести свою политику, подчиненную узким национальным интересам. Вследствие слабости межнациональных институтов, которые своей целью заявляли этнополитическую интеграцию, проводится политика, которую смело можно определить, как политика «просвещенного национального эгоизма». Более того, какофония интересов, а также подозрения в национальном эгоизме,

²⁹² Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

приводят к ренационализации политики внутри региона, а далее и застой в общекавказских интеграционных процессах. В результате вырисовываются две угрозы – эскалация новых межэтнических конфликтов и ослабление механизма посредничества и сотрудничества в межнациональных институтах.

Сдерживающим фактором, гарантирующим стабильность, выступают на современном этапе истории экономическая зависимость и связь с федеральным центром, а также моральные и символические связи с Россией, которая набирает влияние на международной арене. Влияние элементов российских государственных институтов в республиках Северного Кавказа усиливается год от года.

Следует обратить внимание еще на одно важное в контексте нашего исследования обстоятельство. Роль Кавказа определяется российскими учеными, как геополитическая константа, как элемент трансформирующихся конфигураций геополитики. Например, член-корр. РАН Ю. А. Жданов красноречиво определяет Кавказ, как «солнечное сплетение Евразии»²⁹³. В мире политической публицистики также ярко оценивается регион: «Кавказ – замковый камень в своде Российской империи. Выдерни его – посыплется все остальное»²⁹⁴. Но российский ученый мир противоречиво подчеркивает и, то обстоятельство, что у государства отсутствует «кавказская политика». Можно столкнуться с такими формулировками: «у России пока еще нет четкой и внятной политики по отношению к региону»²⁹⁵, «отсутствие у Москвы внятной политики на южнокавказском направлении»²⁹⁶ и т.п. Не созрело пока и понимание того, что этнополитика является константой, неременной частью геополитики России.

По мнению значительной части политологов, занимающихся проблемами региона, в мотивации основных субъектов геополитического поля доминирует

²⁹³ Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. Ростов н/Д., 1999.

²⁹⁴ Латынина Ю. Это – провал // Новая газета. 2005. 14 февраля.

²⁹⁵ Кобаля В. Россия захлопнула дверь к спасению // Независимая газета № 34, 2001. 24 февраля.

²⁹⁶ Хачатуров К. По собственному сценарию // Независимая газета № 24, 2001. 10 февраля.

энергоресурсный интерес. Так, А. Сваранц, рассматривая тему «Нефть и газ Каспия в геостратегии США», считает, что интерес Вашингтона и его активизация связан с интересом к энергоресурсам. Северный Кавказ не должен являться составной частью российского государства. Его внимание останавливается на роли исламского фактора, а точнее мусульманское население и многообразие мусульманских народов, которые являются препятствием в устремлениях американцев к нефти России²⁹⁷. При этом опускается вопрос об их собственном геополитическом потенциале.

Не секрет, что такой подход к рассмотрению роли Кавказа, существует и в самой Америке. Американские политики и экономисты также озвучивает интерес к энергоресурсам Кавказа. Ярким примером является мнение А. Коэна, который считает «Кавказ «геостратегическим регионом», в котором присутствуют интересы Запада, России и стран мусульманского мира (Турция и Иран). А причиной служит огромное количество энергоресурсов Каспия, попутно и Казахстана, а также транспортировка через территорию Кавказа на мировой рынок этих ресурсов, увеличивает роль этого региона²⁹⁸. После 11 сентября 2002 г. Запад констатировал появление «синдрома 11 сентября», который сформировал стереотип у западных политиков о том, что существует «исламистский террор», который представляет глобальную угрозу человечеству и ведет к столкновению двух цивилизаций: арабского мира и Запада. Такую точку зрения сформулировал Й. Фишер – германский политический деятель и аналитик. Справедливости ради следует отметить, что Й. Фишер озвучил точку зрения значительной части Западной политической элиты²⁹⁹.

Для кавказского региона поддержание подобных стереотипов ведет к всевозможным политическим коллизиям, равно, как и для всего остального исламского мира. Например, недавняя карикатурная война во Франции. Также

²⁹⁷ Сваранц А. Нефть и газ Каспия в геостратегии США // Независимая газета, 1998. 11 декабря.

²⁹⁸ Коэн А. Конфликты на Кавказе угрожают интересам США // Российская газета. 1998. 28 ноября.

²⁹⁹ Фишер Й. Новый мировой порядок для XXI века // Независимая газета. 2003. 23 декабря.

действия преступной группировки ИГИЛ на Ближнем Востоке и теракты в Европе, за которые эта группировка взяла ответственность, приводит к нарастанию страха в странах Европы и призывов опустить «железный занавес» перед мигрантами с мусульманских стран, где Запад совсем недавно проводил свои знаменитые «цветные революции» и пытался создать, так называемый, «управляемый хаос». Такая политика в странах Европы проявляется в ужесточении визового режима, в том числе для российских кавказцев. Данная проблема пока не озвучена во всеуслышание политологами теоретиками и практиками. Однако такие перспективы могут затруднить перспективы интеграции Кавказа в «цивилизованный мир», о которой Запад неустанно заявляет. Такой подход показывает отсутствие у Запада интереса к такой интеграции. Происходит геополитическая перегруппировка сил в мире, следовательно, изменится политика в отношении кавказского региона и бассейна Каспийского моря.

В 1989 г. этнолог В. А. Тишков, предположил, что народы России исторически отстали от народов Запада в вопросах национального самоопределения и этнической государственности. На Западе этот вопрос остался в прошлом³⁰⁰. Позже эти слова подтвердились теми событиями на Северном Кавказе, где требования национального самоопределения (от национального района до независимого государства) и по сей день остаются значимым фактором текущей политики.

Чуть позже была опубликована монография политолога К. С. Гаджиева «Геополитика Кавказа»³⁰¹, в которой автор также отмечает эти исторические особенности, а также приходит к выводу, что «многие угрозы национальной безопасности России» включая кавказские, «исходят изнутри самой России». Здесь же, К. С. Гаджиев останавливается именно на «исламском факторе», описывает проблемы реабилитации репрессированных народов, противоречий

³⁰⁰ Тишков В. А. Мы пропустили XX век? // Перестройка и национальные проблемы. Приложение к журналу «Новое время». 1989. Декабрь. С. 5.

³⁰¹ Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа: Монография. М.: Международные отношения, 2001. С. 47.

территориальных между этносами, сложности с ограничениями в количестве земли, неразвитость коммуникационных технологий и инфраструктур. Коснулся также вопроса создания сети подпольных военных лагерей в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии саудовцами в 90-е годы, хотя вызывают сомнения ссылки автора на каких-то «сведущих» людей³⁰².

Как мы уже подчеркивали, на Северном Кавказе внутренние движущие силы – интеллигенция, способствовали дезинтеграции в политическом, экономическом и социальном пространстве. Этот слой, как показывает история, очень часто стоит у истоков революционных конфликтов. «Не случайно в числе лидеров «первой волны» признанных и непризнанных государств такое обилие представителей интеллигенции – литераторы Звиад Гамсахурдиа (Грузия) и Зелимхан Яндарбиев (Чечня), филологи Абульфаз Эльчибей (Азербайджан) и Левон Тер-Петросян (Армения), доктора наук историк Владислав Ардзинба (Абхазия) и физик Аскар Акаев (Киргизия), композитор Витаутас Ландсбергис (Литва) и др.»³⁰³.

Хотелось бы верить, что причиной такой активности интеллигентных слоев в национальных движениях, является наличие готовности искреннего самопожертвования, глубокая любовь и эмоциональное восприятие обнажившихся проблем, желание вернуть и сохранить территорию, культуру и язык своего народа³⁰⁴. Жаль, что только во имя таких национальных идей приходится жертвовать не только интеллигенцией, но и значительной частью собственного народа. А для обычных людей на первом месте стоят такие тривиальные вещи, далекие от «великих идей», как жилье, работа, здоровье семьи, гармоничная окружающая среда, обеспечение будущего детей и внуков. Но, к сожалению, историю вершат и определяют цели именно активные национальные силы, а в нашем случае – интеллигенция. С помощью

³⁰² Гаджиев К. Геополитика Кавказа: Монография. М.: Международные отношения, 2001. С. 56, 258.

³⁰³ Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России: на примере Северо-Западного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2007. С. 51.

³⁰⁴ Тишков В. А. Мы пропустили XX век?. С. 54.

манипуляции и призывов, различных обещаний, эти силы побуждают население поступать в соответствии с убеждениями активных национальных сил.

Практически всегда интеллигентный слой является ударной силой межэтнических конфликтов. По мнению А. Кустарева, именно интеллигенция изобрела национализм и понятие «нации». Он отмечает, что у интеллигенции статус в обществе всегда неоднозначный и вызывает сомнения. Она способна сводить счеты с обидчиками, нагнетая напряженность. Она любит заниматься морализаторством, делая ценности объектом конфронтации. Часто профессиональные военные или боевики склоняются к миру, чем писатели. А. Кустарев приводит пример взаимоотношений между палестинскими писателями и израильскими военными³⁰⁵.

Именно в среде гуманитарной интеллигенции зарождаются идеологии, которые являются «спусковым крючком» в войнах Кавказа. Например, в Карачаево-Черкесии в 1990 г. по национальному признаку был расколот правительственный НИИ (ныне Институт гуманитарных исследований). Именно интеллигенция берет на себя ответственность идейно обосновывать необходимость интегрироваться или дезинтегрироваться. Например, «лидер черкесского национального движения, доктор экономических наук, профессор Б. Х. Акбашев во время «выборного кризиса» 1999–2000 гг. в Карачаево-Черкесии высказывал «научные обоснования» раздела этой республики.

Вспомним столкновения между абхазами и грузинами, которые начались, по «случайному» совпадению после публикаций в газетах мыслей В. Ардзинбы и З. Гамсахурдиа о том, на каком языке были сделаны каменные надписи местных памятников древности»³⁰⁶. В. С. Малахов и В. А. Тишков по тому

³⁰⁵ Кустарев А. Ставки и игроки // Политический журнал. 2004. № 34 (37). С. 5.

³⁰⁶ Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России. С. 53.

поводу сказали: «Дистанция между войной историков и филологов и войной настоящей исчезла»³⁰⁷.

Используя идеи этнического родства, эта же интеллигенция может способствовать интеграционным процессам. Способствовать в этом должна и бизнес-элита, роль которой в этих процессах весьма многогранна и сложна.

Можно согласиться, с широко известными утверждениями, что предпринимательство «войну не любит» и что «капитализм – это не война, а торговля», поскольку «капиталистическая культура изобрела другие методы конкуренции, захватов и подчинения». В регионе Северного Кавказа бизнес-элита была подспорьем интеллигенции и выполняла стимулирующую функцию в активизации национальных движений. Часто в политической борьбе кандидаты из среды бизнеса поддерживались представителями науки и наоборот. Например, в 1999 году на выборах главы Карачаево-Черкесской Республики один из кандидатов на пост главы – бизнесмен С. Дерев поддерживался лидерами черкесского национального движения во главе с профессором Б. Акбашевым, в команде которого были кандидаты наук - Х.-М. Хатукаева, А. Карданов, Р. Темиров и др. Президент России после ряда крупных скандалов на выборах глав республик Северного Кавказа вынужден был выступить с инициативой отмены выборности глав и назначению глав президентом. После того, как ситуация начала стабилизироваться, именно бизнес-класс предпринимал усилия по интеграции в регионе, а интеллигенция так и осталась носителем конфронтационных настроений. Уже в 2003 году данная тенденция проявилась в поддержке кандидата в президенты республики регионального магната М. Батдыева – карачаевца, которого поддержали клан братьев Деревых, группировка Хапсирокова – Арашуковых – Коновых и др.

Нельзя не сказать еще об одном субъекте политических интеграционных процессов – бюрократии. Эта социальная прослойка заинтересована в

³⁰⁷ Малахов В. С., Тишков В. А. Политическая антропология (рецензия) // Pro et Contra. 2001. Т. 5. № 3. С. 274.

удержании своих позиций, поэтому стремится поддержать мир всеми возможными способами. Только в том случае, когда бюрократию заинтересовывают в политическом суверенитете и росте бюрократической корпорации – она может поддержать национальные идеи. Если при этом ей сулят суверенность, которая позволит распоряжаться государственными ресурсами в личных целях, соответственно увеличив личный доход, то можно в несколько раз усилить тенденцию к сепаратизму и автономизации. Доходы бюрократии преимущественно складываются из государственного рэкета – налоги, таможенные пошлины, природная рента, внешняя помощь. Россия несет огромные потери от коррупционной составляющей в бюрократическом аппарате, которые сопоставимы с величиной расходной части бюджета³⁰⁸. Молодая местная бюрократия способствует обострению конфликтов и ситуацию трудно контролировать. В таких случаях бюрократия действует заодно с национальным движением. Например, вначале перестройки, когда выбирали государственное устройство бывшей Карачаево-Черкесской Автономной Области, которая отделялась от Ставропольского края, была предложена идея организации отдельной Карачаевской республики. Этот период совпал с началом чеченских событий, что позволило политикам СССР и местной элите, которая могла потерять контроль на осязаемом экономическом пространстве, просчитать негативные последствия.

Также чуть позже произошла активизация национального движения адыгов, которое благодаря поддержке зарубежной диаспоры, призывали ко всемерной интеграции «адыгских республик». Как ни странно, но эта идея также стала очень популярной и была поддержана бюрократией Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Спикеры высших законодательных органов этих трех субъектов РФ подписали 25 июля 1997 г. в Нальчике «Договор об образовании Межпарламентского Совета Республики Адыгея,

³⁰⁸ Полит-Информация: Профессор Руслан Абрамов: Потери от коррупционных явлений в России угрожающие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://politinform.su/20525-poteri-ot-korrupcionnyh-yavleniy-v-rossii-ugrozhayuschie.html> (дата обращения: 19.12.2019).

Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики». Лидеры этих республик всячески стремились дистанцироваться от вертикали власти тогдашней России.

Многие политологи не учитывают в политизации общества на Северном Кавказе роль духовенства, его активное включение в политический сегмент политической элиты. Если «активная фаза деятельности общественных организаций в начале 1990-х гг. была связана в первую очередь с политическими вопросами национального самоопределения, а проблемы религиозного самосознания автохтонных народов Северного Кавказа становятся актуальными в конце 1990-х-начале 2000-х гг. в связи с межэтническими конфликтами, чеченскими войнами, угрозой распада РФ»³⁰⁹. Причинами политизации духовенства являются, прежде всего, политизация религиозной жизни мусульман в 90-е гг. прошлого столетия, а также идеология и политика борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, а также признание властью угрозы национальным интересам России, исходящей от боевиков, стремящихся превратить Северный Кавказ в часть международного исламского халифата. Противодействие экстремизму и терроризму превращается в политическую борьбу, в которую привлекаются духовные религиозные деятели обоими сторонами конфликта. Тем самым, делая духовенство частью политического класса, которое также вступает в борьбу за влияние на политической арене, зародилась борьба между ролью духовенства и государственных силовых структур в борьбе за духовное и политическое лидерство, а также между официальными и неофициальными религиозными лидерами внутри религиозного сообщества.

Силовые структуры неформально противодействуют политизации духовенства на Северном Кавказе, препятствуют включению религиозной элиты в правящие круги северокавказских субъектов Федерации. Это

³⁰⁹ Базиева Г. Д. Духовно-нравственная культура народов Северного Кавказа в условиях глобализации // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 187.

способствовало тому, что идеологическое учение ваххабизма или по-другому салафизма проникло в религиозное учение на территории Карачаево-Черкесии в силу того, что руководители силовых органов республики, в свое время, отрицали религиозно-идеологическую политическую мотивацию приверженцев этого учения, хотя более чем очевидно, что усиление религиозного фактора часто «совпадает с переломными этапами общественного развития, с периодами ломки старого уклада жизни и рождения нового, сопровождающимися социальными потрясениями, духовными кризисами как общественного масштаба, так и на личностном уровне, вызванными утратой привычных ценностных ориентиров»³¹⁰. Чаще всего руководители используют устаревшие данные научных исследований по тематике религиозного экстремизма и в качестве причин экстремизма называют бедность, нищету, безработицу. Эти факторы были актуальны в конце 80-х-начале 90-х ХХ в. Сегодня причины роста экстремистских настроений обусловлены процессами глобализации в большей мере, нежели внутренними социальными противоречиями. «В течение нескольких лет произошло изменение и социально-демографического состава участников экстремистских бандформирований. Если вначале они формировались за счет маргиналов и некоторых представителей криминального мира, то сегодня активными участниками террористического подполья становятся студенты, рабочая молодежь, интеллигенция»³¹¹.

Можно предположить, что такое отношение к сложившейся ситуации силовых структур обусловлено заинтересованностью этих структур в

³¹⁰ Ветренко И. А. Политические проблемы управления «Российским Кавказом» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1(9). С. 121–126

³¹¹ Гаджимурадова Г. И. Социально-демографическая и политическая ситуация в регионах России в контексте актуализации экстремистских процессов радикально-религиозных направлений // Миграционные процессы в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического форума (Москва, 28–29 ноября 2017 г.) В 2-х т. Т. 1 / Под науч. ред. чл.-кор. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Экономическое образование, 2017. – 270 с.

причислении себя к правящему классу республики, т.е. мотивацией к недобросовестной оценке ситуации служит самая банальная конкуренция.

Конкуренция также проявляется в стремлении показать результат в борьбе с религиозным экстремизмом перед федеральным центром, демонстрации приверженности государственному курсу противостояния экстремизму. Известно, что религиозных деятелей также привлекают к деятельности по противостоянию этой угрозе и конкуренция с силовыми ведомствами также имеет место быть в достижении этих целей, так как действовать приходится в одном политическом пространстве и объект воздействия – население один и тот же. Упорство в обретении благосклонного отношения со стороны федерального центра и повышении своего статуса и карьерных ступеней заставляет действовать не сообща, а в форме конкуренции.

Разбирая причины экстремистских проявлений, не стоит останавливаться на социальных и культурных причинах, важным звеном в ряду причин является ментальный фактор, который лежит и в социальной и в психологической сфере. На этом факторе сказываются ожидания и амбиции, которые присущи великой державе и в то же время неоднозначное, порой унижительное отношение странами Запада к России, постоянные попытки игнорировать значимость нашего государства на международной арене. Эти противоречия приводят к тому, что усиливается настороженное, а порой и враждебное отношение к миру со стороны народа и растет количество людей и политиков, которые объясняют провалы во внешней политике всемирным заговором или интригами политических зарубежных элит. Е. Сатановский по этому поводу отмечает, что «революции и войны, включая мировые, как правило, следствие комплекса чьей-то неполноценности и неумения получить желаемое цивилизованным способом»³¹². Культура как фактор интеграции в настоящий период правильно оценивается и поэтому находит свое отражение в государственных концептуальных документах. Об этом говорится и в таком важном документе,

³¹² Сатановский Е. Призрак вышел из пустыни // Независимая газета. 2001. 20 ноября.

как «Стратегия национальной безопасности РФ до 2025 г.». В нем роль культуры в обеспечении национальной безопасности признается первостепенной. Культура, по мнению авторов этого документа, возрождает и сохраняет культурные и нравственные ценности, способствует духовному единению многонационального народа РФ, а также поддерживает международный имидж России, как страны с богатейшими традициями и современной развивающейся культурой, высоким уровнем патриотичности граждан³¹³.

Далее следует раскрыть структуры общественного сознания, которые определяют курс этнических групп северокавказского региона, а также сознание элиты этих групп, призывающих к национальному самоопределению. Ментальные характеристики, связанные с идентичностью того или иного народа оказывают либо интегрирующее влияние, либо наоборот – дезинтегрирует этническую общность. Этническая идентичность проявляется в нескольких аспектах:

- пространственно-временном, по линии «крови и почвы». Это означает историческую или родственную принадлежность к этносу и территориальную принадлежность

- политическом. Означает наличие национальной государственности;

- религиозном. Определяется принадлежностью к религиозной конфессии.

Главным отождествляющим признаком идентичности в регионе выступает язык, который подтверждает кровное родство или историческое. Язык выступает в качестве основы идей различных этнополитических союзов – в одних случаях, и в качестве размежевания – в других ситуациях. Например, на первых президентских выборах в Карачаево-Черкесии в 1999 г. произошло

³¹³ Консультант Плюс: Указ Президента РФ от 19.12.2012, № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 19.12.2019).

разделение электората по языковому критерию: карачаевцы и ногайцы – одна группа и абазины – черкесы – другая. Хотя, факт языкового родства в политической борьбе является второстепенным по значению фактором. Так абазины, абхазы и адыги (адыгейцы, кабардинцы и черкесы) вошли в Международную Черкесскую Ассоциацию. Но объединило их обоснованное теоретиками-языковедами родство в рамках адыго-абхазской языковой группы, которое ставится под сомнение культурологами, считающими, что абхазо-абазинский и адыгский этносы шли по самостоятельному пути своего развития вплоть до переселения абазин из Абхазии в Кабарду и Черкесию (XVIII в.). К тому времени абазины уже имели свою традиционную культуру, отличный от черкесского свой язык и черты национального менталитета. В дальнейшем ряд филологов возвели родство абазин и черкесов в ранг этнического, причислив оба этноса к адыгам и тем самым остановив объективные исследования в области как абазинского, так и черкесского этногенеза. Отголоски этого «политического объединения» имели последствия, скрытые от официальных властей: часть абазинской элиты считала, что их народ ассимилируется черкесами и реализовывала собственную этнополитическую стратегию, добившись, наконец, в 2009 г. выделения своей национальной автономии в составе Карачаево-Черкесской Республики – Абазинского района. Был создан прецедент, за которым последовало выделение Ногайского района.

По мнению некоторых ученых, язык как этнообразующий фактор в политической и идеологической практике будет в будущем только усиливаться. Так, Л. Ионин писал о том, что нацию связывает, прежде всего, язык, ради которого люди готовы идти на смерть³¹⁴, философ Ф. Розенцвейг считает, что язык значимей, чем кровь³¹⁵. Важно проводить правильную национальную политику, приближаться к развитой демократии. На Северном Кавказе народы, соревнуясь за «наследие» известных этносов древности, апеллируют к

³¹⁴ Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 112 с.

³¹⁵ Розенцвейг В. В. Язык для представления знаний, в котором утверждения имеют ограниченную область определения. М.: б. и., 1979. – 27 с.

языковому вопросу. Например, показательна дискуссия среди кавказоведов – медиевистов по поводу Зеленчукской плиты. Надпись на этой плите представители разных четырех языков – адыгского, карачаево-балкарского, осетинского и вайнахского «читают» каждый на своем языке. Каждый из представителей этих четырех языков пытаются отстоять и доказать принадлежность этой плиты именно своему этносу, опираясь на такие аргументы – наличие письменности у предков, тем самым подчеркивая высокий статус своего этноса.

В теории национальных движений большое значение имеет проблема автохтонности. Не смолкают полемики о тех этносах, которые считаются самыми коренными, особенно это относится к тем этносам, которые однозначно не идентифицированы по языку, как представители и носители археологических культур бронзового и раннежелезного веков. Спорят исследователи с одной целью – повысить статус своего этноса в условной иерархии автохтонности, и, следовательно, повысив статус своего этноса, можно претендовать на те, или иные земли.

Политолог А. Ю. Скаков утверждает, что у некоторых народов Северного Кавказа для сохранения национальной идентичности необходимо обладать определенными землями, которые в случае потери приведут к внутреннему кризису, который проявится в ощущении униженности у членов этноса³¹⁶. Но далее он недостаточно корректно сформулировал «национальную идею» - Абхазия как для адыгов, так и для абазин³¹⁷. Правильнее было бы к национальной идее адыгов отнести Северное Причерноморье, которую определили культурологи как прародину адыгов, а Абхазию – как прародину абазин. И далее, традиционно выводя формирование Кавказа как область постоянных угроз целостности России, А. Ю. Скаков предостерегает о том, что эти народы не смогут смириться с территориальным восстановлением Грузии и

³¹⁶ Скаков А. Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apsnyteka.org/1070-skakov_a_statji.html#1 (дата обращения: 18.12.2019)

³¹⁷ Там же.

Россия в этом процессе останется навсегда виноватой. России, по его мнению, не нужно уходить из Абхазии и Южной Осетии, потому, что если Россия это сделает, то через пять лет – она покинет весь Северный Кавказ³¹⁸. Сложно сказать, чем вызваны такие выводы. Подобные заявления демонстрируют использование геополитического фактора в этнополитических процессах и еще более усугубляют и без того непростые отношения как между народами Северного Кавказа, та и между северокавказским регионом и Россией.

Помимо выше перечисленных факторов, детерминирующих проявление национальной идентичности, является государственность. Она мыслится, как одна из самых надежных форм обеспечения безопасности и предупреждения от внешних угроз – ассимиляции, и внутренних вызовов – деградация языка, культуры. По мнению А. П. Назаретяна, каждая национальная общность должна пройти период становления национальной идеологии, как это было в XIX в. в Европе. Должны оформиться все признаки государства³¹⁹. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что не все народы смогли реализовать этот план. После того, как пройдет процесс мотивации, этносы смогут полноправно интегрироваться в процесс глобализации. Тут же, есть мыслители, которые полагают, что национальные государства в Европе себя изживают. Таким является современный французский философ Ж.-Л. Нанси. Он считает, что есть уже и другие формы взаимодействия с другими государствами или международными корпорациями. Экономические интересы и отношения превалируют над отношениями между нациями. Глобализация привела к тому, что отношения между национальными государствами нивелируются товарными потоками, капиталами, информационными потоками³²⁰.

³¹⁸ Скаков А. Ю., Муханов В. М. Абхазия: социально-политические итоги 2017 года // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 43-56

³¹⁹ Назаретян А. П. Идеология versus цивилизация? // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 7-29.

³²⁰ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2009. – 208 с.

Эти изменения привели к тому, что этнические интересы, в сохранении языка или традиций можно обеспечивать с помощью гарантии гражданских прав коренного населения и с помощью самоуправления. Таких взглядов придерживается российский этнолог В. А. Тишков. Так, например, в США любая этническая общность может издавать журналы или газеты на родном языке³²¹. Здесь речь идет о диаспорах, которые имеют историческую родину и национальную государственность. Бывает, что в диаспоре представителей этноса больше, чем в государственных образованиях. Важно, что в сознании этих людей есть представления о своей исторической родине и о месте на планете, где есть государство с таким же названием, с которым себя отождествляют эти люди. Следовательно, мотивационное напряжение преодолено, и представители диаспор не вступают в борьбу за государственность.

Очень важно, чтобы было преодолено мотивационное напряжение, в противном случае, другие меры, типа обеспечения гражданских прав и свобод – не работают. Общность все равно будет стремиться к становлению и оформлению государственности. А. П. Назаретян отмечает, что в такой ситуации будет преобладать общественное сознание над экономической мотивацией. Формулируются и внедряются стереотипы в общественное сознание, связанные с экономической деятельностью. Например – о наличии месторождений нефти, газа и других ресурсов и о том, что власти грабят народ, и доходы от продажи этих ресурсов не возвращаются к народу в виде материального достатка или госгарантий. Так же мифологизируется культурная составляющая. Навязывается мнение об исключительной духовности и о необходимости отделиться, чтобы построить процветающее государство. Под влияние подобных утопий попадает даже слой образованных людей³²².

³²¹ Тишков В. А. Мы пропустили XX век? С. 5, 18.

³²² Назаретян А. П. Идеология versus цивилизация? С. 7-29.

Относительно новым и актуальным для исследования направлением дезинтеграции в регионе является появление новых субкультур и расширение социальной базы существовавших ранее. Субкультура может отличаться от доминирующей культуры особенностями языка, манерами поведения, образом жизни и, что особенно важно в контексте нашего исследования, определенными политическими взглядами. Некоторые субкультуры носят экстремальный характер и демонстрируют протест против общества в целом или определенных общественных явлений. Ряд субкультур имеют замкнутый характер и стремятся к изоляции своих представителей от общества³²³. Субкультурное дробление социума относится к дезинтеграционным процессам. При этом в силу высокого уровня традиционализма Северного Кавказа развитие здесь субкультур в течение длительного времени существенно отставало от других территорий России. Однако в течение последнего десятилетия процесс развития субкультур приобрел высокую динамику и в нашем регионе. Проведенное в июле 2009 г. маркетинговым агентством «Пилот» (г. Краснодар) методами количественного и экспертного опросов исследование молодежных субкультур в Краснодарском крае позволило сделать вывод о достаточно высокой известности субкультур в молодежной среде. Так, на вопрос «Существуют ли в Вашем населенном пункте группы молодежи, которые объединяются по интересам, ценностям, манере себя вести, манере одеваться?» ответили положительно 82% респондентов, отрицательно – всего 5%, и 13% затруднились ответить³²⁴. Авторы данного исследования делают вывод: к числу общественно опасных молодежных групп наши респонденты относят все группы, проявляющие себя в определенных ситуациях как деструктивные. К таковым участники исследования относят:

³²³ Аминова В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113-118.

³²⁴ Реммлер В. Ю. Результаты социологического исследования «Молодежные субкультуры Краснодарского края» // Молодежь Краснодарского края: духовно-нравственное состояние. Краснодар. 2009. С. 62.

1. Скинхедов.
2. Гопников.
3. Сатанистов.
4. Футбольных фанатов.

В ходе исследования 62% опрошенных заявили о присутствии в их населенном пункте групп представителей социально опасных субкультур³²⁵. Показательно, что процесс развития субкультур, в первую очередь молодежных, активизировался в республиках Северного Кавказа. Так, по информации экспертов нашего исследования, в 2009 г. руководители учебных заведений Чеченской Республики применяли административные санкции в отношении студентов и учащихся, относящихся к субкультурам эмо и готов³²⁶. Выбор данных групп, очевидно, объясняется тем, что они наглядно отличаются от остальных манерой одеваться. По мнению автора, «субкультурная дезинтеграция является элементом дезинтеграции политического пространства, поскольку, во-первых, для ряда субкультур характерно деструктивное и агрессивное поведение в социуме; во-вторых, представители субкультур дифференцированы в обществе, в том числе по их политическим взглядам, или по отказу от какой-либо политической активности»³²⁷.

Конечно, изложенным вовсе не исчерпываются факторы и движущие силы политической дезинтеграции в рассматриваемом регионе. Мы исходим из того, что «обозначенные тенденции, с одной стороны, помогут исследователю выявить специфику дезинтеграционных процессов в региональном

³²⁵ Реммлер В. Ю. Результаты социологического исследования «Молодежные субкультуры Краснодарского края». С. 75.

³²⁶ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

³²⁷ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

пространстве, а с другой – учесть эти моменты в политологическом прогнозировании и выработке рекомендаций»³²⁸.

В результате исследования факторов политической дезинтеграции Северного Кавказа автор пришел к некоторым выводам.

«Ключевыми дезинтегрирующими политическими факторами в регионе, являются: отсутствие целенаправленной этнополитической стратегии федерального центра, предусматривающей деятельность по интеграции региона в российское политическое пространство; недооценка в практической деятельности органов федеральной государственной власти т.н. субъективных, то есть относящихся к сфере духовной культуры мотивов важных акторов этнополитических процессов; высокий конфликтный потенциал стремления к доминированию в субъектах РФ этнических элит. На дезинтеграционные процессы на Северном Кавказе влияют в первую очередь внутрirosсийские и региональные факторы. Так, на протяжении 1990-х гг. дезинтеграции региона способствовала деятельность некоторой части этнической интеллигенции, выступившей за приоритет развития этнической культуры и за обеспечение такого развития путем создания собственной национальной государственности. В то же время, процессы глобализации в форме унификации этнических особенностей провоцировали депривацию этнических элит и вызывали в массовом сознании рост настроений в защиту этничности. При анализе дезинтеграционных процессов нужно также учитывать следующие факторы: экономические сложности переходного периода; социальные проблемы, приводящие к радикализации общественных настроений; активность потока мигрантов (в том числе возвращающихся в регион); снижение доверия к общероссийским и международным институтам из-за их неспособности эффективно содействовать урегулированию региональных конфликтов.

³²⁸ Пивоварова Н. И. Этнофобии в политическом процессе на Северном Кавказе: пути преодоления. Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 62.

Этническая идентичность в регионе имеет высокий дезинтеграционный потенциал в результате присутствия в ней ряда характеристик:

- важность пространственно-временного восприятия социума по линии «крови и почвы», где идентичность по «крови» определена через принадлежность к конкретному роду, этносу и далее – кругу родственных народов, а идентичность по «почве» – через принадлежность к определенной территории;

- неполнота реализованности государственной идентичности в результате отсутствия суверенной национальной государственности;

- актуальность религиозной идентичности как компонента этнической (принадлежность к определенной конфессии, воспринимаемая в массовом сознании как атрибут этничности)»³²⁹.

Такое относительно новое для региона явление, как субкультурная дезинтеграция является элементом дезинтеграции политического пространства, поскольку, во-первых, для ряда субкультур характерно деструктивное и агрессивное поведение в социуме; во-вторых, представители субкультур дифференцированы в обществе, в том числе, по их политическим взглядам, или по отказу от какой-либо политической активности. Субкультуры, в первую очередь молодежные, активно развиваются на Северном Кавказе в течение последнего десятилетия, что стало возможным в результате социальной модернизации.

³²⁹ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

3.2. Интеграционный вектор неинституированного политического процесса

Автор диссертационного исследования полагает, что изучение проблем реинтеграции и дезинтеграции политического пространства позволяет выработать некоторые подходы в теоретическом анализе процессов этнополитической интеграции во внутренней геополитике России. Выше изложенный материал свидетельствует о наличии специфики структурирования политического пространства на территории, традиционно населяемой разными этносами, разной конфессиональной принадлежности – Северный Кавказ. Задачей настоящего параграфа является раскрытие этнополитического аспекта реинтеграции политического пространства на Северном Кавказе.

Исследование политических реинтеграционных процессов в геостратегическом пространстве Северного Кавказа будет осуществляться с привлечением эмпирического материала и результатов экспертного опроса различных субъектов РФ, в том числе полиэтничной Карачаево-Черкесской Республики. Это является необходимым как в связи с модельным характером данной территории, так и для конкретной социальной и внешнеполитической практики.

Попытка заново начать процесс интеграции проявляется в попытках преодолеть структурное безвластие современных межэтнических отношений, этноцентризма, сепаратизма, ксенофобии с помощью культивирования идеи единства общей культуры, менталитета и ценностей, а также общей экономической деятельности. Реинтеграция способствует повышению

социальной солидарности различных этнических общностей, а также мирному сосуществованию в едином социо-культурном пространстве.

Преодоление глобальных вызовов и угроз с помощью процессов реинтеграции вызывает интерес на теоретическом и практическом уровнях в современном научном мире, в политическом пространстве. Этот процесс будет способствовать наращиванию опыта прививания общих ценностей современного российского общества – демократии, правового государства и либеральных свобод. Экономическая совместная деятельность, общие цели позволят преодолеть конфликты, которые возникают в силу различий в культурной сфере или ментальных различий.

Конечно, в контексте международных отношений политическая интеграция или реинтеграция рассматриваются в рамках евроинтеграции, хотя схожие процессы протекают и в других регионах³³⁰. Политическая евроинтеграция весьма неоднозначный процесс и далеко незавершенный, т.к. очень сложно определить границы суверенитета политической власти и экономического единства. Европа в реинтеграционном процессе пыталась достичь экономического процветания и повышения гарантий безопасности на пространстве Евросоюза. Эти шаги привели к созданию не только единой валюты, но и интеграцию информационную, языковую, геополитическую, культурную.

Если говорить об экономической реинтеграции, то ее скорость зависит от того, насколько успешно протекает экономическая модернизация, очень часто зависит от взаимодействия с субъектами международной экономической системы – МВФ, Всемирного банка, ВТО и других транснациональных корпораций и инвесторов. Транснациональные структуры непосредственно

³³⁰ Межевич Н. М. Евразийский вызов для проекта интеграция интеграций» // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 51-58; Бостан С. И. Особенности развития интеграции как формы международной политики в контексте современных глобализационных процессов // Политология и право. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://st-hum.ru/print/190> (дата обращения: 19.12.2019).

оказали большое влияние на интеграционные процессы на уровне международных отношений.

В научном мире уже давно сформулированы концепции, которые объясняют необходимость интеграции, путем преодоления структурной анархии. Такие известные теории, как столкновение цивилизаций, глобализационные теории, теории однополярного мира, неоинституционализма и неореализма, опираются на необходимость реинтеграционных процессов.

Известный политтехнолог З. Бжезинский, политический авторитет М. Олбрайт и другие политические, и научные деятели США придерживаются идеи однополярного мира и превосходства США над другими странами мира³³¹. Некоторые современные мыслители и аналитики убеждены в том, что после распада СССР и завершения эпохи «биполярного мира» формируется новый контур еще не совсем понятного и «неведомого» мира. Ярким представителем подобной точки зрения является А. Неклесса³³². Ф. Фукуяма – авторитетный футуролог, считает, что закончилась идеологическая эволюция, и пришел конец, некогда универсальной, либеральной демократии, как единственно правильной формы правления³³³.

Интересно мнение американского аналитика Д. Каллео, который называет американский глобализм стилизованным и он означает «однополярный Рах Americana», а не тот многообразный мир мнений, в котором нужно делиться властью. Пропасть между зафиксированным однополярным сознанием, воображением и восприятием и увеличивающимися плюралистическими идеями в реальности постоянно увеличивается, представляя определенную опасность³³⁴. Современные реалии многократно убеждают мировое сообщество

³³¹ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. Vol. 70. No. 1 (America and the World 1990-91). P. 23-33.

³³² Неклесса А. Современная книга перемен: глокализация глобализации // Политический класс. 2007. № 3. С. 89-99.

³³³ Цыганков А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 3-23.

³³⁴ Calleo D. The United States and the Great Powers // World Policy Journal (Fall). 1999. P. 12.

в неумении США в лице американской элиты адекватно реагировать на актуальные вызовы мировой безопасности и справляться с ними, в том числе и на Кавказе. Имеется тенденция не решать, а создавать дополнительные риски и угрозы в различных точках мирового политического пространства.

Неореалистические теории оптимистично формулируют идею о том, что роль национальных государств в будущем так же будет сильна, несмотря на все процессы сближения или интеграции в единое политическое, экономическое, культурное и информационное пространство³³⁵. Это будет актуально даже в условиях экономических конфликтов и войн. Роль ООН, как инструмента разрешения глобальных конфликтов и минимизации материального ущерба стран участниц не эффективна в силу того, что национальные интересы даже в XXI в. не утратили своей актуальности. Экономически сильные государства и крупные страны производят и осваивают большую часть своего ВВП внутри государства и не так зависят от небольших государств, позволяя себе большую экономическую свободу, нежели маленькие государства.

Теории неоинституционализма важнейшую роль в интеграционных процессах отводят транснациональным организациям, как политическим, так и экономическим, независимо от того формальные они или неформальные. По этому поводу высказываются различные идеи, такие, как идея «нового согласия» держав Р. Роузкранса. Согласие заключается в единых идеологических и политических принципах коалиции, которая со временем на свою сторону притягивает все большее количество стран, которые в совокупности не могут уравновесить между собой эту группу³³⁶. Сложно согласиться с тем, что такие идеи имеют что-либо общее с реальным анализом политической обстановки в мире.

На пути к реинтеграции стояли процесс усложнения структуры международных отношений, увеличение количества акторов на международной

³³⁵ Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe After the Gold War // *International Security*. 1990. Vol. 17. No. 1 (Summer). P. 5-56.

³³⁶ Rosecrance R. A New Concert of Powers // *Foreign Affairs*. 1992. Vol. 71. No. 2 (Spring). P. 64-82.

политической арене – увеличение могущественных держав и транснациональных корпораций и объединений. Усложняется культурное пространство, усиливается культурная неоднородность, увеличиваются комбинации наборов культурных ценностей, развивается правовая система. Об этой культурной однородности писали такие сторонники реалистического направления, как Р. Арон и Г. Дж. Моргентау³³⁷. Да и победа либерализма и его ценностей, о которых заявлял Ф. Фукуяма, также не состоялась. Все активнее идет противостояние либерализации. Происходит регионализация мировой политической, культурной и экономической системы.

И. Валлерстайн считает, что интеграционные процессы являются характеристикой периферии, где сталкиваются и вступают в конфронтацию различные государства и цивилизации³³⁸. В России периферийным пространством является «ближнее зарубежье», то есть страны бывшего СССР, в частности Закавказье. В этих зонах Россия отстаивает свое геостратегическое право в защите своих интересов в бывших республиках Советского Союза, на правах правопреемницы СССР.

И. Валлерстайн и другие его единомышленники, такие как Г. Дерлугьян подчеркивают, что периферийные зоны оказываются под влиянием ведущих центральных держав³³⁹. Неоднозначными, точнее двойственными являются результаты такой расстановки сил. На первый взгляд, дешевый импортный товар из развитого промышленного мира создает комфорт для потребителей, с другой стороны это подавляет развитие местных производителей и усиливает зависимость от импортеров. В короткой перспективе создаются дополнительные места в сфере торговли, но уничтожается производственная структура небольшого государства. Добиться таких же выгодных условий для экспорта в другие страны своей продукции не удастся. В итоге производителям

³³⁷ Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York, 1985. P. 233-240.

³³⁸ См.: Валлерстайн И. *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

³³⁹ Более подробно см.: Derluguian G. *The Capitalist World-System and Socialism* // Alexander J. Motyl (ed.) *Encyclopedia of Nationalism*. Vol. 1. *Fundamental Issues*. New York, 2001. P. 55-80.

в мелких странах приходится продавать свою продукцию по низким ценам, что в свою очередь мешает приобретать современные технологии и оборудование, чтобы повышать качество и конкурентный уровень. Возникают периферийные олигархи, которые всеми способами препятствуют свободной торговле и способствуют социальной поляризации на меньшинство в лице экспортных магнатов, торговцев – компрадоров и большую часть бедного, безработного населения.

В условиях глобализации происходит усиление социального расслоения. Термин «глобализация» впервые начинает фигурировать в передовицах «Уолл Стрит Джорнэл» в 1983 г. в сочетании с определением «финансовая» и совпадает с периодом, когда американские корпорации получили прямой доступ к денежным рынкам Лондона и Амстердама. С этого момента термин «глобализация» все чаще используется в периодике и аналитических журналах «Нью-Йорк Таймс», «Файненшиал Таймс», «Монд». В начале 90-х гг. XX в. этот термин подхватывается политической элитой Запада и используется для обозначения эпохи после Холодной войны. Далее это понятие становится настолько популярным, что формулируются различные производные словосочетания - «глобализация культуры», «глобализация образования» и т.д.³⁴⁰

Г. Дерлугьян высказывает мнение о том, что глобализация не является инновационной мутацией. Автор предполагает, что происходит повторение опыта XIX–XX вв., а еще точнее возвращение к глобализации рынков. На рубеже XIX–XX вв. в центре мировой экономики наблюдалось возникновение избыточных капиталов, а также некоторые отрасли промышленности подошли к пределу экстенсивного роста. Оборотные капиталы Европы перенаправлялись через биржи в Америку, Африку, Азию и Австралию для освоения новых земель в виде инвестиций³⁴¹.

³⁴⁰ Derlugian G. The Capitalist World-System and Socialism // Alexander J. Motyl (ed.) Encyclopedia of Nationalism. Vol. 1. Fundamental Issues. New York, 2001. P. 55-80.

³⁴¹ Там же.

В геополитике международная интеграция представляет собой взаимодействие государств – субъектов. В глобализационных концепциях под влиянием общей теории систем и кибернетики интеграция мира представлена как единая замкнутая система. Сторонники концепции глобализации считают процесс глобализации естественно-историческим, а соответственно и закономерным не только для XX в., но и для всей истории вообще.

В европоцентристской теоретической модели реинтеграция выступает в качестве критерия прогресса и модернизации мирового устройства. Но в современных реалиях мы являемся свидетелями не только интеграционных, но, к сожалению, и дезинтеграционных процессов. Для нивелирования этих противоречий в настоящее время ведется речь о конце эпохи глобализации, и для определения особенностей процессов настоящего периода вводят категорию «глокализация». С помощью этого термина прогнозируют на ближайшие десятилетия перемены, ведущие к неопределенности и беспорядку, который следует преодолеть. Анализируя интеграционные процессы, следует прибегать к методологии теории мировых систем, с целью выявления закономерностей возникновения порядка, а также способы и причины трансформации от одного порядка к другому.

Некоторые скептически настроенные аналитики предупреждают об опасности интегрированного пространства стать зависимым от локальных интересов. От таких процессов страдают национальные суверенные государства, религиозные учения, национальные культуры. Все это объясняется такой категорией, как глобализм, т.е. однообразный или однополярный глобализм в политическом контексте.

В глобализирующемся социуме отпадает необходимость в функционировании имперской администрации, в силу правовой грамотности гражданского населения – нормы политического поведения усвоены гражданским обществом. В геополитическом пространстве в качестве регулятивных правовых механизмов выступают наднациональные экономические организации – ВТО, МВФ, клубы мировых элит по интересам –

Бильдербергский клуб, Парижский клуб, Давос, Зальцбург, религиозные конфессии, фонды, определяющие стипендии и гранты за научные разработки, неправительственные организации и многие другие. Эти учреждения задают вектор социально одобряемому поведению, формируют стиль и образ мысли. Однако такая мировая система вызывает постоянное противодействие.

Теоретики глобализации подвергаются критике со стороны целого ряда ученых и аналитиков в США – Б. Барбер³⁴², Д. Кортен³⁴³, Г. Дейли³⁴⁴, П. Бьюкенен³⁴⁵. Европейским ученым критиком глобализма и контрглобализма является Дж. Голдсмит³⁴⁶, который выступил против «Вашингтонского консенсуса». Вся эта плеяда критиков говорит о том, что национальные государства, несмотря на глобализацию, сохраняют всяческими путями свой собственный культурный код и экономический потенциал. Национальная политика этих государств лежит в основе процессов интеграции. К. Уолтс – американский аналитик считает, что ради национальных, религиозных или этнических целей народ готов пожертвовать своим благополучием³⁴⁷.

Находятся и такие исследователи, которые считают глобализацию профанацией, мифом, который призван скрыть истинную конфронтацию и противостояние между мировыми экономиками. К таким критикам относятся П. Херст и Дж. Томпсон³⁴⁸.

Дж. Грей, выражая мнение представителей американской внешней политики, высказывается о том, что глобализация опасный и ошибочный

³⁴² Barber D. *Jihad vs. MacWorld*. New York: New York University Press, 1995.

³⁴³ Korton D. *When Corporations Rule the World*. West Hartford, 1995.

³⁴⁴ Daly H., Cobb J. *For the Common Goods: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston: Boston University Press, 1989.

³⁴⁵ Buchanan P. *The Great Betrayal: How American Sovereignty and Social Justice Are Being Sacrificed to the Gods of the Global Economy*. New York: New York University Press, 1998.

³⁴⁶ Goldsmith J. Sir. *The Trap*. New York: New York University Press, 1994.

³⁴⁷ Waltz K. *Globalization and American Power* // *The National Interest* (spring). 2000. P. 52.

³⁴⁸ Hirst P. *The Global Economy: Myths and Realities* // *International Affairs*. 1997. № 73; Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

проект, который не несет стабильность ни в экономическом, ни в политическом, ни в культурном плане для Америки, несмотря на то, что Америка и ряд крупнейших держав имеют преимущества от этого процесса³⁴⁹.

Консерваторы усматривают угрозу семейным ценностям и социальной солидарности от включения в процесс глобализации. И для всего этого имеются основания в узаконивании однополых браков, усыновлении однополыми партнерами детей, толерантном отношении к тому, что во все времена считалось пороком и извращением.

Левый фронт или неолевые - «новые левые» считают, что транснациональные корпорации используют социальный и природный ресурс отсталых стран для снятия сверхприбыли. Используя марксистскую методологию Ч. Тилли³⁵⁰, Дж. Арриги³⁵¹, П. Андерсон³⁵², М. Манн³⁵³ и др. объясняют интеграционные процессы как преобладание корпоративного глобализма в капиталистических системах, доминирование корпораций и банков. И. Валлерстайн поддерживает эту точку зрения и опасается того, что определение “гражданин мира” является глубоко двусмысленным. Это уловка для того, чтобы осталась возможность сохранить особые привилегии³⁵⁴.

Нет ни одной сферы в обществе, которая бы не испытывала на себе влияние процесса глобализации, при том, что интеграция происходит постепенно и частично, усиливая порой дифференциацию мирового сообщества. Две третьих финансовых потоков и товаров приходится на

³⁴⁹ Broad R., Cavanagh J. The Death of Washington Consensus? // World Policy Journal (Fall). 1999. P. 86.

³⁵⁰ Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 1990 –1992. Oxford: Blackwell, 1992.

³⁵¹ Arrighi G. Globalization and Historical Macrosociology // Janet L. Lughod (ed.) Sociology for the Twenty-First Century. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 117-133.

³⁵² Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London: New Left Books, 1974.

³⁵³ Mann M. The Sources of Social Power. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge University Press, 1986-1993.

³⁵⁴ Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I–III. San-Diego: Academic Press, 1974-1989.

развитые северные державы – США, Германию, Британию, Канаду. Прибыль от глобализации получают эти же страны³⁵⁵.

Перераспределение сил в мире привело к тому, что многие страны остались за пределами новой системы управляющих или господствующих стран. У правительства тех стран, которые не попали в привилегированный слой, нет возможности определять самостоятельно политический и экономический курс своего государства, так, как они ограничены правлением сверхдержавы³⁵⁶. Но приспособливаться или встраиваться в процесс глобализации приходится практически всем, потому, что процесс глобализации – это объективный процесс, хотя глобализаторы и их методы весьма субъективны. Глобализация в контексте геоэкономических отношений и геополитических проявляется в навязывании Америкой своих правил игры остальному миру. В условиях глобальной конкуренции очень сложно выдерживать натиск и не уйти с экономической дистанции. Резкие и стремительные перемены в экономике заставляют правительства государств совершать непоправимые ошибки, которые приводят к подрыву политической легитимности власти. В таких условиях предприимчивые бизнесмены могут внезапно разбогатеть, а нерасторопные предприниматели вынуждены признать банкротство. Глобализация, обманчиво пропагандируя свободу, на самом деле сокращает ее и зачастую прибегает к репрессивным методам. Р. Менон и И. Вимбуш считают, что такая ситуация приводит к тому, что этнические меньшинства приобретают более широкое пространство для маневров, поскольку государство утрачивает рычаги воздействия на эти меньшинства из-за того, что становятся прозрачными для мирового сообщества³⁵⁷. «Исключение целых обществ из процесса глобальной модернизации, – замечает Х. де Сантис,

³⁵⁵ Weiss L. *The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 186.

³⁵⁶ Friedman Th. *The Lexus and the Olive Tree*. New York: New York University Press, 1999.

³⁵⁷ Menon R., Wimbush E. *Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Will // The National Interest* (Spring). 2000. P. 84-85.

– увеличивает риск этнонациональных конфликтов, терроризма, вооруженных конфликтов»³⁵⁸.

Глобализация, заявляя о распространении либерализма и демократии, повсеместно вводит мир в заблуждение. Такого мнения придерживается М. Линда. Величайший обман современности заключается в том, что большинство стран отрезаны от возможностей современной технологической революции. Развитые страны не готовы поддерживать более слабые экономики, предоставить высокооплачиваемую работу мигрантам. Наоборот просматривается тенденция переносить производства в зоны дешевого труда и низкого налогового обложения, притом, что доходы от бизнеса хранятся в банках Запада.

Аналитикам Северного Кавказа, которые занимаются вопросами реинтеграции в этом регионе, интересна критика евразийцев глобализационных процессов³⁵⁹. Евразийцы полагают, что глобализация является идеей и проектом Запада, который помимо установления однополярного мира, своей целью ставит и унификацию по сценарии глобализации Востока. А сами евразийцы придерживаются идеи многополярности мира, а не универсального и унифицированного западного мира. Евразийство исходит из многополярного мира. Унификации и стандартизации подлежит политическая, экономическая, религиозная, образовательная, культурная, этническая среда. Иначе сказать, единый образец или шаблон политического устройства, экономической системы, культурных ценностей и норм навязывается разным по природе обществам. У евразийцев есть альтернативный проект политического развития – «альтерглобализация», в котором признается глобализация, как объективный

³⁵⁸ Santis de H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century // World Policy Journal (Winter). 1998–1999. P. 47.

³⁵⁹ Аджикова А. С., Школьников Н. Н. К вопросу оценки интеграционных процессов и перспектив межрегионального взаимодействия предпринимательских структур субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Вестник академии . 2014. № 2. С. 77-88.

процесс, но высказываются идеи о сохранении самобытности и уникальности национальных культур.

Евразийцы считают регион Северного Кавказа проблематичным для осуществления этого проекта, в связи с тем, что мозаичность культур и этносов и противоречия, возникающие между ними, создают повышенное напряжение и конфликтность, которые можно использовать для дезинтеграции, а не наоборот. Интеграция – это многомерная эволюционная трансформация большинства социальных институтов общества, не зависимо от того, гомогенное или гетерогенное в этническом, религиозном или культурном плане это общество. Кавказский регион с позиций евразийцев должен трансформироваться не во множество моноэтнических образований, включенных в состав какого-либо регионального государства, а в единую федерацию на основе общих ценностей и признаков³⁶⁰.

Интересный анализ политической реинтеграции был проведен С. Хантингтоном в контексте столкновения цивилизаций³⁶¹. Дезинтегрирующим фактором в его теории выступает процесс столкновения культур. Конечно, столкновение культур не говорит о том, что цивилизации выступают основными субъектами на международной арене, но два параметра играют наиболее значимую роль. Первый параметр или показатель – это различный подход и взгляды на существующие связи и отношения: Бог – личность, личность – общество, и второй параметр – это осознание представителями цивилизаций своих отличий и особенностей в результате усиливающегося международного взаимодействия. Получается, что страх, этноцентризм, шовинизм и ксенофобия усиливаются и приводят к усилению конфликтности,

³⁶⁰ Евразийская миссия (программные материалы Международного «Евразийского Движения»). М., 2005.

³⁶¹ Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3 (Summer). P. 22-49.

войнам гораздо быстрее, чем создаются механизмы противостояния этим явлениям. Единомышленником таких идей является Й. Гальтунг³⁶².

У С. Хантингтона цивилизации – это системы ценностей, многообразие культурных идентичностей, которые обусловлены языком, религией, общей историей, культурой, правом и субъективным самоотождествлением народа³⁶³. Д. Дайнер говорит примерно о том же, когда утверждает, что осознание самих себя цивилизациями происходит в сравнении с другими цивилизациями. По его мнению, сегодня конфликты в кавказском регионе приведут к формированию единой культурной идентичности.

Несмотря на популярность теории столкновения цивилизаций, существует мнение в научном и политическом мире, что эта теория преувеличивает степень сплоченности цивилизаций³⁶⁴. Кроме этого, не убедительно выглядит и описание глубинного конфликта между конфуцианско-исламским миром (классификация условная) и Западным миром, потому что эти цивилизации невозможно рассматривать как интегрирующие образования. Общие элементы, о которых говорит Хантингтон – военное сотрудничество, общие позиции в международных организациях не являются показателями интеграции, так как такое сотрудничество возможно и без объединения в единое целое, а лишь на основе взаимовыгодных временных компромиссов. Использовать этот методологический принцип и концепцию для анализа процессов на Северном Кавказе не является достаточно обоснованным.

Геополитическая мысль получила свое начало с работы «Географическая ось истории» Х. Маккиндера, в которой ученый в начале XX в. сформулировал название «Пятиморье» для территории, которая условно заключена в границы пяти морей – Каспийского, Черного, Средиземного, Красного и Персидского

³⁶² Galtung J. Western Civilization: Anatomy and Pathology // *Alternative*. 1981. Vol. 7. No. 2. (Fall). P. 145-170.

³⁶³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. – 571 с.

³⁶⁴ Критику теории С. Хантингтона см.: Ajami F. The Summoning // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. No. 4. (September / October). P. 2-9.

залива. Выделил он эту территорию с целью обозначения функциональной значимости данного региона, который чуть позже у таких авторов, как С. Перес, А. Наирн получил название «Новый Ближний Восток», у З. Бжезинского - «Евразийские Балканы» в 1997 г., а Дж. Кэмп, Р. Гаркави назвали этот регион также в 1997 г. - «Большой Ближний Восток»³⁶⁵. Эти авторы отмечают функциональную ценность этого региона за счет того, что в нем сосредоточено 40% мировых запасов природного газа и 70% мировых запасов нефти. Вследствие этой причины следует установить территориально-экономический контроль над Пятиморьем Х. Маккиндера, а это в свою очередь, согласно канонам геополитики, позволит установить контроль над всей планетой.

Геополитическая наука обуславливает политическое поведение субъектов международных политических отношений географическими условиями и положением на планете Земля. Но и геополитика не прочь обрисовать контуры интеграционных возможностей в новых политических реалиях и сформулировать прогноз на будущее.

Вопросы интеграции в геополитике начал поднимать немецкий исследователь К. Хаусхофер в своем геополитическом журнале – очень популярном в 1920-х («Geopolitik», позднее переименованный в «Zeitschrift für Geopolitik»). Предтечей его публикаций явилось знакомство этого автора с трудами Ратцеля, Челлена, Макиндера, Видаля де ля Блаша, Мэхэна. Он извлек из работ этих авторов интересный дуальный феномен противостояния морских сил против континентальных или по-другому талассократия - «власть посредством моря» против теллуократии - «власть посредством земли». Это противостояние можно рассматривать как инструмент в управлении международными отношениями. Таким представлялся новый мировой уклад

³⁶⁵ См. подробно: Розин М. Д., Рябцев В. Н., Свечкарев В. П., Квициани Д. Д. К проблеме прогнозирования процессов в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5 (96). С. 102-106; Рябцев В. Н. О возможности прогнозирования ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира и методах такого рода работы // Электронный журнал «Инженерный вестник Дона». 2018. № 4 (51).

или порядок. Конструкт «Новый порядок», употреблявшийся нацистами, или конструкт нашей современности - «Новый мировой порядок», который используется американцами, впервые встречается в работах японских авторов для обозначения геополитической схемы перераспределения влияний в тихоокеанском регионе, которую предлагали провести в жизнь японские геополитики.

Сложившийся дуализм морских сил и сухопутных поставил Германию в затруднительное положение выбора геополитического самоопределения. К. Хаусхофер и его единомышленники – последователи национальных идей выступали за усиление военной и политической мощи государства за счет развития индустрии, культуры и геополитической экспансии. Однако территориальная расположенность в самом центре Европы и пространственная замкнутость вносили конфронтацию во взаимоотношения с морскими державами – Англией и Францией, а при благоприятном раскладе и с США. «Талассократические» геополитики негативно относились к Германии, равно, как и к России, считая ее морским противником Западного мира. Поскольку у Франции и Англии существовали исторические претензии к Германии по поводу территорий, то надежды на геополитическое сотрудничество у Германии не оставалось. Единственным вариантом построения великого будущего национальной Великой Германии был союз с Россией, с которой можно было формировать «Новый Евразийский Порядок» и перекроить пространство континента так, чтобы вывести его из под контроля морских держав. В этом заключается доктрина геополитики К. Хаусхофера и его единомышленников. Получается, что необходимо сформировать континентальный блок или ось Берлин – Москва – Токио. По мнению автора, такой вариант очень оправдан и полноценен, практически разработана стратегия, которая бы могла нейтрализовать угрозы от противоположного блока или лагеря, который опасался именно появления евразийского альянса. К. Хаусхофер в статье «Континентальный блок» писал: «Евразию невозможно задуть, пока два самых крупных ее народа – немцы и русские – всячески

стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 г.: это аксиома европейской политики»³⁶⁶. Там же он цитировал американца Гомера Ли: «Последний час англосаксонской политики пробьет тогда, когда немцы, русские и японцы соединятся»³⁶⁷. Такое понимание вещей автор рефреном проводил сквозь все свои научные статьи и труды. Эта концепция названа – *Ostorientierung*, на русский язык переводится, как «ориентация на Восток», что означало самоотождествление народа Германии и его культуры, как западного продолжения евразийской, азиатской традиции. В доказательство этому факту вспомним, как уничижительно англичане в период Второй мировой войны называли немцев «гуннами». Это было приемлемо и для теоретиков хаусхоферовской школы.

В российской традиции геополитики такие авторы, как К. Гаджиев³⁶⁸, А. Дугин³⁶⁹, М. Делягин³⁷⁰, И. Панарин³⁷¹ и др. бытует убеждение в том, что Кавказ на протяжении нескольких столетий являлся и является субъектом и объектом воздействия глобальных процессов. Происходит это потому, что Кавказ выполняет функцию связующего звена или точки пересечения двух континентов по двум векторам взаимодействия «Север – Юг», «Восток – Запад», т.е. находится на стыке цивилизаций. Другие ученые – В. К. Лапшин³⁷², В. Д. Дзидзоев, В. В. Черноус³⁷³, Г. Новикова, В. М. Юрченко³⁷⁴ и др. провели

³⁶⁶ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Гаджиев, К. С. Геополитика. 4-е изд., перераб. И доп. М.: Издательство Юрайт, 2011. – 479 с.

³⁶⁹ Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. – 452 с.

³⁷⁰ Делягин М. Выживет ли Россия в нерусской смуте? М.: АСТ. 2010. – 416 с.

³⁷¹ Панарин И. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. – 122 с.

³⁷² Лапшин В.К. О необходимости разработки метаметодологии идеологических концептов национальной безопасности России // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты: Материалы международной научной конференции 20-21 апреля 2006 г. Ч. 2. Ростов н/Д., 2006.

³⁷³ Черноус В.В. Кавказ в системе евразийской безопасности: от биполярности через атлантизм к глобальной безопасности // Кавказский регион: пути стабилизации. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2004. С. 44-69.

анализ интеграционных процессов на Кавказе в контексте национальной безопасности.

Как уже упоминалось выше, американские ученые теоретики и практики А. Коэн, З. Бжезинский, Г. Хейл исследуют геостратегические проблемы региона. Попытки описать роль кавказского региона в современных международных отношениях осуществили: А. Богатуров, В. Коновалов, В. Рябцев и др. Внешнюю политику кавказского региона описывают в своих работах ряд политиков и политологов В. Сурков, Д. Медведев, Ю. Латынина, А. Проханов, В. Крупнов³⁷⁵ и др. Философское осмысление процессов и проблем, вызванных глобализацией в полиэтничном регионе произвели В. Сальников, Л. Ивашов, Б. Джегутанов³⁷⁶.

Сторонники теории глобализации указывают, что влияние глобализации на государства Кавказа осуществляется с помощью психологических и культурных средств и методов. Однако, несмотря на прогнозы западных либералов, процесса угасания национального государства не происходит. Безусловно, происходит трансформация функций государств современных, но не утрата или отмирание всех традиционных государственных функций. Этот процесс можно назвать модернизацией, ответ на вызовы времени. Включение в глобализационные процессы не только приводит к разрушению традиционных устоев, но и порождает движение сопротивления унификации мира. Трудно прогнозировать последствия такой интеграции в исторической перспективе.

³⁷⁴ Юрченко В. М., Юрченко И. В. Профилактика межнациональных конфликтов на юге России в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во Кубанский гос. ун-т. 2018. С. 464-474.

³⁷⁵ Крупнов Ю. Россия: между Западом и Востоком. Курс Норд-ост. СПб., 2004; Крупнов Ю. Статья мировой державой. М., 2003.

³⁷⁶ Сальников В. П., Ивашов Л. Г., Джегутанов Б. К. Философия глобализации (методологические основы геополитической доктрины России). Монография. СПб., 2006.

В. Цымбурский³⁷⁷, Л. Рубан³⁷⁸ и др. предлагают рассмотреть политические факторы регионализации Северного Кавказа, как геостратегического субъекта и объекта. Политолог А. В. Лубский сформулировал три вызова, которые регионализация представила российской государственности. Это, осуществленное В. Путиным – укрепление вертикали государственной власти, далее учет региональной специфики при разработке региональной политики, и наконец, подготовка новых управленческих кадров, которые овладеют инновационными способами и формами деятельности в новых социально-экономических и политических условиях России³⁷⁹.

Также для России геостратегически важен мир и покой на территории Северного Кавказа и следует постоянно быть готовыми к адекватным ответам на вызовы в геостратегическом пространстве этого региона.

Несмотря на множественные попытки теоретически и методологически обосновать интеграционные процессы в кавказско-каспийском регионе, вопрос политической реинтеграции Северного Кавказа отдельно не анализировался и не был предметом отдельного конкретного исследования. Поэтому, нами осуществлена попытка анализа геостратегического аспекта реинтеграционных процессов на территории Северного Кавказа. Геостратегией в данном конкретном случае мы называем систему из трех элементов – стратегии геополитики, стратегии геоэкономики и стратегии геокультуры. У каждого из этих теоретических элементов существует свое направление в парадигмах.

1. В геополитике субъектом действия выступает государство, а содержанием – сила сдерживания, баланс сил;

2. В геоэкономике основным субъектом действия в настоящее время

³⁷⁷ Цымбурский В. Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX веков. М.: Книжный мир, 2016. — 497 с.

³⁷⁸ Рубан Л. С. Геополитическая ситуация и проблема безопасности в бассейне Каспийского моря // Безопасность Евразии. - 2003. № 2.- 2. С. 301-329.

³⁷⁹ Лубский А. В. Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии. Ростов н/Д., 2005. С. 6.

являются транснациональные компании, а содержанием деятельности – торговля, конкуренция, сотрудничество;

3. В геокультуре субъектом действия выступает естественно человек, а содержанием действия является диалог, сотрудничество и доверие³⁸⁰.

Особенности процессов реинтеграции на Северном Кавказе были объектом проведенного автором диссертации экспертного опроса. В опросе принимали участие представители всех субъектов РФ, относящихся к региону Северного Кавказа. Экспертами был выделен ряд основных особенностей. Так, современные политические элиты субъектов РФ Северного Кавказа уже не демонстрируют открытый сепаратизм, а пытаются выстроить такие отношения с федеральным центром, в которых демонстрация лояльности по отношению к центру сочеталась бы с правом региональных элит на «внутреннюю политическую автономию», то есть на принятие самостоятельных решений в области контроля над средствами массовой коммуникации, правами человека, перераспределения собственности (если такое перераспределение не затрагивает интересы экономических акторов, связанных с центром), иных методов незаконного привлечения ресурсов, в том числе коррупционных.

Уровень дезинтеграции, определяемый прежде всего, выраженностью сепаратистских тенденций, зависит в регионе по-прежнему от одного фактора – силы федерального центра. Ослабление влияния центра будет означать автоматическое усиление сепаратизма и демонстрацию его в политической сфере. В регионе очень слабы (за исключением территорий, заселенных русскоязычным населением) внутренние мотивы к интеграции в общероссийское политическое пространство. Этнические элиты региона, не прошедшие этап освоения собственной государственности, все еще рассматривают его в качестве желательного сценария. В то же время активно осуществляемая экономическая интеграция усиливает внутреннюю мотивацию

³⁸⁰ Кузнецов В. Социология культуры идеологического компромисса: геокультурный аспект. Статья вторая // Безопасность Евразии. М., 2003. № 4. Октябрь-декабрь. С. 352-353.

к интеграции, поскольку экономические элиты региона получают от присутствия на российском рынке большие выгоды. Экономический эффект «присутствия в России» для них значительно важнее возможной суверенизации. В этих условиях чрезвычайно важно продемонстрировать невозможность для территорий Северного Кавказа модели «политической суверенности в условиях экономической интеграции с Россией», поскольку именно она является наиболее привлекательной для всей системы интересов разнообразных этнических элит и является в современных условиях основой сепаратистских стратегий.

Исследование реинтеграции политического пространства Северного Кавказа позволило автору сделать ряд выводов.

«Политическая реинтеграция понимается как объективный процесс преодоления структурного безвластия в современных межнациональных отношениях, избегания этноцентризма, уничтожения национализма, подавления этнорелигиозного радикализма и ксенофобии с помощью создания и оглашения, усвоения и трансляции общих ценностей, культурных норм, а также повышения интереса и потребности в экономическом сотрудничестве»³⁸¹. Успешное проведение реинтеграционного проекта приведет к модернизации различных этнических общностей, с различными характеристиками сосуществовать на основе мира и согласия в условиях усиления взаимозависимости и взаимонеобходимости.

Степень успеха реинтеграционных процессов можно оценить с помощью таких параметров:

- Потребности участников процесса, наличие мотивации;
- Различные формы проявления – правовые, экономические, политические, военные и т.д.;
- Наличие ресурсов для реинтеграции – властные, хозяйственные, финансовые, общественно-политические средства и пр.;

³⁸¹ Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России. С. 164.

- Уровень взаимодействия в процессе реинтеграции – межгосударственный, межрегиональный, внутрорегиональный и т.д.;
- Степень глубины, широты, интенсивность процессов реинтеграции.

Потребность в политической интеграции регионов Северного Кавказа возникла по ряду причин, которые были осознаны народом и правящей элитой. Этими причинами являлись нужда в добрососедстве, которое утратилось и привело к трагическим последствиям. Далее следует сказать о необходимости обеспечения безопасности, а также в поддержании всех систем жизнеобеспечения в порядке (энергетических, коммуникационных, продовольственных и т.д.). В разной степени все регионы Северного Кавказа испытывают подобные нужды, отличаются только мотивационной составляющей. У одних регионов – это экономическая мотивация, у других – идеологическая, у третьих – духовная. Геополитический подход и методы при этом могут разниться и противоречить друг другу. Поэтому, обозначая различные геостратегические ориентиры, необходимо одновременно выявлять и детерминированность движущих сил политической дезинтеграции на Северном Кавказе.

3.3. Фактор центра в дезинтеграционных и интеграционных трендах неинституированного политического процесса

В данном параграфе автор решает задачу выявления институциональных факторов российской внешней и внутренней политики на Кавказе в связи с этнополитическими вызовами современной эпохи. Необходимость рассмотрения этого вопроса в диссертационной работе возникла в связи с тесной взаимосвязанностью проблем внутренней и внешней политики в данном регионе.

Курс внешней политики в Кавказском регионе обусловлен внешнеполитическими интересами таких политических субъектов как США и Евросоюз, их геостратегическими амбициями. Прямой конкуренции Европейского Союза с Россией за территорию или ресурсы Кавказа на первый взгляд не существует в силу таких причин как зависимость ведущих европейских государств от энергоресурсов РФ. Однако этим странам не по душе расплачиваться по мировым ценам за ресурсы, которыми они не владеют и все чаще это приводит к тому, что европейские лидеры стремятся к смене политического режима и политического курса в РФ. Отсюда и молчаливая сдержанность в отношении некорректной американской политики в адрес России и попыток по периметру России создать военные очаги, а также попустительство в политике введения экономических санкций.

Одним из результатов подобной политики является активное использование силовых методов подавления оппозиции со стороны этноклановых режимов ряда субъектов РФ на Северном Кавказе. По нашему мнению, в стратегической перспективе ориентация на полицейские методы

подавления оппозиции этноклановым режимом в республиках на Северном Кавказе бесперспективна. «У кавказцев-мусульман (в особенности молодежи), доказавших свою лояльность России, исламофобская политика «силовиков» и СМИ давно вызывает уже не протест, а отторжение от российского государственного и культурного пространства»³⁸². Более того, как показали результаты проведенного автором экспертного опроса, в глазах радикализирующихся российских мусульман-северокавказцев их собственное государство теряет самоценность. «Россия все более рассматривается лишь как придаток-сателлит «сатанинской Америки» не только в войне против ислама и мусульман, но и в стремлении ассимилировать малые народы»³⁸³. Следует учитывать то, что, во-первых, мусульман в ЮФО – меньшинство и, во-вторых, северокавказское мусульманство в некоторых аспектах находится в оппозиции к фундаментальному исламу.

Необходимость политической реинтеграции Северного Кавказа базируется на осознании того, что кавказские народы «обречены жить вместе». Демагогические усилия, которые осуществляются «сверху» на уровне государственных (республиканских) бюрократий по активированию декларативной интеграции, не сыграли значимой роли в каких-либо процессах на Кавказе и они не отражают подлинные устремления региональных элит. Эти устремления проявились в практике инициированных «снизу» межэтнических структур национальных движений.

Сепаратизм на основе панкавказской идеи, охватившей в свое время (с Сухумского форума национальных движений в 1989 г.) выразился в создании сначала Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК), затем переоформившейся в Конфедерацию горских народов Кавказа (КГНК). «Еще позднее определение «горских» было изъято из официального наименования организации в целях расширения состава участников организации, поскольку это открывало дорогу

³⁸² Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России. С. 164.

³⁸³ Там же.

в Конфедерацию казакам»³⁸⁴. Окончательное название организации – Конфедерация народов Кавказа (КНК)³⁸⁵. Члены и сторонники Конфедерации народов Кавказа осенью 1991 г. заявили о возобновлении процесса формирования суверенной государственности кавказских горских народов, при этом объявив правопреемницей независимой Северо-Кавказской Республики, которая была образована в 1918 г. – свою организацию. Речь в данном случае идет о Горской республике, которая образовалась при протекции Германии и Османской империи в период Первой мировой войны и с официальным заявлением о выходе из состава России. Такая идея не пришлась по душе карачаево-балкарскому национальному движению, настроенному на взаимодействие с российским центром, который выступал гарантом мира. Члены карачаево-балкарского национального движения отказались поддерживать эти сепаратистские идеи, что заставило руководство этой Конфедерации, не найдя поддержки, перейти к «грязным» методам ведения политической борьбы. Единственной структурой, которая выразила поддержку таким радикальным взглядам, оказалась структура правоохранительных органов государства. У силовиков по этому поводу имелись весьма прагматичные соображения. Первым фактором являлась мысль о том, что в этих условиях, возможно, использовать добровольческие отряды Конфедерации в Абхазии и с помощью Абхазии оказать влияние на Грузию. Вторым фактором выступал мотив использования адыго-абазо-абхазской общностью Конфедерации «вайнахских ресурсов» в установлении контроля на территории Причерноморья. Однако эта идея и эти факторы перестали быть актуальными сразу после того, как Абхазия прекратила отношения с Грузией, а необходимость в панкавказской интеграции отпала. Лидеры национального движения адыго-абазо-абхазского переориентировались на российский

³⁸⁴ Байрамуков А. И. Геополитический фактор внутривнутриполитического процесса современной России в контексте обеспечения национальной безопасности: на примере Северного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Невинномысск, 2012. С. 133.

³⁸⁵ Мамаладзе Т. Подручные секретных служб. Бесшумный съезд КНК // Известия, 1996. 28 августа.

федеральный центр благодаря отсоединению российских автономий. Россия единственный сильный сосед, на чью помощь в данной ситуации могла рассчитывать Абхазия. Объяснимой кажется и ситуация в Чечне и Ингушетии после окончания войны в Чечне, которая заключалась в возобновлении прогрузинских настроений в кланах, поддерживающих сепаратистов. Утрата «вайнахского ресурса» значительно урезонила внешнеполитические амбиции и возможности Абхазии.

Предотвратить будущие попытки эскалации межэтнических конфликтов на Северном Кавказе можно попробовать с помощью экономического взаимодействия и кооперации и развития транспортных сетей.

После нападения Грузии на Южную Осетию многие транспортные проекты вынуждены были свернуться, а консенсуса с тогдашними грузинскими властями российская политическая власть не смогла достичь. Более того, Россия признала отделение Абхазии и Южной Осетии, что усложнило и без того непростые отношения с лидерами Грузии, ангажированными США. Диалог возобновился только после ухода М. Саакашвили с поста президента Грузии.

Следует отметить, что такая реинтеграционная направленность в последнее время присуща политике России на Северном Кавказе благодаря прекращению российско-грузинской интеграции.

Следует также учитывать, что «через интеграцию с сопредельными грузинскими регионами в это же пространство могли бы, так или иначе, включиться и регионы Северного (российского) Кавказа. Для этого, что в интересах России, также ориентированной на европейский мир, достаточно будет дать регионам больше свобод в сфере внешних связей. Сейчас основным препятствием к этому является то, что, как отмечают политологи, российское современное внешнеполитическое мышление впитало в себя принципы, утвердившиеся в Европе в XVII–XIX вв. Среди них – представление о национальном государстве как единственном субъекте международных

отношений»³⁸⁶. Во многом это является следствием того, что «российской элите свойственна трактовка национальных интересов как интересов государства (а на практике – государственной бюрократии), а не общества»³⁸⁷. Последнего касается и политолог Ф. Шелов-Коведяев, который напоминает: «весь опыт XX в. свидетельствует, что прагматизм в политике должен пониматься в смысле следования интересам частных граждан, в том числе объединенных в частные бизнес-структуры, в частные корпорации»³⁸⁸. По его мнению, Россия пока следует вразрез этой мировой тенденции. У нас, отмечает он, «большого прагматизма не просматривается». Скорее идет превалирование иррациональных начал в российской дипломатии над рациональными³⁸⁹.

Таким образом, во внешней геополитике Россия необязательно должна рассматривать евроатлантическую интеграцию региона как противоречащий ее целям политический или даже идеологический проект, «инициированный и проводимый Западом»³⁹⁰. «В то же время Россия должна стремиться к сохранению многовекторной геостратегической реальности. Мультивекторная геополитическая реальность не только естественна лимитрофному региону, которым и является Кавказ, но и, при надлежащем ее учете в практике, полезна России. Она в целом совпадает с давней интеграционной установкой российской дипломатии, которую она пыталась реализовывать в конце XX в. Данный ориентир также отвечает российским национальным интересам. Наконец, следует еще раз подчеркнуть важность учета ментального фактора в

³⁸⁶ Федоров Ю. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1 – 2. «Внешняя политика России: 1991-2000». С. 43.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Шелов-Коведяев Ф. В. Об императивах внешней политики (К философии выхода России из кризиса) // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 19-36.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Голованов А.С. На перепутье евроинтеграции – 20 лет членства России в Совете Европы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 101-105.

геостратегических разработках относительно не только Кавказа в целом, но и рассматриваемого северокавказского региона в частности»³⁹¹.

В политической публицистике часто встречается банальное утверждение о том, что «Кавказ пока остается российским из-за двух вещей. Во-первых, из-за огромных вливаемых туда денег; во-вторых, кавказские народы друг друга не любят, как правило, больше, чем русских»³⁹². Но как всякая банальность, и эта имеет глубокий, проверенный временем, смысл.

«Известно, что Кавказ, как Северный, так и Южный, на протяжении более чем двух веков интегрировался в состав России экономически и социокультурно. Эти связи в постсоветский период между отделившимися республиками и Россией ослабли (ослабление роли русского языка у новых поколений, а вместе с ним и культурного влияния), но они сохраняются в республиках, вошедших в состав Российской Федерации. И здесь у России большие географические, геополитические, геоэкономические и геокультурные, исторические предпосылки и перспективы для развития интеграции и поддержания стабильности»³⁹³. Однако в условиях процессов становления глобального порядка многое будет зависеть от субъективного фактора – стратегии и гибкой тактики Российской Федерации в этнополитике, подходы к формированию которой мы пытаемся обозначить в данной работе.

Наиболее уязвимые места этой политики, по нашему убеждению, отчетливей всего проявляются при анализе конфликтных ситуаций, поскольку именно в такие периоды и проявляется ее институциональная слабость. И даже не столько в анализе, сколько в применении его результатов на практике. По нашему мнению, просчеты в этнополитике во многом обусловлены тем, что политологи необъяснимо пренебрежительно относятся к научным достижениям конфликтологии, беря в этом пример с властей. Но «призывом ко вниманию этнополитологов должно быть то, что «отечественная конфликтология как

³⁹¹ Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России. С. 162.

³⁹² Латынина Ю. Это – провал // Новая газета. 2005. 14 февраля.

³⁹³ Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России. С. 16.

новая отрасль обществоведческого знания в настоящее время также развивается в русле прагматизации и регионализации»³⁹⁴. Тесная связь теоретической конфликтологии с ее практическими приложениями в условиях современных российских трансформаций также является важной причиной перевода конфликтологических исследований со «странового» уровня на региональный»³⁹⁵. Это обосновывается тем, что «социальная напряженность и провоцируемые ею конфликты, выливающиеся в острые конфронтации, особенно с применением вооруженного насилия, затрудняют проведение социально-экономических и политических преобразований...»³⁹⁶. Субъективной составляющей развития региональной конфликтологии, считают некоторые исследователи, является формирование сообщества ученых-обществоведов, живущих в регионах, характеризуемое рядом особенностей: во-первых, даже если они непосредственно не участвуют в конфликтных действиях, они опосредованно вовлечены в эти конфликты вследствие своей социальной, профессиональной, национальной принадлежности. Интерпретация социально-политического конфликта любого типа в региональном аспекте значительно субъективирована, но вместе с тем региональные обществоведы раскрывают ситуацию «изнутри», воспринимая ее более обостренно, что отмечают все работающие в регионах известные ученые; во-вторых, следует назвать связь ученых с властными и другими управленческими структурами в регионах, которая может иметь как позитивное содержание, так и негативное, что определяется спецификой региона, уровнем демократических преобразований в нем, моно- или полиэтничным составом населения; в-третьих, достаточно

³⁹⁴ Каширин В. И. Региональная конфликтология и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов и проф. В. А. Авксентьев. Ростов н/Д, 2008. 384 с. Рецензия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 4 (152). С. 129-130.

³⁹⁵ Стребков А. И., Алдаганов М. М., Газимагомедов Г. Г. Российская конфликтология между настоящим и прошлым // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 66-76.

³⁹⁶ Степанов Е. И. Международная ассоциация конфликтологов: 15-летие возникновения и развития // Конфликтология. 2016. № 1. С. 9-26.

устойчивые научные связи региональных сообществ конфликтологов, восстановившиеся к середине первого десятилетия XXI в. после обусловленного финансовыми проблемами периода распада региональных научных сообществ³⁹⁷. К тому же, региональные конфликтологи имеют тесные связи друг с другом, что позволяет им обмениваться как полевыми сведениями, так и наработанными методологиями.

Геостратегическое значение такого подхода также очевидно: при учете территориальных притязаний того или другого этноса, вооруженные культурологическими, этнографическими и этнологическими знаниями политики могли бы приводить приемлемые в любой конкретной ситуации доводы, корректируя эти притязания с геостратегией России. В число официально признанных признаков региона включена и некая пространственная его целостность, в том числе и географическая. Но в этом случае, как нам кажется, концепт «регион» больше подходит к Северному Кавказу, чем ко всему Южному федеральному округу. Уточнения по этому вопросу, по нашему мнению, находятся в компетенции региональных конфликтологов.

Данное научное направление сравнительно молодо, институционализировавшись где-то с конца 1980-х гг. Но именно регионологический подход стал одним из основных в его становлении. «Формирование региональной конфликтологии происходит со второй половины 1990-х гг., когда уже сложились некоторые отраслевые конфликтологии — экономическая, этническая, психологическая, политическая и др.»³⁹⁸. В 2006 г. в рамках исследовательского проекта «Разработка

³⁹⁷ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. С. 49-50.

³⁹⁸ Титова Л. Г. Проблемы и цели региональной конфликтологии // Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. С. 402-409.

теоретико-методологических основ региональной конфликтологии» был проведен первый этап исследования проблем региональной конфликтности на примере Юга России. При этом, как утверждают авторы цитируемого труда, были уточнены методологические предпочтения ученых, работающих в регионе, конкретизирована иерархия факторов, определяющих динамику регионального этнополитического кризиса 1990-х–2000-х гг. Анализ конфликтной ситуации был дополнен ими данными 2006 и 2007 гг.

В качестве одного из наиболее значимых конфликтогенных факторов в 1990-е гг. авторы называют тесную взаимосвязь исторического контекста с особенностью южнороссийского региона – полиэтничностью. По их справедливому замечанию, «совпадение историчности и полиэтничности как проявление специфических исторических особенностей Юга России оказало существенное влияние на конфликтный фон этого региона в 1990-е гг.»³⁹⁹. Главным «усилителем» конфликтогенности эксперты посчитали национальную политику государства в 1990-е гг., на втором месте – этническая неоднородность политико-географических образований, на третьем – национально-территориальное устройство Юга России, далее – экономическая политика центральных органов власти в 1990-е гг., экономический кризис конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века и, наконец, националистическую деятельность этнополитических элит региона. В начале 2000-х гг., по мнению экспертов, ситуация несколько изменилась, выдвинув на первый план конфликтогенности социально-экономические проблемы, на второй – национально-территориальное устройство Юга России, затем – особенности российской экономики начала XXI в., экономическую политику центральных органов власти, затем деструктивное воздействие СМИ и националистическую деятельность этнополитических элит. Это – мнение и экспертный анализ социологов. К сожалению, подобных политологических исследований нет. Но и

³⁹⁹ Палчаев А. Н. О факторах конфликтности и стабильности на Северном Кавказе // Власть. 2016. № 8. С. 199-203.

эти данные свидетельствуют в пользу нашей гипотезы о постоянной этнической составляющей в конфликтности Северного Кавказа.

Дело еще в том, что низкий рейтинг националистической деятельности этнополитических элит объясняется скрытностью деятельности этих самых элит. Мы уже показывали, что деятельность элит не ограничивается только националистическими выступлениями, а незримо присутствует во всех рейтинговых позициях, определенных экспертами. «Отдельные этноклановые группы в условиях усиления борьбы за ресурсы пытаются идти по пути политизации этничности в целях расширения массовой поддержки, при этом условием, необходимым для актуализации политической проекции этничности, являются конфликты или события, потенциально пригодные для интерпретации в качестве конфликтов, что умножает проблемность информационного поля»⁴⁰⁰.

Показывая хитрость и изворотливость, этническая элита легко преодолевает западный рационализм, на котором и выстраиваются все конфликтологические теории. К тому же, объединение в один регион таких разных по многим параметрам подрегионов как, например, Воронежская область и Карачаево-Черкесская Республика, подразумевает, по-видимому, и разные подходы как в методологии конфликтологического анализа, так и в оценке его результатов. Правда, авторы и сами это понимают, поскольку предлагают такую формулировку выводов экспертов: «в южнороссийском регионе действует синтез конфликтологических факторов, т.е. не только экономический, но и социокультурный, конфессиональный, политический, исторический и др.»⁴⁰¹. «В таких полиэтничных сообществах, как Юг России, экономический аспект приобретает этническую и/или этноконфессиональную окраску, нередко получающую в глазах людей первостепенное значение, что

⁴⁰⁰ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 117.

⁴⁰¹ Дмитриев А. В. Дезэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Eskalaziya.pdf> (дата обращения: 19.12.2019).

усиливает конфликтогенный потенциал этносоциальной стратификации политико-географических территориальных образований»⁴⁰². И мы солидарны с экспертами в определении причин «этнизации» любого конфликта: концентрация экономических и политических ошибок. И принимаем их заключение о том, что «в сложной, нередко непредсказуемой социально-экономической ситуации люди начинают искать "убежище" в этничности и вере, и общество распадается на этнические и конфессиональные фрагменты, слабо связанные друг с другом. «Погружение в этничность», по мнению экспертов, часто сопровождается стремлением слить воедино этническую и политическую единицы, что, в конечном счете, ведет к межэтническим конфликтам и сепаратизму»⁴⁰³. Интересные наблюдения по этому поводу высказаны в ходе изучения конфликтов на Северном Кавказе в целом: «ситуация на Северном Кавказе усугубляется незащищенностью прав коренного населения и коррупцией в системе местного самоуправления и в области регулирования земельных отношений <...> в условиях Северного Кавказа частные интересы нередко приводят к групповым конфликтам, приобретающим межэтнический характер. Если ситуацией не управлять, то локальные земельные конфликты перерастают в более серьезные столкновения, которые часто сопряжены с применением насилия»⁴⁰⁴.

Таким образом, «отличительной чертой современной общественно-политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе является острый контраст между внешней стабилизацией обстановки, с одной

⁴⁰² Клименко Л. В., Ермишина А. В. Экономические ценности как фактор социокультурной интеграции в полиэтничных обществах // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 4. С. 862-869.

⁴⁰³ Дмитриев А. В. Деэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Eskalaziya.pdf> (дата обращения: 19.12.2019).

⁴⁰⁴ Пояндошаев О. П. Чума XXI века? Коррупция на Северном Кавказе // Научное наследие Ф. А. Щербини: казачество и история Кавказа: сб. материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во: Академия маркетинга и социально-информационных технологий - ИМСИТ (г. Краснодар). 2018. С. 176-194.

стороны, и существованием значительных социально-экономических, межэтнических и иных противоречий, постоянным стремлением этнических клановых групп закрепить за собой властные прерогативы, влияние и экономические ресурсы в национальных республиках, с другой стороны»⁴⁰⁵. Конфликтная ситуация в данном регионе характеризуется единством экономического, этнополитического, этнокультурного факторов, что в течение длительного времени поддерживает социальную напряженность в регионе. Этим определяются, например, постоянно возникающие требования то одного, то другого народа Карачаево-Черкесии выделения своей автономии, или государственности одного этноса на геополитическом пространстве Северного Кавказа. Отмечаемая всеми экспертами ситуация «неустойчивой стабильности», казалось бы, должна была повлиять на категоричность выводов экспертов, однако существует и другое мнение о том, что «республики Северного Кавказа по-прежнему будут сползать в "серую", слабо проницаемую для федеральной власти "зону" при нарастающем формировании альтернативных общероссийским социальных, духовно-идеологических, политических и иных доминант. Будет продолжаться также формирование внутреннего российского "зарубежья" (Чечня, Дагестан, Ингушетия, некоторые районы Карачаево-Черкесии)»⁴⁰⁶. Другими словами, «федеральные власти взяли на вооружение практику непрямого правления, характерную для Российской - империи и современных ей западноевропейских государств Нового времени, используя ее как инструмент интеграции однажды отколовшегося региона»⁴⁰⁷.

В отношении Карачаево-Черкесской Республики, по нашим наблюдениям, мнение о «сползании ее в серую зону» в корне неверно, хотя

⁴⁰⁵ Скороходова В. П. Некоторые особенности проведения парламентских выборов 2016 г. в республиках Северного Кавказа // Философия права. 2017. № 2 (81). С. 111.

⁴⁰⁶ Гриценко Г. Д. Межэтнические отношения на Северном Кавказе // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 3. С. 35-44.

⁴⁰⁷ Силаев Н. Ю. «Кавказская специфика»: теоретическое осмысление // Россия и АТР. 2017. № 4 (98). С. 42.

справедливо мнение о негативной роли СМИ в этих процессах, которые иногда вводят в заблуждение общественность в отношении положительного развития социально-политической и экономической ситуации в республике. Приходится признавать справедливость мнения о том, что проблема сепаратизма вновь обострится, «когда будет исчерпан "контракт" федеральных и северокавказских элит, действующий сегодня, когда уменьшатся доходы от продажи природных ресурсов, и если к тому времени не будет сконструирована и закреплена основанная на общегражданских ценностях российская нация, включающая в себя северокавказцев». Свои проблемы, по мнению экспертов, принесет на Юг России и начавшийся процесс «укрупнения» субъектов Федерации и соответственно изменения их границ. Неблагоприятный прогноз развития социально-политической ситуации на Юге России обусловлен также и возможностью преобразования некоторых геополитических факторов, не обладающих в настоящее время ярко выраженным конфликтогенным содержанием, в конфликтогенные. В контексте активизации некоторых внешних факторов «особую значимость приобретает деятельность зарубежных акторов и прозападных сил в стране и регионах, направленная на усиление контроля над добычей и транспортом энергоресурсов в кавказском регионе, продвижение НАТО на Восток, создание "санитарного кордона" вокруг России. Попытки США в еще большей степени усилить собственные позиции на Кавказе будут способствовать сохранению высокого внутреннего потенциала конфликтности на Юге России, подогревая его извне путем провоцирования управляемых конфликтов»⁴⁰⁸.

Этим же озабочена и Европа. Еще в 2005 г. после газетной статьи Р. Хатуева (Западно-Кавказский аналитический центр) в Карачаево-Черкесии широко обсуждался казус с отказом мусульманам в визах на выезд в Европу, среди которых были и жители Карачаево-Черкесии⁴⁰⁹. Уже тогда аналитик

⁴⁰⁸ Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М., 2008. С. 186.

⁴⁰⁹ Хатуев Р. Кавказская матрица // Вести гор, 22.11.-18.11.2005 г.

отметил, что северокавказцев насильно ставят в положение выбора между «евразийством» и «евроатлантизмом». При этом все отмечают «нелюбовь» местных народов друг к другу дальше большую, чем к русским. Из такого понимания ситуации исходят не только политологи, но и творцы федеральной политики на Северном Кавказе. По мнению участников проведенного автором диссертации экспертного опроса, реальная российская этнополитика в регионе основана на градации местных этносов, среди которых выделяются «верный оплот» (осетины), «особо доверенные» (кабардинцы), «в целом лояльные» (дагестанцы), «неблагонадежные» (все депортированные Сталиным народы), и т.д. Соответственно поощряется и межэтническое соперничество – причем не только политиками, но и центральными СМИ, часто печатающими материалы, способствующие разжиганию розни, например, между адыгами и карачаево-балкарцами⁴¹⁰.

Однако за таким видением упускается, по мнению Р. Хатуева, другая очевидность: национальные движения практически всех северокавказских народов имеют выход на евроатлантическую «ось» США-Турция/Иордания. Одна группа – национальные движения адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) и абазин – выходит к «оси» как через многомиллионную диаспору в Турции и Иордании, так и через дружественную Абхазию. Вторая группа – национальные движения тюркоязычных карачаево-балкарцев, кумыков, ногайцев – связана с Турцией, в т.ч. и через диаспору, в плане этнокультурном (родство народов), и свои национальные движения – в политическом (идея пантюркизма). Третья группа – вайнахские национальные движения – встраиваются в «ось» как через свою диаспору в Турции и Иордании, так и через Грузию, на союз с которой (с учетом его антироссийского характера) ориентирована значительная часть вайнахской этнической элиты⁴¹¹.

⁴¹⁰ Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль-июнь 2009 г., февраль-июнь 2018 г.) // Материалы из личного архива автора.

⁴¹¹ Хатуев Р. Кавказская матрица // Вести гор, 22.11.-18.11.2005 г.

По образному выражению Р. Хатуева, эти конкурирующие группы в недалекой перспективе могут составить лишь ответвления «трезубца», восходящие к одной, евроатлантической «осевой», рукояти. И тогда их конкуренция на Северном Кавказе обретает второстепенный характер. Если допустить, что в такой «трезубец» войдут не только национальные движения, но и их этносы, то евроатлантический ответ мусульман Северного Кавказа будет означать принятие ультиматума Запада исламскому миру. Непринятие же ультиматума для северокавказцев грозит значительными проблемами в наметившемся конфликте цивилизаций⁴¹². Известный американский писатель Норманн Мейлер, касаясь склонности США «отождествлять себя с Добром, а во всем остальном мире усматривать Зло», прямо предупреждает, что «это неизбежно может привести в глобальном противостоянии иудейско-христианской цивилизации со всеми теми, кого американские неоконсерваторы причисляют к "современному варварству"»⁴¹³. Н. Мейлер – ветеран Второй мировой войны и с глобальными конфликтами знаком на собственном опыте. И очевидно, что в критикуемых им идеях «современное варварство» отождествляется именно с мусульманами. Западная («иудейско-христианская» по Н. Мейлеру) цивилизация ныне самая мощная на планете, способная в случае сопротивления поглотить без остатка все, сравнительно немногочисленные, народы Северного Кавказа. Страх этнических элит перед такой угрозой может побудить их для начала перейти под цивилизационный протекторат Запада, с перспективой влиться в западную цивилизацию. Но все дело в том, что ничего нового в таких ориентирах нет. Еще в XIX в. горские национальные элиты впервые предпринимали попытки примкнуть к реализации британской геостратегии.

Весьма привлекательными в таком случае становятся ресурсы огромного мусульманского мира. Обращение некоторой части северокавказцев к своим

⁴¹² Хатуев Р. Кавказская матрица // Вести гор, 22.11.-18.11.2005 г.

⁴¹³ Mailer N. Pourquoi sommes-nous en guerre? - Paris: Deneoel, 2003, 109 p.

«мусульманским корням» и выбор ими «курса на исламский Юг» неизбежно в силу разочарования как «исламофобской» Россией, так и «исламофобским» Западом. И не имеет особого значения тот факт, что большинство ведущих стран исламского Юга управляются проамериканскими режимами. Как отмечает В. П. Скороходова, «в различных частях света нередко считают, что проекты западно-центричного мира не могут привести к утверждению справедливого и стабильного международного порядка в силу их исключительно западной ориентации и неспособности понять другие культуры. При этом, западное телевидение совершает духовную агрессию, в определенной степени навязывая мусульманским странам и народам западный образ жизни и свои ценности. Данная культура, для которой материальные блага, индивидуализм и др., являются приоритетными среди жизненных ценностей, радикализует исламское сознание, отвергающее такого рода проявления массовой культуры»⁴¹⁴. В то же время следует отметить, что подавляющее большинство населения этих стран отвергает цивилизационную экспансию Запада, с чем северокавказцы уже встречались в XIX в. – попыткой создания имамата и, как следствие, затяжная Кавказская война.

Религия является одним из важнейших общественных институтов. «В постсоветский период на Северном Кавказе стихийно сформировалась впечатляющая по своим масштабам религиозная инфраструктура. Абсолютно и с большим отрывом лидируют Дагестанское нагорье и Карачаево-Черкесия (карачаевские районы). Православный пояс отстает по обоим показателям в разы (Карачаево-Черкесская Республика) и в десятки раз (Республика Дагестан). Сверхрелигиозные центры включают также Чеченскую Республику и Республику Ингушетию»⁴¹⁵. Как справедливо замечает М. М. Мchedлова,

⁴¹⁴ Скороходова В. П. Конфликтологический потенциал влияния глобализации на северо-кавказское общество в постсоветский период // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 4. С. 79-81.

⁴¹⁵ Махадов А. К. Глобализация и этноконфессиональные противоречия на Северном Кавказе // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной науки:

«религиозные институты и лидеры формируют в условиях современности не только смысложизненные ориентиры, но и идейный контекст политической активности и видение социального прогресса»⁴¹⁶. Но она «призвана влиять и на духовно-нравственные проблемы»⁴¹⁷. «Более того, религиозные процессы, направленные на сохранение духовных ценностей, приобретают важное значение для формирования культуры взаимодействия между представителями различных конфессий»⁴¹⁸. Однако в полиэтничном сообществе значение религии особенно велико в силу того, что конфессиональные различия достаточно часто выступают в качестве дополнительных факторов этнической дезинтеграции. Кроме того, включенность в конфессиональный контекст расширяет количество акторов регионального этнополитического процесса. В этой связи показательно отношение современной региональной власти к конфессиональным институтам. Так, Правительство Карачаево-Черкесии в республике в последний раз проводило исследование конфессиональной ситуации в 2018 г. Но это говорит и о том, что, вопреки опасениям Р. Хатуева, исламский фактор в Карачаево-Черкесии не так силен, как в других мусульманских республиках. Это объясняется и тем, что здесь проповедуется ислам суннитского, более «мягкого» толка. К тому же, конфессиональное поле республики пестрит разными религиями. По данным, предоставленным нам Комитетом по делам религий КЧР, в 2019 г. в республике действовало 185 религиозных объединений 15-ти различных религиозных конфессий, направлений и толков. Из них 142 местных религиозных организаций, зарегистрированных в Управлении Федеральной регистрационной службы по Карачаево-Черкесской Республике, 1 централизованная религиозная

взгляд молодых ученых». Грозный: Изд-во: Чеченский государственный педагогический университет. 2019. С. 616.

⁴¹⁶ Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С 111.

⁴¹⁷ Базиева Г. Д. Духовно-нравственная культура народов Северного Кавказа в условиях глобализации // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 188.

⁴¹⁸ Там же.

организация, зарегистрированная в Министерстве Юстиции Российской Федерации, 42 – действуют в качестве религиозных групп (в том числе 2 – в виде общественных организаций). Новых религиозных организаций зарегистрировано не было. В связи с переходом руководителя местной общины Русской Православной свободной церкви в Истинно-православную церковь, Русская Православная свободная церковь прекратила существование⁴¹⁹.

Большинство религиозных объединений располагает культовыми зданиями. Основная их часть – специализированные постройки (81 здание), некоторые – приспособленные гражданские (бывшие магазины, клубы и т.п.), либо жилые дома, прошедшие соответствующую реконструкцию и перепланировку (42 здания). 32 общины проводят богослужения на дому или арендуют непригодные помещения. Ведется строительство 26 новых культовых зданий⁴²⁰.

В республике действует 117 исламских объединений. Из них 103 местных религиозных организаций, 1 централизованная – Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя (ДУМКЧиС), 13 религиозных групп. Все мусульманские общины входят в структуру ДУМКЧиС (рук. Бердиев И.А.)⁴²¹.

Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя (ДУМКЧиС) занимает важное место среди общественных институтов, оказывающих реальное влияние на социально-политическую обстановку в Северо-Кавказском регионе. Однако в последнее время в мусульманской умме республики и края возник ряд серьезных проблем, чреватых серьезными последствиями. Наиболее сложная из них – попытка создания Духовного управления мусульман Ставропольского края, независимого от ДУМКЧиС. Для решения возникших вопросов была проведена значительная работа с

⁴¹⁹ Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/nationality/ (дата обращения: 19.12.2019).

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же.

привлечением Администрации Президента РФ и Аппарата Полномочного Представителя Президента РФ в ЮФО. В результате – ситуация была стабилизирована и вопрос об отделении ставропольской мусульманской общины снят с повестки дня.

Кроме мусульманских, на территории Карачаево-Черкесии в 2019 г. действовало 21 объединение Русской Православной Церкви. 20 из них были зарегистрированы и обладали правами юридического лица. В г. Черкесске, столице республики, продолжает функционировать Православный лицей имени Сергия Радонежского. Все церкви входили в состав Карачаево-Черкесского благочиния (рук. Корнеев В.В.). В нынешнем году при поддержке Президента Карачаево-Черкесской Республики были выкуплены и водружены купола на Никольский собор в г. Черкесске, выделено на строительство 2 млн. рублей, а также отправлены 14 паломников в паломничество в Иерусалим⁴²².

Из имеющихся проблем следует отметить деятельность на территории республики неканонических ответвлений православия, прежде всего Истинно-православной церкви. Кроме того, здесь действует 36 объединений различных направлений протестантизма: евангельских христиан-баптистов (13 общин), христиан веры евангельской – пятидесятников (11 общин), "Свидетелей Иеговы" (7 общин), адвентистов седьмого дня (3 общины), Евангелическо-лютеранская церковь (1 община), евангельские христиане – последователи проповедника Вочмана Ни (1 община)⁴²³.

Помимо лютеранской церкви, объединяющей местных немцев, действует еще несколько религиозных общин, образованных по этноконфессиональному признаку. Евреи создали иудейскую общину, а армяне зарегистрировали Армянскую апостольскую церковь. Встречаются и деятели из «Общества сознания Кришны». В 1990-е годы в республике под видом оздоровительной практики получило распространение учение Рейки. В это же время

⁴²² Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/nationality/ (дата обращения: 19.12.2019).

⁴²³ Там же.

образовалась небольшая община «Хранителей пламени» (их учение в чем-то близко религиозным концепциям Рериха и Блаватской). По некоторым проявлениям можно предположить, что в республике существуют и сатанинские общества.

Работа государственных органов в религиозной сфере определяется во многом программой взаимодействия с религиозными организациями, которую огласил Президент Карачаево-Черкесской Республики. В соответствии с программой в республике был создан общественный благотворительный фонд «Согласие», который призван оказывать содействие традиционным религиозным организациям. Для эффективной и, главное, объективной оценки процессов и явлений в религиозной сфере, при Президенте Карачаево-Черкесской Республики создан Экспертный совет для проведения независимой религиоведческой экспертизы. Контроль за состоянием религиозной ситуации в республике осуществляется системой государственных и правоохранительных органов. В Администрации Главы Карачаево-Черкесской Республики взаимодействие с религиозными объединениями осуществляет уполномоченный Главы Карачаево-Черкесской Республики по связям с религиозными организациями. В администрациях городов и районов вопросы, связанные с деятельностью религиозных объединений курирует один из заместителей Главы администрации.

Поддерживаются тесные контакты с Управлением министерства юстиции Российской Федерации по Карачаево-Черкесской Республике, Прокуратурой Карачаево-Черкесской Республики, правоохранительными органами. Происходит активное взаимодействие с Духовным управлением мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя, Ставропольским Епархиальным управлением, Карачаево-Черкесским благочинием, руководством других религиозных объединений. Такая система позволяет своевременно получать достаточно полную и объективную информацию, складывающуюся в религиозных объединениях республики, своевременно принимать необходимые

меры, координировать деятельность различных государственных и правоохранительных структур.

Управлением Федеральной регистрационной службы по Карачаево-Черкесской Республике совместно с уполномоченным по связям с религиозными организациями регулярно в плановом порядке осуществляется проверка уставной деятельности религиозных объединений. Достаточно часто проводятся совещания с участием Уполномоченного Президента КЧР по связям с религиозными организациями, с Управлением по взаимодействию с общественными объединениями, религиозными организациями и мониторингу миграционных процессов администрации Краснодарского края и ЮФО, на которых рассматриваются проблемы религиозной ситуации в регионе.

Проблемы, связанные с религиозной ситуацией занимали важное место на круглом столе «Постсоветская Карачаево-Черкесия, современные выводы региональной безопасности», проведенном в рамках Международного симпозиума «Проблемы безопасности Северного Кавказа и международные организации: совместный поиск решений». Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи были рассмотрены на конференции, проведенной Отделом образования Урупской территориальной районной государственной администрации и РГОУ «Лицей пос. Медногорский»⁴²⁴.

Налажена практика совещаний 30 сотрудников МВД КЧР с мусульманским духовенством, а также Управлением Федеральной регистрационной службы по КЧР.

Кроме того, необходимо выделить Региональный план мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской

⁴²⁴ Христианский католический портал «Katolik: ru»: Религиозная ситуация в Карачаево-Черкесии: Уполномоченный президента КЧР по связям с религиозными организациями Е. Кратов провел пресс-конференцию с журналистами, на которой рассказал о религиозной ситуации в республике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.katolik.ru/mir/1016-archive/75543-st7583.html> (дата обращения: 19.12.2019).

Федерации на период до 2025 г. в Карачаево-Черкесской Республике⁴²⁵, принятый Правительством Карачаево-Черкесии. Целью Регионального плана в соответствии с Концепцией национальной политики в Карачаево-Черкесской Республике является «совершенствование межэтнических отношений, обеспечение условий для полноправного социального и национально-культурного развития народов Карачаево-Черкесской Республики, упрочение гражданской и духовно – нравственной общности народов на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина»⁴²⁶.

Количественный аспект религиозной ситуации выглядит следующим образом:

Табл. № 17

Количество религиозных объединений в КЧР⁴²⁷:

	Наименование объединений	Объединений	Групп	Всего
1.	Мусульмане-сунниты	104	13	117
2.	Русская Православная Церковь	20	1	21
3.	Евангельские христиане	8	5	13
4.	Христиане веры евангельской-пятидесятники	3	8	11
5.	Свидетели Иеговы	2	5	7
6.	Общество сознания Кришны	2	1	3
7.	Адвентисты седьмого дня	1	2	3
8.	Евангелическо-лютеранская церковь	1	0	1
9.	Иудеи	1	0	1
10.	Армянская апостольская церковь	1	0	1
11.	Истинно православная (катакомбная) церковь	0	3	3
12.	Евангелистские христиане ("вочманисты")	0	1	1
13.	Хранители пламени	0	1	1
14.	Рейки	0	1	1
15.	Сатанисты	0	1	1
	ИТОГО	143	42	185

⁴²⁵ Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kchr.ru/upload/Regional%20ny%20i%20plan%20po%20realizacii%20> (дата обращения: 19.12.2019).

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Там же.

Исследование институциональных факторов российской внутренней и внешней политики на Кавказе позволяет автору предложить ряд выводов.

«Дипломатическая деятельность России в целях управления конфликтными ситуациями на Южном Кавказе тесно взаимосвязана с этнополитическими процессами на Северном Кавказе. Наиболее активными акторами политического процесса в данном регионе, помимо России, являются США и Европейский Союз»⁴²⁸. При этом политику Европейского Союза во многом определяет его глубокая зависимость от поставок российских энергоносителей. Современная этнополитическая ситуация в регионе определяет необходимость активного использования принципа многоуровневой дипломатии («народная» – региональная – общегосударственная), что позволит высвободить ресурсы государства, ориентируя его на решение крупномасштабных задач. Данный принцип активно использовался Россией в отношении Абхазии и Южной Осетии до признания их независимости.

Россия должна стремиться к сохранению многовекторной геостратегической реальности. Мультивекторная геополитическая реальность не только естественна лимитрофному региону, которым и является Кавказ, но и, при надлежащем ее учете в практике, полезна России. «Она в целом совпадает с давней интеграционной установкой российской дипломатии, которую она пыталась реализовывать в 1990-е гг. Данный ориентир также отвечает российским национальным интересам. Северный и Южный Кавказ на протяжении более чем двух веков экономически и социокультурно интегрировался в состав России. Эти связи в постсоветский период между отделившимися республиками и Россией существенно ослабли (снижение уровня знания и роли русского языка у новых поколений, а вместе с ним и культурного влияния), но они сохраняются в республиках, вошедших в состав

⁴²⁸ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе. С. 15.

Российской Федерации»⁴²⁹. И здесь у России большие географические, геополитические, геоэкономические и геокультурные, исторические предпосылки и перспективы для развития интеграции и поддержания стабильности. Однако в контексте процессов формирования глобального порядка многое будет зависеть от субъективного фактора-эффективности этнополитической стратегии Российской Федерации.

На Северном Кавказе конфликтная ситуация характеризуется единством экономических, этнополитических и этнокультурных факторов, что на протяжении длительного времени поддерживает социальную напряженность в регионе. Неблагоприятный прогноз развития социально-политической ситуации на Юге России обусловлен возможностью преобразования некоторых геополитических факторов, не обладающих в настоящее время ярко выраженным конфликтогенным содержанием, в конфликтогенные. В первую очередь к этой группе риска относятся, как показали события 2008 г. в Южной Осетии, внешнеполитические факторы.

Ислам и христианство являются факторами включения региона в глобальные политические процессы. Включение в широкий конфессиональный контекст обуславливает увеличение числа факторов этнополитического регионального процесса. Религиозные институты в регионе действуют только в рамках, определенных российским законодательством, и не стремятся самостоятельно участвовать в каких-либо геополитических преобразованиях.

⁴²⁹ Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе. С. 15.

Заключение

Проведенное научное исследование, посвященное современному неинституированному политическому процессу, позволило решить ряд задач, имеющих теоретическое и практическое значение. В результате исследования были выделены особенности и сущностные характеристики неинституированного политического процесса; обозначены социально-политические последствия неинституированного политического процесса, в том числе в полиэтничном политическом пространстве; выявлены условия, благоприятствующие формированию и развитию специфических практик неинституированного политического процесса; обоснована роль элиты в функционировании неинституированного политического процесса, выявлены ее значение в формировании и трансляции политических практик в ситуации обостряющейся межэтнической конкуренции; подтверждена связь между характером социального недовольства и неинституированным политическим процессом; доказано влияние практик, сформировавшихся в ситуации неинституированного политического процесса, на трансформацию политической лояльности населения; доказано наличие корреляции между неинституированным политическим процессом и процессами политической дезинтеграции; установлена корреляция между неинституированным политическим процессом и процессами политической интеграции; выявлены механизмы и границы влияния политики «центра» на неинституированный политический процесс.

Посредством решения всех поставленных задач была подтверждена выдвинутая гипотеза, что в определенной политической среде формируются

условия для неинституированных практик, которые в совокупности, достигнув достаточной степени развития, как с точки зрения своего количества, так и качества, запускают неинституированный политический процесс, служащий в полиэтничном пространстве как интересам политической дезинтеграции, так и интересам политической интеграции.

Северо-Кавказский макрорегион является лучшей моделью для исследования неинституированного политического процесса. Политический процесс может быть назван неинституированным, если, по крайней мере, стадии артикуляции интересов и осуществления политического курса будут характеризоваться двумя особенностями: первая – преобладанием неконвенционального политического участия (политического протеста), а вторая – преобладанием неформальной системы распределения политических благ (политического клиентелизма). Протест и клиентелизм объединяет то, что они игнорируют посредническую роль институтов, приводящих в движение политический механизм в любой демократической системе. Как следствие, такой политический процесс, во-первых, отличается повышенной конфликтностью, и, во-вторых, именно на локально-региональном уровне он находит наиболее благоприятные условия для своего развития.

Неинституированный политический процесс обостряет существующие социально-политические разногласия.

Конфликтогенность неинституированного процесса еще выше, если он развивается в полиэтничном политическом пространстве, где он часто влечет за собой иерархизацию этнонациональной структуры и трансформацию в общественном дискурсе социальных проблем в национальные, ведя к этнизации политики или политизации этничности, к крайне конфликтогенным, по своей сути, социально-политическим процессам, дестабилизирующим политическое пространство всего государства.

В последние десятилетия тенденция глобализации мировых процессов повлекла за собой заметные изменения во внутривнутриполитических процессах России, усилив опасения этнических элит по поводу унификации

национальных культур и ассимиляции культурами западного образца. Эти угрозы вызвали ответную реакцию, активизировав национальные движения и межэтнические конфликты, создавая угрозу теперь уже целостности российского государства. Особенно остро эти процессы протекают на пространстве Северного Кавказа.

В рамках данного региона важно не допускать перехода неинституированного политического процесса на конфликтное «этнонациональное поле». В этом важна позиция государства, поскольку характер, масштабность и острота этнополитических конфликтов зачастую детерминированы его ролью. Чем более нейтральной оказывается позиция и более миротворческой роль государства в конфликте между этнонациональными общностями (между национальными или этническими меньшинствами, или между ними, или одной из них с доминирующей этнонацией), тем более частыми, но более локальными и мягкими будут этнополитические конфликты и тем больше они будут благоприятствовать укреплению национального единства и территориальной целостности государства. И, напротив, чем откровеннее и активнее государство будет демонстрировать свою благосклонность и поддержку одной из конфликтующих сторон, тем более редкими, но более масштабными, острыми и деструктивными будут этнополитические конфликты, тем более они будут препятствовать достижению национального единства и угрожать территориальной целостности государства. Эта закономерность очень важна для любых многонациональных сообществ, но, прежде всего, для многонациональных субъектов Российской Федерации.

Доказано, что в условиях эволюции неинституционализированного политического процесса важную роль в процессах политического управления играют неформальные транснациональные «сети доверия». В Северо-Кавказском макрорегионе эти сети часто формируются в «теневой» или криминальной сфере. При определенных условиях криминальные сообщества укрепляли, хотя и ненадолго, стабильность в зонах этнополитического риска.

Интернациональный характер неформальных «теневых» институтов определяется как экономическими факторами, так и традицией. К экономическим факторам относятся, например, узкие рамки экономик всех субъектов Федерации на Северном Кавказе. Региональной традицией являются отношения побратимства («куначество») между представителями разных взаимодействующих политических и экономических элит.

Одним из специфических факторов неинституционального политического процесса в Северо-Кавказском макрорегионе является незавершенность политической реабилитации. Можно говорить о том, что старая травма и передающиеся через историческую память представления о ней компенсаторно активизируют поиск позитивных характеристик идентичности своего ранее репрессированного народа. Кроме того, требования полной реабилитации, носящие во многом символический и психологический характер, воспринимаются представителями других репрессированных народов как чрезмерные. В конечном итоге это приводит к дестабилизации политического и социального пространства как отдельного региона, так и страны в целом.

С одной стороны, под влиянием процессов унификации и гомогенизации, с другой, стремясь к консолидации под влиянием санкций, начинается процесс архаизации социальных и политических институтов, возникновение парapolитических институтов. Актуализация архаических черт является защитной реакцией на унификацию национальных различий и выражает потребность человека в причастности к группе. Доказывается, что традиционная культура в полиэтнических и поликультурных пространствах в настоящее время испытывают большие «модернизационные перегрузки», вызывающие дезадаптацию некоторой части населения, что в свою очередь создает условия для социальной и политической дестабилизации политического пространства.

Наиболее благоприятные условия для развития неинституированных политических процессов складываются на уровне регионов, для которых характерен дефицит политических ресурсов. Северный Кавказ, являясь частью

более обширного политического пространства со своей спецификой политической организации, можно классифицировать как политический регион, характеризующийся дефицитом политических ресурсов и, следовательно, обладающий потенциалом для динамики неинституированного политического процесса.

Понимание региона как отдельной политической структуры невозможно без теоретической разработки этнополитических аспектов региона, что требует тщательного анализа не только процессов взаимодействия этнических элит и этнического представительства во власти, но и традиционных культур этнических общностей, представленных в регионе. Актуальность этнополитических аспектов региональной политики возрастает в условиях глобализации, поскольку риски глобализации в настоящее время реализуются в России преимущественно в сфере политических отношений.

Культура, экономика и политика Северокавказского макрорегиона имеют свои специфические формы реагирования на пространство и реализуются в нем на основе этноконфессиональной самоорганизации и дифференциации общества.

Территориальные общности на Северном Кавказе сравнительно невелики, но чрезвычайно сплочены и потому их самосознание отчетливо выражено, что в свою очередь является одним из условий протекания неинституированного политического процесса. Большую роль в этом играет историческая память, как основа для политической мобилизации граждан. Потенцируется это стремление желанием сохранения культурной идентичности и своеобразия, а также исторически сложившихся каналов взаимодействия в процессах выживания в нестабильном политическом пространстве. Местный патриотизм здесь является мощным стимулом консолидации как перед лицом «общего врага», так и в периоды локальных противостояний, в борьбе за власть и ресурсы.

Доминирующим, а порой и единственным, актором политического процесса здесь выступает этническая элита, разделяющая идеи этноцентризма, который в свою очередь накладывает отпечаток на весь политический процесс,

который вращается главным образом вокруг защиты прав локальных сообществ и финансово-экономических интересов (следствие дефицита экономических ресурсов). Такие параметры, безусловно, и порождают и поощряют неинституированные политические практики. Под этнической элитой понимается не совокупность элитных групп определенного этноса, а особая элитная группа, для которой характерна специализация на оформлении, представительстве и защите интересов, позиционируемых в качестве этнических интересов. К этой группе принадлежат главным образом этнически ориентированные представители творческой интеллигенции, ученые (как правило, гуманитарии), некоторые партийные активисты, руководители этнических некоммерческих организаций. Ее роль особенно велика в периоды социально-политических трансформаций, связанных с переделом собственности и влияния.

В условиях межэтнической конкуренции наблюдается раздвоение функций политической элиты и развитие клановой формы клиентелизма. Традиционные, явные функции дополнились латентными, недекларируемыми функциями, приобретшими приоритетное значение. Политические разногласия на Северном Кавказе имеют ярко выраженную специфику, главным элементом которой является высокий уровень этнизации. Все конфликты в политической сфере воспринимались общественным мнением в той или иной степени как вызванные определенными этническими группами или используемые этими группами в своих собственных целях. Борьба в экономической сфере, борьба политических элит за власть рассматривается через призму интересов элит местных сообществ.

Северокавказские элиты активно реализуют так называемые латентные, то есть не декларируемые функции. Без реализации этих функций государственное управление в современной России невозможно. Латентные функции являются производными от деятельности элит по согласованию интересов политических акторов на локальном уровне, – с одной стороны, и с другой стороны – от их деятельности, направленной на лоббирование

собственного (подчас узкогруппового) интереса на федеральном уровне. Латентные функции региональных элит в силу того, что они не регулируются законом и не контролируются никакими социальными институтами, могут порождать трудно управляемые социальные, в том числе политические процессы, блокирующие, в свою очередь, эффективную реализацию официально декларируемых и определенных законом функций органов государственной власти.

Латентные функции региональных элит, однако, не всегда имеют самостоятельный характер. Как правило, они проявляются в деятельности элиты при выполнении четко определенных законом полномочий. Это происходит потому, что содержание деятельности по реализации властных полномочий, качественно трудно зафиксировать, и поэтому оно не определено исчерпывающим образом в законодательных актах. Этнический фактор в республиках Северного Кавказа используется элитой как один из ресурсов власти и один из инструментов политического давления на федеральные органы власти.

Геостратегические притязания местных элит дестабилизируют политическую ситуацию. Отмечается в работе, что часть традиционной и часть контрэлиты используют властные ресурсы в своих собственных интересах, зачастую в политических, дабы не утратить политическое влияние и власть, развивалась клановость, монополизация власти, концентрация капиталов в руках лидера, применение физических способов воздействия, насилие, установление прямого контроля над информацией и владение средствами массовой информации, использование широкого спектра «грязных» технологий манипулирования сознанием, все способы устранения конкурентов, запрет на конструктивную критику, отсутствие аналитиков-профессионалов, подавление интереса к политической активности граждан, преобладающая роль номенклатурного аппарата в политической жизни, развитие неформальных иерархий, сетей, кланов, замкнутость политической элиты, круговая порука, коррупция, распространение личных связей и личного влияния в формальных

организациях и отношениях, жесткие барьеры на пути к власти. Все данные позиции являются иллюстрацией специфики протекания неинституционального политического процесса.

Отмечается, что при неинституциональном политическом процессе именно элита демонстрирует торжество прагматичности, свободно переходя от состояния ксенофобии до безудержного космополитизма и обратно. Фиксируется, что в Северо-Кавказском макрорегионе формируется новый вид элиты, для которого типичен симбиоз этничности и рационализма. Анациональные функции элит становятся все более очевидными, а их действия – все более дисфункциональными.

Обострения этнополитической ситуации и конфликты в транзитных обществах, к которым относится российское, достаточно часто провоцируются элитами, стремящимися к переделу сфер влияния. Политический транзит с его нестабильностью отношений власти, а также готовность больших по численности групп поддержать требования элит создают для этого благоприятные условия. Возникающие в полиэтничном политическом пространстве не решаются до тех пор, пока они остаются вне публичного поля, то есть не оглашены, не востребованы и не способны влиять на принимаемые властными органами решения.

Неинституированный политический процесс в полиэтничных пространствах деформирует механизм формирования политической лояльности. В обычных условиях уровень политической лояльности к элите коррелирует с уровнем ее эффективности. В определенных условиях эта корреляция разрушается, приводя к тому, что эффективность утрачивает главенствующую роль в конструировании вертикальных политических отношений. На Северном Кавказе главным фактором, деформирующим механизм формирования политической лояльности, оказывается гиперболизированная этническая идентичность и распространенность идей этноцентризма.

Одним из катализаторов негативного потенциала неинституированного политического процесса является низкое социальное самочувствие массовых групп населения. При этом уровень жизни нельзя считать главным элементом социального самочувствия. Большое значение в формировании социального самочувствия имеет субъективная оценка человеком, как собственного положения, так и положения группы, с которой он ассоциирует себя. Несоответствие растущих ожиданий населения и ресурсных возможностей удовлетворения этих ожиданий на Северном Кавказе является чрезвычайно острым и определяет высокий уровень социальной депривации. Конкретные формы протеста населения сами по себе являются лишь реализацией накопившегося социального недовольства, однако практическое осуществление протестной активности сопряжено с обязательным наличием достаточно развитых политических субъектов, например оппозиция в лице национальных общественных движений. Принимая во внимание степень влияния элит как на население субъектов РФ, так и на властные структуры, необходимо формировать такую систему взаимодействия этих структур и центральной власти, которая бы направляла деятельность элит на улучшение социального самочувствия населения.

Даже в условиях относительного социального благополучия массовых социальных групп существуют условия для конфликтных проявлений в политическом пространстве, поскольку сохраняется существенная диспропорция между большинством населения и наиболее обеспеченными слоями. Эта ситуация воспринимается как несправедливая, особенно в случаях, когда представители обеспеченных групп позволяют себе демонстративно пренебрежительное отношение к другим людям (наглядное нарушение законов или общепринятых норм поведения). Принадлежность представителей такой группы одновременно к «иным» канализирует протестные настроения в русло ксенофобии. В случае использования подобных ситуаций элитами проблема приобретает деструктивный характер. В данном случае мы можем говорить о

негативном потенциале, проявляющемся в разворачивании неинституционального политического процесса.

Взаимосвязь социального самочувствия и неинституированного процесса является достаточно сложной. Даже в условиях относительного социального благополучия сфера «свой» / «чужой» отношений остается потенциально конфликтноопасной. Позитивная оценка собственной жизненной ситуации может сочетаться у человека с депривацией, вызванной его оценкой состояния ближайшего социального окружения или «своего народа в целом». При этом сохраняется возможность сознательного направления заинтересованными в дестабилизации политическими силами протестных настроений в русло межэтнических отношений.

Определенная часть политической активности, входящей в область неинституированного политического процесса, ведется в русле дезинтеграционного вектора. Многие силы в регионе предпринимают попытки радикального перераспределения властных ресурсов и делегитимизации традиционных элит, игнорируя возможные негативные последствия, а зачастую и прямо призывая к дестабилизации политической ситуации. «Ключевыми политическими факторами, влияющими на дезинтеграционные процессы на уровне локального политического пространства, являются: отсутствие эффективной политической стратегии федерального центра, предусматривающей деятельность по интеграции частных сообществ в российское политическое пространство; недооценка в практической деятельности органов федеральной государственной власти т.н. субъективных, то есть относящихся к сфере духовной культуры, мотивов ключевых акторов политических процессов; высокий конфликтный потенциал стремления к доминированию в субъектах РФ местных элит»⁴³⁰.

⁴³⁰ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

Неинституированный политический процесс одним из векторов имеет политическую дезинтеграцию. Обосновывается, что дезинтеграции региона способствовала деятельность некоторой части местной интеллигенции. «В то же время, процессы глобализации в форме унификации этнических особенностей провоцировали депривацию этнических элит и вызывали в массовом сознании рост архаических настроений»⁴³¹. При анализе дезинтеграционных процессов нужно также учитывать следующие факторы: экономические сложности; социальные проблемы, приводящие к радикализации общественных настроений; активность потока мигрантов; снижение доверия к общероссийским и международным институтам из-за их неспособности эффективно содействовать урегулированию региональных конфликтов. «В ходе экспертных опросов было выявлено, что в настоящее время можно говорить о субкультурной дезинтеграция как элемента дезинтеграции политического пространства, поскольку, во-первых, для ряда субкультур характерно деструктивное и агрессивное поведение в социуме; во-вторых, представители субкультур дифференцированы в обществе, в том числе по их политическим взглядам, или по отказу от какой-либо политической активности»⁴³².

Специфические политические практики задействованы для поддержания политической активности в русле интеграционного вектора неинституированного политического процесса. В политической интеграции заинтересованы элиты, стремящиеся к открытию новых сфер политической реализации, с вытекающим отсюда распределением властных ресурсов.

Политика центра по отношению к регионам оказывает разнонаправленное влияние на масштабы и содержание неинституированного процесса, разворачиваемого в их административном поле. Независимо от своих форм,

⁴³¹ Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

⁴³² Там же.

будь то диалог или репрессивные акции, такая политика может как сокращать, так и расширять масштабы и содержание неинституированного политического процесса. Российская политика крайне разнообразна, что затрудняет однозначную оценку ее влияния на неинституированный процесс на местах. Однако экспертные опросы показывают, что федеральные решения будут интенсифицировать неинституированный политических процесс, если они будут связаны с политической градацией местных этносов, «игрой» в «народы-форпосты» и поощрением межэтнических столкновений.

В заключение отметим, что в диссертационной работе отражены далеко не все аспекты неинституционализированного политического процесса на Северном Кавказе. Это и не возможно, учитывая сложность и масштабность самой проблемы. На наш взгляд, перспективы дальнейших исследований могут быть связаны со следующими направлениями: во-первых, необходимо более глубоко проанализировать проблемы реализации принципа федерализма в политических процессах на Северном Кавказе; во-вторых, необходимо разработать механизмы и технологии достижения устойчивого политического процесса в регионе; в-третьих, необходимо предложить модели взаимодействия субъектов институционального и неинституированного политического процесса с соблюдением баланса интересов участвующих сторон в данном процессе.

Список литературы

1. Авксентьев В. А. Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // Обозреватель. 2006. № 6. С. 19-20.
2. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Иванова С. Ю. Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2015. – 180 с.
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе: желаемое и действительное // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Сб. статей VII Международной научной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа», посвященной 25-летию Ингушского государственного университета. Магас: Изд-во «Ингушский гос. университет». 2019. С. 8-12.
4. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
5. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Лепилкина О. И., Шульга М. М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность // Наука Юга России. 2017. Т. 13. № 1. С. 115-125.
6. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 239 с.
7. Аджикова А. С., Школьникова Н. Н. К вопросу оценки интеграционных процессов и перспектив межрегионального взаимодействия

предпринимательских структур субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Вестник академии. 2014. № 2. С. 77-88.

8. Адиев А. З., Щербина Е. А. Дагестан и Карачаево-Черкесия: проблемы регулирования этнического состава в органах власти в полиэтничных регионах // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 59-63.

9. Акаев В. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение // Ислам в современном мире. 2016 г., т. 12, № 1. С. 95-108.

10. Алемединова З. Н. Аккультурация как валеология национальных традиций // Вестник КЧ ИГИ. Вып. 5, 2007. С.106-116 .

11. Алемединова З. Н. Основы культуры мира и толерантности многонациональной Карачаево-Черкесии // Научная мысль Кавказа. Доп. выпуск № 2, 2006. С.18.

12. Алиев А. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе // Дагестанская правда. 02.10.2008.

13. Аминова В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113-118.

14. Андреев Н. И. Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2011. № 3. С. 70-81.

15. Аракелян Э. А. Этнополитические элиты и органы государственного управления в условиях реформирования вертикали современной власти // Этнические проблемы современности. Вып. 13. Ставрополь. 2008. С. 230.

16. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. – 301 с.

17. Аствацатурова М. А. Этноконфликтологический менеджмент: некоторые обобщения в региональном контексте // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. Москва-Ставрополь. 2006. С. 286-295.

18. Аствацатурова М. А., Чекменев Д. С. Фактор этнокультурных и этноконфессиональных отношений современного общественного дискурса СКФО // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 2. С. 162-166.
19. Аствацатурова М. А., Бурцев Ю. Д. К проблеме разработки новой концепции государственной национальной политики / Этнические проблемы современности: вып. 13. Ставрополь, 2008. С. 102.
20. Афанасьев В. В. Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М.: Канон+, 2009. – 478 с.
21. Баженова Е.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Стратегирование в государственной региональной политике России и обеспечение ее национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 130-139.
22. Базиева Г. Д. Духовно-нравственная культура народов Северного Кавказа в условиях глобализации // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 186-190.
23. Байгарова К. С. Глобализация и проблемы национальной безопасности России: автореферат дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. – 20 с.
24. Байрамуков А. И. Геополитический фактор внутривнутриполитического процесса современной России в контексте обеспечения национальной безопасности: на примере Северного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Невинномысск, 2012. – 180 с.
25. Баранов А. В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий. Дисс. ... д-ра полит. наук. Волгоград. 2007. – 555 с.
26. Баранов А. В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2018. Т. 4 (14). № 2. С. 5-18.
27. Баранов А. В., Вартумян А. А. Политическая регионалистика. Вып. 5. М., 2005.

28. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., «Прогресс». 1972. – 392 с.
29. Батиев Л. В., Елецкий Н. Д., Кринко Е. Ф., Суций С. Я., Тарасова Т. Т., Хлынина Т. П. Безопасность южного макрорегиона как проблема комплексного научного исследования / Этнические проблемы современности: вып 13. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 66 с.
30. Бек У. Что такое глобализация?: Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001.
31. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., Прогресс, 1986. С. 330-342.
32. Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Л. Бергера, С. Хантингтона. М., «Аспект-пресс». 2004. С. 8-24.
33. Берджесс М., Грэсс Ф. Федерализм и федерация: государство порядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 102-108.
34. Бернхейм Дж. Макиавеллисты. М., Мир, 1985. – 202 с.
35. Блохина О. В. Политические конфликты современности: теория и практика // Вестник университета. 2014. № 4. С. 238-242.
36. Богданович В. Ю., Маначинский А. Я., Егоров Ю. В., Муха В. А., Бортник А. А. Конфликты и войны после распада СССР. Киев. Издательство «Кий». 2008. – 572 с.
37. Богомолов Б.А. Глобализация: некоторые подходы к осмыслению феномена // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2004. № 3. С. 105-118.
38. Бостан С. И. Особенности развития интеграции как формы международной политики в контексте современных глобализационных процессов // Политология и право. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://st-hum.ru/print/190>

39. Бугай Н. Ф. Проблема безопасности в межэтнических отношениях: составляющие, эволюция, решение // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-1. С. 90-107.
40. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004 (ИПК Звезда). – 413 с.
41. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
42. Вараксина А. О. Анализ влияния системы рекрутирования политических элит на особенности функционирования системы государственного управления России // Научные исследования. 2019. № 1 (27). С. 18-19.
43. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
44. Вельм И. М. Этническое самосознание в структуре менталитета: опыт социально-философского анализа // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 4. С. 9-13.
45. Ветренко И. А. Политические проблемы управления «Российским Кавказом» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1(9). С. 121–126.
46. Волков Ю.Г., Лубский А.В., Чернобровкин И.П. Консолидация ценностной политики на Юге России // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 34-43
47. Волкогонова О., Татаренко И. Этническая идентификация и искушение национализмом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>
48. Воробьев С. М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Дисс. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. – 194 с.

49. ВЦИОМ: Коррупция и преступность в Республике Дагестан: аналитический обзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2633>
50. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. – 462 с.
51. Гаджиев К. С. Политическая наука. М.: Сорос – Международные отношения, 1994. – 400 с.
52. Гаджимурадова Г. И. Социально-демографическая и политическая ситуация в регионах России в контексте актуализации экстремистских процессов радикально-религиозных направлений // Миграционные процессы в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического форума (Москва, 28–29 ноября 2017 г.) В 2-х т. Т. 1 / Под науч. ред. чл.-кор. С. В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Экономическое образование, 2017. – 270 с.
53. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97-103.
54. Гатагова Л. С. Этническая матрица в контексте Гражданской войны на Северном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 4. С. 769-791.
55. Гилев А. В. Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах // Политическая наука. 2017. № 4. С. 61-84.
56. Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Изд-во УРСС, 2000. – 277 с.
57. Голованов А.С. На перепутье евроинтеграции – 20 лет членства России в Совете Европы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 101-105.

58. Гончаренко О. В. Трансформация института губернаторства в России в контексте современных процессов элитобразования. Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2009. – 218 с.
59. Горный М. Предупреждение коррупции: что может общество // Предупреждение коррупции: что может общество. СПб.: Норма, 2003. С. 5-23.
60. Григорян Д. К., Ароян А. С., Веренич И. Г., Островский В. А. Роль этнополитических элит в возникновении и развитии межэтнических конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 76-79.
61. Гриценко Г. Д. Межэтнические отношения на Северном Кавказе // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 3. С. 35-44.
62. Гударенко Р. Ф. Социально-политическая эволюция роли семьи в сохранении этносоциальной стабильности в регионах Северного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. – 145 с.
63. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство. Лекция в память о Стейне Роккане, прочитанная в Бергене 16 мая 1984 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kant.narod.ru/dahl.htm>
64. Дамения О. Н. Абхазия в контексте новых геополитических коллизий // Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России. Ростов/н/Д., 2005. С. 75-102.
65. Данилова Е. Н. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое общество // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 116-123.
66. Дахин А. В. Трансформация региональных элит // Полис. 2003. №4. С.108.
67. Дегоев В. В. Кавказская «обочина» мировой политики XX века // Кавказология. 2018. № 1. С. 191-207.
68. Делягин М. Выживет ли Россия в нерусской смуте? М.: АСТ. 2010. – 416 с.

69. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М.: Инфра-М, 2003. – 766 с.
70. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. – 350 с.
71. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. – 539 с.
72. Дзалаева К. Р. Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2019. № 33(72). С. 38-50.
73. Дзидзоев В. Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Историко-политологическое исследование. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. науч. центра, 2004. – 276 с.
74. Дзидзоев В. Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после холодной войны (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации. Ростов-н/Д., РГУ, 2004. С. 17-43.
75. Дзидзоев В. Д. Осетинская интеграция: сторонники и противники // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 27-32.
76. Дмитриев А. В. Деэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Eskalaziya.pdf>
77. Дмитриченко А. А. Региональная политическая элита в современной России: теоретические традиции исследования // Развитие современного региона: вопросы науки и практики сборник научных статей. Саратов: Изд-во «Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина - филиал РАНХиГС». 2018. С. 86-91.
78. Добаев И. П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Ростов н/Д.: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – 144 с.

79. Добаев И. П., Добаев А. И. Финансовые аспекты подпитки сетевых террористических структур на Северном Кавказе // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 132-142.
80. Добреньков В. И. *Глобализация и Россия: социологический анализ*. М.: ИНФРА-М, 2006. – 445 с.
81. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации // *Федеративный договор. Документы. Комментарии*. М., 1994.
82. Дорожкин Ю. Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // *Власть*. 2016. Т. 24. № 8. С. 14-18.
83. Дробижева Л. М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // *Вестник Российской нации*. 2015. № 5. С. 105-126.
84. Дробижева Л. М. Этнический фактор в трансформационных процессах: пример республик Российской Федерации // *Россия в глобальном контексте*. М., 2002.
85. Дугин А. *Основы геополитики*. М.: Арктогея, 1997. – 452 с.
86. Дьяченко И. И. *Локальные этнокультурные системы: Основные характеристики и закономерности*. Дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2005. – 133 с.
87. *Евразийская миссия (программные материалы Международного «Евразийского Движения»)*. М., 2005.
88. *Евразийский проект: кавказский вектор* // *Южнороссийское обозрение*. № 30. Ростов н/Д., 2005.
89. Ерижева А. Х. *Специфика политологического конфликта в многонациональном регионе (на примере Карачаево-Черкесской республики) // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения*. М.; Ставрополь, 2002. Вып. 18. С. 397-414.

90. Жаде З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации. Дис. ... докт. полит. наук. Краснодар, КубГУ, 2007. – 352 с.
91. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. Ростов н/Д., 1999. – 40 с.
92. Жуков И. К. К определению понятия «Политическая элита» // Вестник Омского государственного университета. 2010. № 3. С. 179-183.
93. Запрудский Ю. Г. Региональные конфликты: понятие и специфика Северного Кавказа // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. М., Ставрополь, 2002. С. 34-31.
94. Захаров В. А. Проблемы культурной стратегии России в государствах Южного Кавказа в современных условиях // Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтогенной ситуации на Юге России. Краснодар, 2006. С. 33-48;
95. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М.: АО «Аспект-пресс», 1995. – 319 с.
96. Зорин В. Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4. С. 158-176.
97. Иванов А. Г. Ситуация в Закавказье и ее влияние на международную и региональную безопасность // Международная жизнь. 2019. № 3. С. 114-119.
98. Ильин М. В. Слово и смыслы: интерес // Полис. 1995. № 2. С. 100-111.
99. Информационный портал «Финкан»: Средняя зарплата в России по регионам в 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fincan.ru/articles/71_srednyaja-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2019-godu
100. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 112 с.
101. Кавказ-РБК: СКФО оказался в аутсайдерах рейтинга по уровню безработицы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/>

102. Казенин К. (гл. ред ИА REGNUM). Карачаево-Черкесия в 2007 году: основные игроки и ставки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum117/topic4691/>
103. Калинина Е. Ю., Мухудадаев М. О., Сморгунова В. Ю. Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. 2017. № 4. С. 14.
104. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
105. Каширин В. И. Региональная конфликтология и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов и проф. В. А. Авксентьев. Ростов н/Д, 2008. 384 с. Рецензия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 4 (152). С. 129-130.
106. Керимов А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы. Дисс. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2019. – 344 с.
107. Клименко Л. В., Ермишина А. В. Экономические ценности как фактор социокультурной интеграции в полиэтничных обществах // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 4. С. 862-869.
108. Кобалия В. Россия захлопнула дверь к спасению // Независимая газета. 2001. 24 февраля.
109. Коблева З. Х. Политическая власть: сущность и основные характеристики // Информация как двигатель научного прогресса: сб. ст. Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во: ООО «ОМЕГА САЙНС». 2018. С. 159-161.
110. Ковалев В. А. Поставторитарный синдром в регионе: опыт Республики Коми в контексте «путинского федерализма» // Полис. 2002. № 3. С. 95-103.

111. Козырев Г. И. Конфликтный социум: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2006. – 238 с.
112. Козырев Г. И. Политический конфликт: общее и особенное: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. – 327 с.
113. Койчуев А. А.-Д. К вопросу о профилактике религиозного экстремизма в Карачаево-Черкесии // Ислам и исламоведение в современной России: сб. докладов Всероссийского исламоведческого форума. 2019. С. 326-333.
114. Колдунова Е. В. Политический кризис и социальный протест в Таиланде // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 222-228.
115. Колядин А. М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 45-53.
116. Коновалов В. Н. Роль борьбы за ресурсы и статусы в урегулировании конфликтов на Северном Кавказе // Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство / Под ред. Т.А. Шебзуховой, А.А. Вартумяна, Н. Ю. Рудь. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 173-177.
117. Коновалов В.Н., Цветоват М. Геостратегический процесс на Кавказе и Каспийском регионе: системный и сетевой анализ // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Сб. докл. Ростов н/Д., Горячий Ключ, 2006. Т. I. С. 114-131.
118. Конференция «Ислам в России: традиции и перспективы» // Международная мусульманская газета. 1998. № 1 (34). Январь. С. 14.
119. Коппитерс Б. Грузино-абхазский конфликт // Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. М., 2005. С. 197-236.
120. Картунов А. В., Маруховская О. А. Этнополитические конфликты: основные тенденции развития / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. М., Ставрополь, 2002. С. 31-45.

121. Косов Г. В., Станкевич Г. В., Умаров Д. В. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция // Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе / Под ред. Н. П. Медведева. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 46-59.
122. Коэн А. Конфликты на Кавказе угрожают интересам США // Российская газета. 1998. 28 ноября.
123. Крупнов Ю. Россия: между Западом и Востоком. Курс Норд-ост. СПб.: Нева, 2004. – 379 с.
124. Кузнецов В. Социология культуры идеологического компромисса: геокультурный аспект. Статья вторая // Безопасность Евразии. М., 2003. № 4. Октябрь – декабрь. С. 352-353.
125. Кузнецов К. А., П.А. Щелин П. А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 31-36
126. Курбатов В. И. Конфликтология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 444 с.
127. Кустарев А. Ставки и игроки // Политический журнал. 2004. № 34 (37). С. 5-25.
128. Лапшин В. К. О необходимости разработки метаметодологии идеологических концептов национальной безопасности России // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты: Материалы международной научной конференции 20-21 апреля 2006 г. Ростов н/Д., 2006;
129. Ларионов С. Н., Филисюк В. Г. Мировоцентризм – возможность мирного сосуществования в современном обществе // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 2. № 1 (33). С. 43-48.
130. Латынина Ю. Это – провал // Новая газета. 2005. 14 февраля.

131. Лебедев С. Г. Этнонационализм в системе политических процессов трансформирующихся обществ. Дисс. ... канд. полит. наук. Иваново, 2004. – 160 с.
132. Лебедева М. М. Глобальные и локальные конфликты / Современные глобальные проблемы мировой политики / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: «Аспект-пресс». 2009. С. 162-175.
133. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. - 2. изд. М.: Аспект Пресс, 1999. – 270 с.
134. Лебедева Н. М. Этническая толерантность в поликультурных регионах России: монография / Лебедева Н. М., Таболина Т. В., Гаюрова Ю. А. и др.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Рос. акад. наук. Науч. изд. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. – 293 с.
135. Литвинова Т. Н. Доверие власти как предпосылка согласия в обществе (на примере Северо-Кавказский республик Российской Федерации) // Политика и общество. 2018. № 3. С. 35-51.
136. Лобова Л. В. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе: взгляд из Европы // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия. СПб., 2004. Т. 1. С. 194-195.
137. Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии. Ростов н/Д, 2005.
138. Майалл Х. Трансформация конфликта: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука. 2007. – 582 с.
139. Максимов Д. В. Этнические конфликты: проблема диагноза пространственно-временной ситуации в контексте социокультурной синергетики // Этнические проблемы современности. Вып. № 13. Ставрополь. 2008. С. 248-252.
140. Малахов В. С., Тишков В. А. Политическая антропология (рецензия) // Pro et Contra. 2001. Т. 5. № 3. С. 269-274.

141. Малышева Д. Конфликты у южных рубежей России // Pro et contra. Россия и ее южные соседи. Лето 2000. М., 2000. Т. 5. № 3. С. 3-33.
142. Мамаладзе Т. Подручные секретных служб. Бесшумный съезд КНК // Известия, 1996. 28 августа.
143. Мараховская О. А. Этнополитические конфликты: сущность, типология и закономерности развития // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. научн. трудов каф. философии МПГУ. Вып. X. Ч. II. М., 2001.
144. Махадов А. К. Глобализация и этноконфессиональные противоречия на Северном Кавказе // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Грозный, 2019. С. 615-618.
145. Медведев Н. П. Угрозы безопасности России на Северном Кавказе / Н. П. Медведев, И. В. Акинин, В. А. Блинников и др. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 2004. – 336 с.
146. Медведев Н. П. Субъект Российской Федерации в условиях государственно-правовых реформ. М.: Институт государства и права РАН. 2006. – 288 с.
147. Медведев Н. П., Косов Г. В., Гундарь О. Н. и др. Толерантность как основа социальной безопасности. М.: Илекса, Ставрополь: ИПО Ставропольсервисшкола. 2002. – 159 с.
148. Межевич Н. М. Евразийский вызов для проекта интеграция интеграций» // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 51-58.
149. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 г. / под общ. ред. В. А. Тишкова. Пятигорск: ПГУ, 2018. – 154 с.
150. Мельников Ю. Ф. Регион. Политическая энциклопедия. В 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1999.
151. Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М.: Анкил, 2009. – 408 с.

152. Мохов В. П. Властные элиты России в условиях консолидации власти // PRO NUNC: Современные политические процессы. Вып. 7: Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия. Тамбов, 2007. С. 24-39.
153. Мошес А. Л. Новые аспекты военно-политической ситуации в Черноморском регионе // Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы. М., 2001. С. 194-203.
154. Мухаметшина Н. С. Региональная этнонациональная политика: опыт Самарской области. Самара: Самарский архитектурно-строительный ун-т, 2008. – 170 с.
155. Мухаметшина Н. С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Самара, 2004.
156. Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110-118.
157. Наджфаров Э. Южный Кавказ: тернистый путь к безопасности. М.: «Научная книга». 2005. – 225 с.
158. Назаретян А. П. Идеология versus цивилизация? // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 7-29.
159. Наипов Б. Х. Социальная безопасность на региональном и местном уровнях: состояние, тенденции развития и механизмы политического регулирования: на примере республик Юга России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2006. – 173 с.
160. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2009. – 208 с.
161. Неклесса А. И. Современная книга перемен: глокализация глобализации // Политический класс. 2007. № 3. С. 89-99.
162. Николаев А. Северный Кавказ должен оставаться российским // Российское аналитическое обозрение. 1999. № 2 (12). С. 29.

163. Новикова Г. Некоторые аспекты политики России на Южном Кавказе // Кавказский регион: пути стабилизации. Ростов н/Д, 2004;
164. О'Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2-3. С. 52-69.
165. Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kchr.ru/left_menu/social_sphere/nationality/
166. Палчаев А. Н. О факторах конфликтности и стабильности на Северном Кавказе // Власть. 2016. № 8. С. 199-203.
167. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 415 с.
168. Панарин И. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. – 122 с.
169. Панин В. Н., Рябцев В. Н. Американские технологии «переформатирования» государств Ближнего и Среднего Востока в современных условиях // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 175-180.
170. Панин В. Ю. Национально-культурное самоопределение в нормативно-правовом контексте современной России / Этнические проблемы современности: вып 13. Ставрополь, 2008. С. 127-132.
171. Пацев У. Угрозы и приоритеты национальной безопасности на Юге России // Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Южнороссийское обозрение. №14. 2003. С. 151-152.
172. Паыш В. Н. Современные тенденции в кавказской американской геополитической экспансии // Евразийский проект: кавказский вектор. Ростов н/Д, 2005. С.178-188.
173. Пивоварова Н. И. Этнофобии в политическом процессе на Северном Кавказе: пути преодоления. Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008. – 194 с.

174. Подъячев К. В. Институт обращений граждан в органы власти в России: возможности возникновения нового канала влияния // Полис. 2007. № 5. С. 68-80.

175. Полит-Информация: Профессор Руслан Абрамов: Потери от коррупционных явлений в России угрожающие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://politinform.su/20525-poteri-ot-korruptsionnyh-yavleniy-v-rossii-ugrozhayuschie.html>

176. Поляков А. В. Региональная политическая элита как субъект политического процесса: по материалам Краснодарского края: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02. Краснодар, 2004. – 235 с.

177. Полякова Т. М. Историческая память о Кавказской войне и современность // Бюллетень. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2004. Май-июнь. С. 8-9.

178. Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону. Изд-во СКНЦ ВШ. 1995. – 64 с.

179. Пояндошаев О. П. Чума XXI века? Коррупция на Северном Кавказе // Научное наследие Ф. А. Щербины: казачество и история Кавказа: сб. материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во: Академия маркетинга и социально-информационных технологий - ИМСИТ (г. Краснодар). 2018. С. 176-194.

180. Расторгуев В. Н. Глобализация на руинах глобализма (политическое бытие в ранге политического события) // Логика метаисторического времени. М., 2004, 136-137.

181. Рахманин В. С. Этноцентризм и толерантность в национально-этнических отношениях // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. М., Ставрополь. 2002. С. 81-90.

182. Результаты социологического исследования «Межэтнические отношения в молодежной среде Краснодарского края» // Конфликтный

потенциал молодежи Краснодарского края. Методики снижения. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 37-79.

183. Реммлер В. Ю. Результаты социологического исследования «Молодежные субкультуры Краснодарского края» // Молодежь Краснодарского края: духовно-нравственное состояние. Краснодар. ЮРРЦ. 2009.

184. Реммлер В. Ю. Результаты социологического исследования «Положение молодежи в Краснодарском крае. Выявление основных показателей социального самочувствия молодежи Краснодарского края в сфере межконфессиональных отношений» // Кубанская молодежь и религия. Вопросы профилактики экстремизма. Краснодар. ЮРРЦ. 2008.

185. Римский В. Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 150-179.

186. Розенцвейг В. В. Язык для представления знаний, в котором утверждения имеют ограниченную область определения. М.: б. и., 1979. – 27 с.

187. Розин М. Д., Рябцев В. В., Свечкарев В. П. Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ // Инженерный вестник Дона. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_81_Rozin

188. Розин М. Д., Рябцев В. Н., Свечкарев В. П., Квициани Д. Д. К проблеме прогнозирования процессов в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5 (96). С. 102-106.

189. Розов Н. С. Динамика гибридных режимов и устойчивость/хрупкость неототалитаризма // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 1 (88). С. 30-46.

190. Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис. №6. 1999. С. 99-100.

191. Ротов А. С. Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России. Автореф. дисс. ... канд. полит, наук. Ростов н/Д, 2007. – 32 с.
192. Рубан Л. С. Геополитическая ситуация и проблема безопасности. в бассейне Каспийского моря // Безопасность Евразии. 2003. № 2. С. 301-329.
193. Рябцев В. Н. О возможности прогнозирования ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира и методах такого рода работы // Электронный журнал «Инженерный вестник Дона». 2018. № 4 (51).
194. Рябцев В. Н. Особенности международного посредничества в урегулировании замороженных сецессионных конфликтов. Ростов н/Д, 2007.
195. Савва М. В. Информационная война вокруг идеи объединения Краснодарского края и Республики Адыгея // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 61. Май-июнь 2005. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2005. С. 43-46.
196. Савва М. В. Методы профилактики молодежного этнического экстремизма // Конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края. Методики снижения. Краснодар. ЮРРЦ. 2008. С. 17-27.
197. Савва М. В. Мифоидеологемы – знамена сепаратизма (на примере Северного Кавказа) // Евразия: люди и мифы. М., 2003. С. 474-495.
198. Савва М. В. Особенности этнополитической ситуации в Краснодарском крае // Конфликт-диалог-сотрудничество. Бюллетень. № 3. Март-май 2000. М., 2000. С. 23-42.
199. Савва М. В. Этнический статус: анализ социально-политического феномена. Дисс. ... д-ра полит. наук. М., РАГС. 1999. – 314 с.
200. Савва М. Мифоидеологемы – знамена сепаратизма (на примере Северного Кавказа) // Евразия. Люди и мифы. М., «Наталис». 2003.
201. Салгириев А. Р. Трайбально-клановое строение политических элит на Северном Кавказе как фактор политической напряженности // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1 . С. 31-38.

202. Салгириев А. Р., Баранов А.В., Костенко Ю. В. Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 7-2 (53). С. 145-147.
203. Сальников В. П., Ивашов Л. Г., Джегутанов Б. К. Философия глобализации (методологические основы геополитической доктрины России). Монография. СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
204. Самохин А. А. НАТО и формирование европейской безопасности в 90-е гг. XX в. (Средиземноморье – Черноморский регион). Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2002. – 32 с.
205. Санглибаев А. А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Полис. 2007. № 6. С. 52-63.
206. Санглибаев А. А. Этнополитические процессы на Северном Кавказе на современном этапе. Дис. ... докт. полит. наук. Ставрополь. СГУ. 2008. – 325 с.
207. Сатановский Е. Призрак вышел из пустыни // Независимая газета. 2001. 20 ноября.
208. Сваранц А. Нефть и газ Каспия в геостратегии США // Независимая газета, 1998. 11 декабря.
209. Светлов В. А. Конфликт и эволюция: от генетических конфликтов к конфликту поколений. М.: Издательство: ООО «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"». 2018. – 158 с.
210. Семенова З. У. Конфликт. Пути выхода из конфликта // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2019. С. 97-98.
211. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы, М РГГУ, 1998. – 417 с.
212. Силаев Н. Ю. «Кавказская специфика»: теоретическое осмысление // Россия и АТР. 2017. № 4 (98). С. 31-46.

213. Симония Н. А. Догоняющее развитие Незапада versus западной модели развития // *Мировая экономика и международные отношения* 1996. № 12. С. 6-17.
214. Скаков А. Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // *Абхазская интернет-библиотека [Электронный ресурс]*. Режим доступа: http://apsnyteka.org/1070-skakov_a_statji.html#1
215. Скаков А. Ю., Муханов В. М. Абхазия: социально-политические итоги 2017 года // *Международная аналитика*. 2017. № 3 (21). С. 43-56.
216. Скороходова В. П. Конфликтологический потенциал влияния глобализации на северо-кавказское общество в постсоветский период // *Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ»*. 2019. № 4. С. 75-82.
217. Скороходова В. П. Некоторые особенности проведения парламентских выборов 2016 г. в республиках Северного Кавказа // *Философия права*. 2017. № 2 (81). С. 107-115.
218. Смирнов А. Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001.
219. Солдатова Г. У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности. Дисс. ... д-ра псих. наук. Москва, 2001. – 431 с.
220. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., «Смысл». 1998. – 386 с.
221. Социологический опрос на тему: «Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением Карачаево-Черкесской Республики» (осень 1998 г. – зима 1999 г., осень 2008 г. – зима 2009 г., осень 2018 г. – зима 2019 г.) // *Материалы из личного архива автора*.
222. Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы: (По результатам исслед. проектов) / Рос. акад. наук, Центр конфликтологии, Ин-т социологии. - М.: ИС, 1996. – 288 с.

223. Степанов Е. И. Международная ассоциация конфликтологов: 15-летие возникновения и развития // Конфликтология. 2016. № 1. С. 9-26.

224. Степанов Е. И. Роль региональных элит в обеспечении культуры мира и местного самоуправления как альтернативы вооруженному и структурному насилию на Северном Кавказе // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. Москва-Ставрополь. 2006. С. 189-206.

225. Степанов Е. И. Теоретико-методологические проблемы изучения глобализации и регионализации как конфликтогенных факторов современной трансформации российского общества // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. М., 2005. С. 38-39.

226. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А. Г. Гранберга и др. М.: Экономика, 2002. – 413 с.

227. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

228. Стребков А. И., Алдаганов М. М., Газимагомедов Г. Г. Российская конфликтология между настоящим и прошлым // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 66-76.

229. Сунцов А. В. Влияние глобализации на политические процессы в России: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2005. – 28 с.

230. Темиров У. Э. Национальный вопрос – это национальные, этнополитические, этноэтнические, юридические отношения // Жизнь национальностей. 2018. № 3-4. С. 14-18.

231. Тетуев А. И. Влияние региональных средств массовой информации на этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 2 (39), 2018. С. 49-59.

232. Титов В. Н. Политическая элита и проблемы политики. М., 1998. С. 109-114.
233. Титов В. Н. Политическая элита и проблемы политики // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 109-114.
234. Титова Л. Г. Проблемы и цели региональной конфликтологии // Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. С. 402-409.
235. Тишков В. А. Мы пропустили XX век? // Перестройка и национальные проблемы. Приложение к журналу «Новое время». 1989. Декабрь. С. 5.
236. Тишков В. А. Российский Кавказ: книга для политиков. М.: (б/и), 2007. – 284 с.
237. Тишков В. А., Степанов В. В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879-890.
238. Тороканова Ф. Сущностная характеристика национальной идентичности // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 2. С. 125-128.
239. Трапш Н. А. Перспективы развития абхазской государственности в контексте российских геополитических интересов // Кавказский регион: пути стабилизации. Ростов-н/Д., 2004. С. 229-237.
240. Трусова Л. Н. Исследования этноцентризма и толерантности в кросс-культурной психологии // В сборнике: Актуальные научные исследования: экономика, управление, образование и финансы Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 159-163.
241. Тумов А. А. Выборы как политический «инструмент» в руках региональных элит: случай Кабардино-Балкарской Республики // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 3. С. 173-198.

242. Туровский Р. Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. М., ГУ ВШЭ. 2007. – 399 с.
243. Тхагапсоев Х. Г. Истоки региональных конфликтов и проблемы их объективизации // Факторы конфликтности на Северном Кавказе, Ростов н/Д, 2005, С. 29-49.
244. Тхагапсоев Х. Г. Когда политикой правит культура: к особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. 2018. № 1. С. 12-36.
245. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. – 253 с.
246. Ушаков С. В. Социокультурный анализ этнополитического конфликта: на примере конфликта в Чеченской Республике. Дисс. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2004. – 178 с.
247. Федоров Ю. Е. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1 – 2. С. 31-49.
248. Федотов А. П. Глобалистика: начала науки о современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.
249. Федотов Д. С. Особенности этнополитических и блоковых конфликтов на Северном Кавказе // Система ценностей современного общества. 2010. № 11. С. 93-96.
250. Фишер Й. Новый мировой порядок для XXI века // Независимая газета. 2003. 23 декабря.
251. Халюзин В. А. Динамика политической жизни традиционного общества: на примере Северного Кавказа. Дисс. ...канд. полит. наук. Пятигорск. 2011. – 151 с.
252. Ханбабаев К. М. Вызовы экстремизма и терроризма на Северном Кавказе и эффективность противодействия // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Т. 2. Махачкала. Издательство «Лотос». 2008. С. 170-176.
253. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. – 571 с.

254. Хатуев Р. Кавказская матрица // Газета «Вести гор», 22.11.-18.11.2005 г.
255. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.
256. Хачатуров К. По собственному сценарию // Независимая газета № 24, 2001.10 февраля.
257. Хесли В. Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. 1996. № 6. С. 41.
258. Христианский католический портал «Katolik: ru»: Религиозная ситуация в Карачаево-Черкесии: Уполномоченный президента КЧР по связям с религиозными организациями Е. Кратов о религиозной ситуации в республике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.katolik.ru/mir/1016-archive/75543-st7583.html>
259. Цветков О. М. Адыгея: конфликт вокруг памятника Николаю Угоднику // Конфликтология. СПб., 2006. № 1. С. 77-87.
260. Цокуренко С. С. Насилие в процессе этнических конфликтов на Юге России. Дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2008. – 142 с.
261. Цыганков А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 3-23.
262. Цымбурский В. Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX веков. М.: Книжный мир, 2016. – 497 с.
263. Цымбурский В. Л. Россия – страна за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 141 с.
264. Цюрхер К. Мультикультуризм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Полис. 1999. № 6. С. 105-115.

265. Чагилов В. Р. Идея российского нацстроительства между «Сциллой и Харибдой» мультикультурализма и поликультурности // Этнические проблемы современности: вып. 13. Ставрополь, 2008. С.109-119.
266. Черноус В. В. Кавказ в системе евразийской безопасности: от биполярности через атлантизм к глобальной безопасности // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д., 2004. С. 44-69.
267. Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005 (Калуга: ГУП Облиздат). – 220 с.
268. Чешков М. А. Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1992. – 37 с.
269. Чумалов М. Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, 2000. – 356 с.
270. Шакирова Э. В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 203-210.
271. Шаран П. Сравнительная политология. М.: Б. и., 1992. – 526 с.
272. Шарапов В. В. Структура и функции этнического самосознания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. №. 10. С. 188-194.
273. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. В 3 ч. М.: Российская академия управления, 1992.
274. Шелов-Коведяев Ф. В. Об императивах внешней политики (К философии выхода России из кризиса) // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 19-36.

275. Щекотин А. Непризнанное государство Абхазия// Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России. Ростов-н/Д., 2005. С. 212-214.

276. Щербина Е. А. Опыт регионального менеджмента этнополитических конфликтов (на материалах Карачаево-Черкессии 1999-2000 гг.) и пути стабилизации этнополитической обстановки в полиэтничном субъекте Российской Федерации // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира. М.; Ставрополь, 2006. С. 305-318.

277. Эбзеев А. А. Анациональные дисфункции конфликтов и их политические последствия на Северном Кавказе // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 26-30.

278. Эбзеев А. А. Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/A_A_Jebzeev.pdf

279. Эбзеев А. А. Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе (концепция диссертации на соискание ученой степени доктора наук) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 183-187.

280. Эбзеев А. А. Политическая реинтеграция политического пространства России: на примере Северо-Западного Кавказа. Дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2007. – 195 с.

281. Эбзеев Б. С. Лучшая политика – честная политика // Интерфакс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=386>

282. Экзекова Л. И. Толерантность как принцип межнациональных отношений в полиэтничной Карачаево-Черкессии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 2(179). С. 137-141.

283. Экспертный опрос на тему: «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (февраль – июнь 2009 г.) // Материалы из личного архива автора.

284. Юрченко В. М. Политика как фактор региональной конфликтности. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1997. – 272 с.

285. Юрченко В. М. Проблемы обеспечения национальной безопасности России: геополитические и внутригосударственные аспекты, существующие вызовы, угрозы и риски // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. Симферополь: Ариал, 2016. С. 255-258.

286. Юрченко В. М. Региональные проблемы российской безопасности // Мировая политика, международная безопасность и транснациональные процессы в XXI веке: уроки, вызовы и выбор России. М., 2003. С. 338-342.

287. Юрченко В. М., Юрченко И. В. Профилактика межнациональных конфликтов на юге России в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. 2018. С. 464-474.

288. Юсупова Г. И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России. Дисс. ... д-ра. филос. наук. Махачкала. 2009. – 358 с.

289. Юсупова Г. И. Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России. М., «Собрание». 2009. – 320 с.

290. Язькова А. А. Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики // Современная Европа. 2016. № 3. С. 147-148.

291. Язькова А. А. Государства Южного Кавказа и Россия: региональные интересы и глобальные факторы // Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы. М., 2001. С. 228-239.

292. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.

293. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001. – 345 с.
294. Янадамов А. М. Трансформация социально-политической обстановки в Чечне в 1990-х - начала 2000-х гг. // В сб.: Миллионщиков – 2019. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО "ГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова". 2019. С. 406-409.
295. Ajami F. The Summoning // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 4. (September/October). P. 2-9.
296. Alesina A., Wacziarg R. The Economics of Civic Trust // Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? / Ed. by S.J. Pharr, R.D. Putnam. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 148-170.
297. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2016. - 256 p.
298. Arrighi G. Globalization and Historical Macrosociology // Janet L. Lughod (ed.) Sociology for the Twenty-First Century. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 117-133.
299. Barber D. Jihad vs. MacWorld. New York: New York University Press, 1995.
300. Barnes S.H. et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. - 640 p.
301. Bertucci M.E., Hayes J., James P. A New Look at Constructivism // Constructivism Reconsidered: Past, Present, and Future / Ed. by M.E. Bertucci, J. Hayes, P. James. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2018. P. 1-14.
302. Bourne P.A. Unconventional Political Participation in a Middle-Income Developing Country // Current Research Journal of Social Sciences. 2010. Vol. 2. № 3. P. 196-203.

303. Bozzo L., Ragionieri R. Regional Security in the Balkans and the Role of Turkey: An Italian Perspective // *The Southeast European Yearbook* 1992. Athens: Hellenic Foundation for Defense and Foreign Policy, 1993. P. 11-41.
304. Brewer G.D. The Policy Sciences Emerge: To Nurture and Structure a Discipline // *Policy Sciences*. 1974. Vol. 5. № 3. P. 239-244.
305. Brusco V., Nazareno M., Stokes S.C. Vote Buying in Argentina // *Latin American Research Review*. 2004. Vol. 39. № 2. P. 66-88.
306. Calvo E., Murillo M.V. Who Delivers? Partisan Clients in the Argentine Electoral Market // *American Journal of Political Science*. 2004. Vol. 48. № 4. P. 742-757.
307. Chubb J. Patronage, Power and Poverty in Southern Italy: A Tale of Two Cities. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 308 p.
308. Cornstager D. The Price of a Vote in the Middle East: Clientelism and Communal Politics in Lebanon and Yemen. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 275 p.
309. Daly H., Cobb J. For the Common Goods: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future. Boston: Boston University Press, 1989.
310. Derluignan G. The Capitalist World-System and Socialism // Alexander J. Motyl (ed.) *Encyclopedia of Nationalism*. Vol. 1. Fundamental Issues. New York, 2001. P. 55-80.
311. Desposato S.W. How Does Vote Buying Shape the Legislative Arena? // *Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying* / Ed. by F.C. Schaffer. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 101-122.
312. Diemer M.A. Fostering Marginalized Youths' Political Participation: Longitudinal Roles of Parental Political Socialization and Youth Sociopolitical Development // *American Journal of Community Psychology*. 2012. Vol. 50. № 1-2. P. 246-256.
313. Doise W. Groups and individuals: explanation in social psychology. Cambridge. 1978. P. 191.

314. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley, 1965. – 507 p.
315. Eisenstadt S.N., Roniger L. *Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 353 p.
316. Fang J. *Non-institutional Political Participation: A Case Study of Chinese Peasants During the Transformation Period*. Heidelberg: Springer, 2016. – 165 p.
317. Fox J. *The Difficult Transition from Clientelism to Citizenship: Lessons from Mexico* // *World Politics*. 1994. Vol. 46. № 2. P. 151-184.
318. Galtung J. *Western Civilization: Anatomy and Pathology* // *Alternative*. 1981. Vol. 7. No. 2. (Fall). P. 145-170.
319. Grzymala-Busse A. *Beyond Clientelism: Incumbent State Capture and State Formation* // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. № 4-5. P. 638-673.
320. Hicken A. *Clientelism* // *Annual Review of Political Science*. 2011. Vol. 40. P. 289-310.
321. Hicken A., Simmons J.W. *The Personal Vote and the Efficacy of Education Spending*. *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. № 1. P. 109-124.
322. Hicken A.D. *How Do Rules and Institutions Encourage Vote Buying?* // *Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying* / Ed. by F.C. Schaffer. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 47-60.
323. Holland E. C., Witmer F. D. W., O’Loughlin J. *The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia’s North Caucasus, 2010-2016* // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. № 6. P. 613-641.
324. Holland E.C., Witmer F.D.W., O’Loughlin J. *The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia’s North Caucasus, 2010-2016* // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. № 6. P. 613-641.

325. Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 2000. - 711 p.
326. Howlett M., McConnell A., Perl A. *Streams and Stages: Reconciling Kingdon and Policy Process Theory* // *European Journal of Political Research*. 2015. Vol. 54. № 3. P. 419-434.
327. Huntington S.P., Nelson J.M. *No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 224 p.
328. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton, 1997.
329. Keefer P. *Clientelism, Credibility, and the Policy Choices of Young Democracies* // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. № 4. P. 804-821.
330. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. London: Pearson, 2011. 304 p.
331. Kitschelt H. *Citizens, Politicians, and Party Cartellization: Political Representation and State Failure in Post-Industrial Democracies* // *European Journal of Political Research*. 2000. Vol. 37. № 2. P. 149-179.
332. Kitschelt H., Wilkinson S.I. *Citizen-Politician Linkages: An Introduction* // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 1-49.
333. Krishna A. *Politics in the Middle: Mediating Relationships Between the Citizens and the State in Rural North India* // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 141-158.
334. Krucken G., Meyer R.E., Walgenbach P. *New Themes in Institutional Analysis: Topics and Issues from European Research* // *New Themes in Institutional Analysis: Topics and Issues from European Research* / Ed. by G. Krucken et. al. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. P. 1-11.

335. Kuttner R. *Everything for Sale: The Virtues and Limits of Markets*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. – 432 p.
336. Lande C. *The Dyadic Basis of Clientelism // Friends, Followers and Factions: A Reader in Political Clientelism / Ed. by S.W. Schmidt et al.* Berkeley: University of California Press, 1977.
337. Mearsheimer J. *Back to the Future: Instability in Europe After the Gold War // International Security*. 1990. Vol. 17. No. 1 (Summer). P. 5-56.
338. Menon R., Wimbush E. *Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Will // The National Interest* (Spring). 2000. P. 84-85.
339. Moore C. *Foreign Bodies: Transnational Activism, the Insurgency in the North Caucasus and «Beyond» // Terrorism and Political Violence*. 2015. Vol. 27. № 3. P. 395-415.
340. Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York, 1985. P. 233-240.
341. Mueller L. *Political Protest in Contemporary Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 274 p.
342. Muller E.N. *An Explanatory Model for Differing Types of Participation // European Journal of Political Research*. 1982. Vol. 10. № 1. P. 1-16.
343. Nadalutti E. *Introduction: Region-Making, Cooperation and its Normative Dimension // Region-Making and Cross-Border Cooperation: New Evidence from Four Continents / Ed. by E. Nadalutti, O. Kallscheuer*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 1-14.
344. Norris P. *Count Every Voice: Democratic Participation Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 232 p.
345. Parry G., Moyser G., Day N. *Political Participation and Democracy in Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 527 p.
346. Piattoni S. *Clientelism in Historical and Comparative Perspective // Clientelism, Interests, and Democratic Representation: The European Experience in*

Historical and Comparative Perspective / Ed. by S. Piattoni. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 1-30.

347. Powell G. B. et al. Comparative Politics Today: A World View. London: Pearson, 2018. – 656 p.

348. Pruitt D., Rubin J. Social Conflict: Escalation, Stalemate, and Settlement. N.Y., 1984.

349. Quaranta M. Political Protest in Western Europe: Exploring the Role of Context in Political Action. Springer, 2015. – 163 p.

350. Remmer K. L. The Political Economy of Patronage: Expenditure Patterns in the Argentine Provinces, 1983-2003 // The Journal of Politics. 2007. Vol. 69. № 2. P. 363-377.

351. Riley S.C.E., Griffin C., Morey Y. The Case for «Everyday Politics»: Evaluating Neo-tribal Theory as a Way to Understand Alternative Forms of Political Participation, Using Electronic Dance Music Culture as an Example // Sociology. 2010. Vol. 44. № 2. P. 345-363.

352. Robinson J.A., Verdier T. The Political Economy of Clientelism // The Scandinavian Journal of Economics. 2013. Vol. 115. № 2. P. 260-291.

353. Roniger L. Political Clientelism, Democracy, and Market Economy // Comparative Politics. 2004. Vol. 36. № 3. P. 353-375.

354. Rosecrance R. A New Concert of Powers // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. No. 2 (Spring). P. 64-82.

355. Sabatier P.A. Political Science and Public Policy // PS: Political Science and Politics. 1991. Vol. 24. № 2. P. 144-147.

356. Sabatier P.A. Toward Better Theories of the Policy Process // PS: Political Science and Politics. 1991. Vol. 24. № 2. P. 147-156.

357. Santis de H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century // World Policy Journal (Winter). 1998–1999. P. 47.

358. Scott J.C. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // American Political Science Review. 1972. Vol. 66. № 1. P. 91-113.

359. Silverman S. Clientelism as Myth // Patrons and Clients in Mediterranean Societies / Ed. by E. Gellner, J. Waterbury. London: Gerald Duckworth and Co., 1977. P. 7-20.

360. Starr S.F., Cornell S.E. The Long Game on the Silk Road: US and EU Strategy for Central Asia and the Caucasus. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. - 162 p.

361. Stokes S.C. Is Vote Buying Undemocratic? // Elections for Sale: The Causes and Consequences of Vote Buying / Ed. by F.C. Schaffer. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 81-100.

362. Stokes S.C. Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. № 3. P. 315-325.

363. Stokes S.C. Political Clientelism // The Oxford Handbook of Political Science / Ed. by R.E. Goodin. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 648-672.

364. Teorell J., Torcal M., Montero J.R. Political Participation: Mapping the Terrain // Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis / Ed. by J.W. van Deth, J.R. Montero, A. Westholm. Abingdon: Routledge, 2007. P. 334-357.

365. Theocharis Y., van Deth J.W. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. Abingdon: Routledge, 2018. – 144 p.

366. Van de Walle N. Meet the New boss, Same as the Old Boss? The Evolution of Political Clientelism in Africa // Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 50-67.

367. Vellinga M. The Dialectics of Globalization. Boulder, Col. (USA), Oxford (UK): Westview Press, 2000. P. 4.

368. Verba S., Schlozman K.L., Brady H. Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1995. – 664 p.
369. Wantchekon L. Clientelism and Voting Behavior: Evidence from a Field Experiment in Benin // World Politics. 2003. Vol. 55. № 3. P. 399-422.
370. Webber C., Wildavsky A. A History of Taxation and Expenditure in the Western World. New York: Simon and Schuster, 1986. – 493 p.
371. Weiss L. The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 186 p.
372. Wildavsky A. Speaking Truth to Power: The Art and Craft of Policy Analysis. New Brunswick: Transaction Books, 1987. – 472 p.

Приложения

Приложение 1

Анкета опроса на тему:

**«Восприятие власти и оценка эффективности ее деятельности населением
Карачаево-Черкесской Республики»**

1. Что такое власть в Вашем представлении?

- Малоэффективная управленческая система, которая создает больше проблем, чем решает их
- Распределительный механизм материальных благ и экономических преимуществ
- Механизм снятия или смягчения противоречий, которые возникают в силу различия интересов у разных общественных групп

**2. Какие структуры, на Ваш взгляд, осуществляют власть в республике?
(назовите не менее трех субъектов)**

- 1) _____
- 2) _____
- 3) _____

3. Что у Вас больше всего вызывает тревогу:

- Рост преступности
- Отсутствие должной заботы о людях
- Ухудшение взаимоотношений работодателями и работниками
- Слабость власти
- Межгрупповые напряжения
- Напряженность между народами
- Нестабильность в экономической жизни республики
- Расслоение на богатых и бедных
- Безработица
- Плохая работа органов правопорядка
- Страх перед судебными органами
- Затрудняюсь ответить

4. Как Вы считаете, кто виноват в этих проблемах?

- Местная исполнительная власть
- Президент Республики
- Центральная власть

5. Приходилось ли Вам обращаться с просьбой решить проблему, решение которой зависит от органов власти?

- К Главе республики
- В Правительство республики и его министерства
- В Народное Собрание (республиканским депутатам)
- В прокуратуру (районную, городскую, республиканскую)
- В органы внутренних дел (районные, городские, республиканские)
- В Пенсионный фонд
- В суд (районные, городские, республиканский)

6. Каким образом решались Ваши проблемы?

- Быстро решали проблему
- Отложили решение на неопределенное время
- Постоянно обещают, но не решают
- Отказали в решении
- Не решают, потому что нужно дать деньги
- Власть решает свои проблемы, им не до нас
- Власть сплошь коррумпирована, им не до нас
- Круговая порука во власти, мы далеки от них
- Власть ненаказуема за нарушение наших прав

7. Какая из характеристик, на Ваш взгляд, больше подходит к исполнительной власти?

- Профессионально грамотные люди
- Строго выполняют должностные обязанности
- Защищают интересы населения республики
- Интересы республики ставят выше личных
- Увеличили количество рабочих мест
- Власть коррумпирована
- Защищают интересы свои и определенных групп
- Работают на себя и свое окружение
- Невысокий профессионализм
- Низкие деловые качества аппарата
- Расстановка кадров не отвечает интересам народов

8. Какая из характеристик, на Ваш взгляд, больше подходит законодательной власти?

- Профессионально грамотные люди
- Строго выполняют должностные обязанности
- Защищают интересы населения республики
- Интересы республики ставят выше личных
- Увеличили количество рабочих мест
- Принимаемые законы ориентированы на защиту рядовых граждан
- Депутаты коррумпированы
- Защищают интересы свои и определенных групп
- Работают на себя и свое окружение
- Невысокий профессионализм

9. Ваше отношение к судебной власти республики:

- Не верю в честность и независимость судей
- Судьи часто нарушают законы сами
- Судьи зависят от исполнительной власти
- Круговая порука
- Взятчники, сплошь коррумпированы
- Защищают свои интересы
- Низкий профессиональный уровень
- Высокий профессионализм
- Честно выполняют свой профессиональный долг

10. Как Вы считаете, какие из приведенных высказываний более соответствует сложившейся ситуации республике?

- Все не так плохо и можно жить
- Жить трудно, но можно терпеть
- Терпеть наше бедственное положение уже невозможно
- Пора уже переходить к выражению активного недовольства такой жизнью
- Затрудняюсь ответить

11. Если Вы не удовлетворены своей жизнью, то в какой степени?

- Уровень недовольства очень высокий
- Уровень недовольства высокий
- Уровень недовольства средний
- Уровень недовольства невысокий
- Затрудняюсь ответить

12. Укажите, пожалуйста, к какой категории Вы себя относите? Ваша сфера деятельности:

- Работник научного сообщества (ученые и преподаватели)
- Работник общественных организаций и СМИ, культуры, неправительственных организаций
- Работник школьных, дошкольных образовательных и медицинских учреждений
- Представитель среднего и малого бизнеса
- Индивидуальная трудовая деятельность
- Фермер
- Студент
- Временно неработающий
- Пенсионер

13. Укажите Ваш пол

- Мужчина
- Женщина

14. Укажите Ваш возраст?

- до 20 лет
- от 21 до 30 лет
- от 31 до 40 лет
- от 41 до 50 лет
- от 51 до 60 лет
- от 61 и старше

Экспертный опрос на тему:**«Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона»**

(первый этап: февраль – июнь 2009 г.; второй этап: февраль – июнь 2017 г.).

Экспертный опрос был проведен по разработанному автором опросному листу. В опросе приняли участие 45 экспертов, представляющих субъекты РФ, отнесенные к Северному Кавказу в рамках данного диссертационного исследования. При формировании экспертного пула автор исследования стремился придерживаться следующего принципа: в каждом субъекте Федерации опросить не менее одного представителя власти, научного сообщества и некоммерческой организации. Учитывая общее количество опрошенных экспертов, в большинстве субъектов опрашивалось более чем по одному представителю каждой группы. Экспертный потенциал респондента и соответствие этого потенциала предмету исследования определялись следующими параметрами: сферой деятельности; продолжительностью работы в области, совпадающей с темой исследования; признанными достижениями эксперта. Эксперты отбирались по методу «снежного кома», когда эксперт, выбранный для участия в исследовании, рекомендовал других экспертов, отвечающих указанным параметрам. Часть экспертов согласилась принять участие в опросе только на условиях анонимности.

Опросный лист

Проблемные поля опроса:

1. Как Вы думаете, какие слои, группы в общественном восприятии относятся к политической элите?
2. Выделите основные конфликтные линии размежевания в отношениях между обществом и институтами политической системы вашего региона.
3. Оцените уровень доверия между населением и органами власти в вашем регионе.
4. Укажите основные формы политического участия населения вашего региона.
5. Какие элементы Вы бы включили в систему этнической идентичности в современных социально-политических условиях Северного Кавказа?
6. Оцените динамику процессов, связанных с трансформацией системы норм и ценностей населения вашего региона за последние 10 лет.
7. Как Вы считаете, ощущается ли градация местных этносов на Северном Кавказе по степени их лояльности к федеральному центру?
8. Определите динамику этнических факторов конфликтогенности политических процессов в республиках Северного Кавказа.

9. Оцените степень влияния конфессиональной принадлежности на политические процессы в вашем регионе.

10. Оцените определенность и валентность (степень позитивности — негативности) религиозного экстремизма и радикализма на Северном Кавказе в дестабилизации политических процессов.

11. Каковы особенности и параметры неинституционализированных политических процессов в полиэтнической среде?

12. В чем выражается влияние геополитических рисков и угроз на динамику политических процессов в республиках Северного Кавказа?

13. Какие методы народной дипломатии, на Ваш взгляд, могут быть востребованы в управлении политическими процессами в вашем регионе?

Список участников экспертного опроса на тему:

«Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона»

(первый этап: февраль – июнь 2009 г.; второй этап: февраль – июнь 2017 г.)

Территориальные рамки опроса:

Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика

Первый список: февраль - июнь 2009 г.

№	ФИО	Регион	Место работы и должность
1.	Нефляшева Наима Аминовна	Республика Адыгея	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН
2.	Урусов Беслан Мусарбиевич	Республика Адыгея	Начальник отдела администрации МО «Тахтамукайский район»
3.	Нехай Арамбий Исуфович	Республика Адыгея	Заместитель Председателя Совета общественной организации «Адыге-Хасэ – Адыгея».
4.	Ханкишиев Гамзат Гаджимурадович	Республика Дагестан	Председатель Кумыкской национально-культурной автономии
5.	Пашаев Маир Эминбекович	Республика Дагестан	Исполнительный директор Ассоциации предпринимателей Южного Дагестана
6.	Тахнаева Патимат Ибрагимовна	Республика Дагестан	Старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН
7.	Абасов Багадур Хадисович	Республика Дагестан	Депутат Народного Собрания
8.	Гулиев Мусса Ахмедович	Республика Ингушетия	Председатель Ученого совета филиала СевКавГТУ в г. Назрань
9.	Дзейтова-Тангиева Марета Умаровна	Республика Ингушетия	Председатель совета фонда «Генезис»
10.	Мизиев Руслан Илезович	Республика Ингушетия	Начальник информационно-аналитического управления Администрации Главы Республики Ингушетия
11.	Аккиева Светлана Исмаиловна	Кабардино-Балкарская Республика	Ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН
14.	Мурадин Рахаев Жибрилович	Кабардино-Балкарская Республика	Глава с. Безенги Черекского района КБР

15.	Кочкарова Людмила Таусоевна	Кабардино-Балкарская Республика	Президент благотворительного фонда «Эльбрус-Стар»
16.	Курданов Узеир Дахирович	Кабардино-Балкарская Республика	Глава с. Эльбрус Эльбрусского района КБР
17.	Яганов Ибрагим Хасанбиевич	Кабардино-Балкарская Республика	Член Совета общественной организации «Хасэ-КБР»
18.	Тенов Тимур Залимханович	Кабардино-Балкарская Республика	доцент кафедры конституционного и административного права КБГУ им. Х. М. Бербекова
19.	Шогенов Мурат Замирович	Кабардино-Балкарская Республика	Доцент кафедры теории и технологии социальной работы КБГУ им. Х. М. Бербекова
20.	Урусов Борис Георгиевич	Карачаево-Черкесская Республика	Исполнительный директор Западно-Кавказского аналитического центра
21.	Тебуев Рустам Абуясуфович	Карачаево-Черкесская Республика	Заместитель главы администрации Прикубанского муниципального района
22.	Хатуев Рашид Тохтарович	Карачаево-Черкесская Республика	Ученый секретарь Карачаевского научно-исследовательского института им. М. Батчаева
23.	Чомаев Казбек Исхакович	Карачаево-Черкесская Республика	Председатель Конгресса карачаевского народа
24.	Черкесов Мухаммед Хизирович	Карачаево-Черкесская Республика	Председатель общественной организации «Адыге-Хасэ – КЧР»
25.	Шербина Елена Анатольевна	Карачаево-Черкесская Республика	ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований
26.	Хабов Руслан Хусеевич	Карачаево-Черкесская Республика	Заместитель Председателя Народного Собрания (Парламента) КЧР
27.	Багиев Алан Казбекович	Республика Северная Осетия – Алания	Начальник отдела министерства по вопросам национальных отношений
28.	Дзусов Ирбек Игоревич	Республика Северная Осетия - Алания	Ведущий преподаватель кафедры социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова
29.	Бзаров Руслан Сулейманович	Республика Северная Осетия - Алания	Член совета общественной организации «Стыр Ныхаш»
30.	Исмаилов Сулима Витхажирович	Чеченская Республика	Депутат Парламента Чеченской Республики
31.	Дунаев Мусса Салаудинович	Чеченская Республика	Региональная Ассоциация общественных объединений Чеченской Республики «Национальный совет общественных, молодежных и детских объединений»
32.	Мурадов Мусса Каимович	Чеченская Республика	Обозреватель ИД «Коммерсант»

Второй список: на февраль – июнь 2017 г.

№	ФИО	Регион	Место работы и должность
1.	Нефляшева Наима Аминовна	Республика Адыгея	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН
2.	Урусов Беслан Мусарбиевич	Республика Адыгея	Первый заместитель главы администрации МО «Тахтамукайский район»
3.	Нехай Арамбий Исуфович	Республика Адыгея	Член Совета общественной организации «Адыге-Хасэ – Адыгея».
4.	Ханкишиев Гамзат Гаджимурадович	Республика Дагестан	Председатель Кумыкской национально-культурной автономии
5.	Пашаев Маир Эминбекович	Республика Дагестан	Председатель Ассоциации предпринимателей Южного Дагестана
6.	Донного Хаджимурад Омарович	Республика Дагестан	Научный сотрудник Дагестанского объединенного музея
7.	Тахнаева Патимат Ибрагимовна	Республика Дагестан	Старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН
8.	Абасов Багадур Хадисович	Республика Дагестан	Депутат Народного Собрания
9.	Гулиев Мусса Ахмедович	Республика Ингушетия	Председатель Ученого совета филиала СевКавГТУ в г. Назрань
10.	Дзейтова-Тангиева Марета Умаровна	Республика Ингушетия	Председатель совета фонда «Генезис»
11.	Кодзоев Аслан Юсупович	Республика Ингушетия	Общественник
12.	Мизиев Руслан Илезович	Республика Ингушетия	Заместитель министра по внешним связям, национальной политике, печати и информации РИ
13.	Аккиева Светлана Исмаиловна	Кабардино-Балкарская Республика	Ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН
14.	Кочкарова Людмила Таусоевна	Кабардино-Балкарская Республика	Президент благотворительного фонда «Эльбрус-Стар»
15.	Курданов Узеир Дахирович	Кабардино-Балкарская Республика	Глава с. Эльбрус Эльбрусского района КБР
16.	Яганов Ибрагим Хасанбиевич	Кабардино-Балкарская Республика	Председатель общественной организации «Хасэ-КБР»
17.	Тенов Тимур Залимханович	Кабардино-Балкарская Республика	Профессор кафедры конституционного и административного права КБГУ им. Х. М. Бербекова
18.	Шогенов Мурат Замирович	Кабардино-Балкарская Республика	Доцент кафедры теории и технологии социальной работы КБГУ им. Х. М. Бербекова
19.	Урусов Борис	Карачаево-Черкесская	Начальник отдела по

	Георгиевич	Республика	взаимодействию со СМИ Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КЧР
20.	Тебуев Рустам Абуюсуфович	Карачаево-Черкесская Республика	Заместитель главы администрации Прикубанского муниципального района
21.	Хатуев Рашид Тохтарович	Карачаево-Черкесская Республика	Ученый секретарь Карачаево- Черкесского республиканского музея-заповедника им. Байчоровой
22.	Халкечев Кады Наныкишиевич	Карачаево-Черкесская Республика	Председатель Конгресса карачаевского народа
23.	Асланов Али Фуадович	Карачаево-Черкесская Республика	Председатель общественной организации «Адыге-Хасэ – КЧР»
24.	Батчаев Шамиль Мухдарович	Карачаево-Черкесская Республика	Начальник отдела архивного дела РГБУ «Карачаево-Черкесский республиканский архив»
25.	Шенкао Маргарита Башировна	Карачаево-Черкесская Республика	научный сотрудник Карачаево- Черкесского института гуманитарных исследований
26.	Шербина Елена Анатольевна	Карачаево-Черкесская Республика	ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований
27.	Хабов Руслан Хусеевич	Карачаево-Черкесская Республика	Заместитель Председателя Народного Собрания (Парламента) КЧР
28.	Багиев Алан Казбекович	Республика Северная Осетия – Алания	Заместитель министра по вопросам национальных отношений
29.	Дзусов Ирбек Игоревич	Республика Северная Осетия - Алания	Старший преподаватель кафедры социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова
30.	Бзаров Руслан Сулейманович	Республика Северная Осетия - Алания	Член совета общественной организации «Стыр Ныхаш»
31.	Исмаилов Сулима Витхажирович	Чеченская Республика	Депутат Парламента Чеченской Республики
32.	Дунаев Мусса Салаудинович	Чеченская Республика	Региональная Ассоциация общественных объединений Чеченской Республики «Национальный совет общественных, молодежных и детских объединений»
33.	Мурадов Мусса Каимович	Чеченская Республика	Обозреватель ИД «Коммерсант»